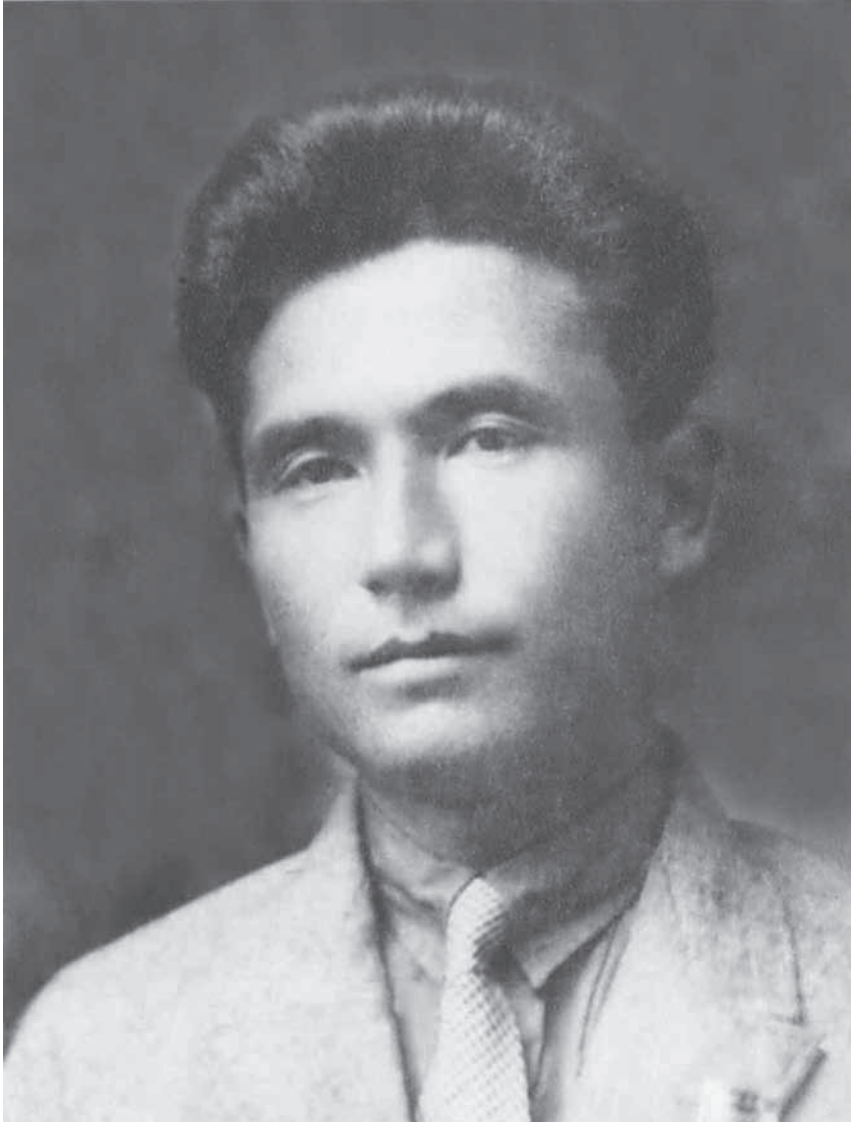


*Посвящается 110-летию
Торекула Айтматова*





*Нагима и Торекул Айтматовы
Каракол, 1926 г.*

Роза Айтматова

БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
(МОИ ВОСПОМИНАНИЯ)

БИШКЕК – 2013

УДК 821.51
ББК 84Ки7-4
А 37

Айтматова Р.

А 37 **Белые страницы истории: (Мои воспоминания).** – Б.: ОсОО
«V.R.S. Company», 2013. – 268 с.

ISBN 978-9967-27-080-0

Книга «Белые страницы истории», была написана и первый раз издана в 2009 году. Она посвящена памяти партийно-государственного деятеля Кыргызской Республики, погибшего в годы сталинских репрессий – Торекулу Айтматову. В 2013 году ему исполнилось бы 110 лет. В содержание второго издания книги внесены некоторые дополнения и уточнения, которые были сделаны на основании архивных материалов.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

А 4702300100-13

ISBN 978-9967-27-080-0

УДК 821.51
ББК 84Ки7-4

© Р. Айтматова 2013

Предисловие

В 1991 году вблизи Бишкека в урочище Чон-Таш было найдено место массового захоронения. Впоследствии было доказано, что это братская могила жертв сталинских репрессий 30-х годов 20-го века благодаря тому, что в могиле сохранились обвинительные заключения четырех из них, в том числе нашего отца Торекула Айтматова.

Известие о находке потрясло нашу семью. Мы столько лет искали место погребения отца и уже почти смирились с тем, что уже никогда не сможем найти его. Как будто по воле судьбы, как будто специально отец положил обвинительный документ в нагрудной карман, а через полвека эта и другие подобные весточки помогли восстановить один из эпизодов истории 30-х годов и определить, что же случилось тогда, в ноябре 1938 года.

Помню свое волнение в те дни. Я не могла найти себе места. Хотелось излить свою душу, высказать возмущение тем, как жестоко, несправедливо и бесчеловечно обошлись с отцами... Но кому все это рассказать, с кем поделиться? А не излить, не высказать невозможно, иначе разорвется сердце!.. И я, собравшись с духом, взялась за перо: потомки должны знать правду об этом событии, они должны из него извлечь уроки для будущего...

Когда я говорю о том, что эта книга - мои воспоминания о жизни и деятельности наших родителей Торекула и Нагимы Айтматовых, то у читателя может возникнуть закономерный вопрос: «А кому это интересно - читать историю какой-то семьи, пусть даже знаменитой?» Но события того времени происходили не только с нашей семьей, они коснулись многих тысяч других семей... Репрессии, как кривое зеркало, отразили и изменили судьбы миллионов и миллионов людей.¹

¹ «Репрессия» в переводе с латинского, означает подавление. «Репрессия – карательная мера, исходящая от государственных органов», С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова, Толковый словарь русского языка, М. 2003.

Известно, что в 30-е годы советское государство в отношении партийных и советских работников проводило репрессии, которые имели массовый, тотальный характер. Наказанию подвергались не только государственные деятели, виновные в каких-то вопросах, но и невинные, преданные советской власти люди независимо от занимаемой должности, пола, национальности, религиозных взглядов, социального положения и т. д.

Так, по отношению к искренне преданным своей стране и не совершившим никаких преступлений людям, была допущена высочайшая несправедливость со стороны государственной системы.

По приблизительным оценкам в целом по Кыргызстану было репрессировано более сорока тысяч человек¹. Перефразирую известный афоризм: «Судьба сорока тысяч – это статистика, судьба одного – это трагедия». И действительно, легко произнести «сорок тысяч», а если вдуматься, то жизнь каждого из них была ценна не только для общества: у этих людей были семьи, дети, близкие люди, которым они были бесконечно дороги. Более того, процесс не завершился наказанием только репрессированных личностей. Преследованию подвергались их семьи. Детей называли детьми «врагов народа», и это клеймо на протяжении многих лет сопровождало их.

Государственные органы, люди, совершившие эти преступления, боялись правды и старались скрыть от семей и общественности свои неблагоприятные дела. Они умалчивали или искажали историю. До сих пор история 30-х годов описана неполно. Данная книга внесет свой вклад в восстановление справедливости и правды. Я надеюсь, что за ней последуют другие, разнообразные истории, которые как мозаика создадут целостную картину эпохи.

Автор

¹ В последнее время называется число 80 тысяч, а в газете «Рух кенчи» за ноябрь 2008 года говорится, что количество подвергшихся сталинским репрессиям по Кыргызстану составляет более 100 тысяч человек (по данным Всероссийской переписи 1924 года население Кыргызстана составляло всего 798 770 человек).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

«Ата-Бейит» (Могила отцов)

ЧОН-ТАШСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В советское время вблизи города Фрунзе¹ располагалась лыжно-спортивная база «Чон-Таш». Это было популярное, любимое горожанами место отдыха. В зимнее время здесь тренировались спортсмены, а в выходные дни сюда на зимний отдых выезжали любители покататься на лыжах. Какое это было удовольствие! Чистый горный воздух и удобные для катания белоснежные склоны! Организации привозили своих сотрудников группами, на автобусах,² а те, у кого была возможность, приезжали на своих машинах целыми семьями, с детьми. Все выходные склоны гор буквально кишели отдыхающими. Работал прокат лыж и санок. Самые отчаянные катались на автомобильных шинах, паровозиком, а то и просто на клеенке!

Многие из них не помнили, а молодое поколение вообще не знало, что в 30-х годах на этом месте была дача или дом отдыха НКВД³ Киргизской ССР⁴.

1 Фрунзе – ныне Бишкек.

2 Профсоюзным организациям вменялось в обязанность развивать массовый спорт, и особо поощрялся вывоз рядовых трудящихся (рабочий класс) на Чон-Ташскую лыжную базу. Возможно, это делалось с подачи НКВД, которому было выгодно, чтобы в памяти людской закрепилась связь этой местности со спортивной базой, и совсем было забыто прошлое, связанное с домом отдыха (дачей) НКВД.

3 НКВД – Народный Комиссариат Внутренних дел

4 Далее по тексту книги написание слов «киргизский» и «кыргызский» будет варьировать в зависимости от контекста и времени, ибо в разные периоды использовались разные правила написания.

Когда-то на одном из холмов Чон-Таша в 1890 году был построен маленький двухэтажный кирпичный завод. Говорят, что хозяином его был крупный по тем временам промышленник Никольский – житель соседнего села Воронцовка¹. Однако существует и другая версия: завод был построен в середине 20-х годов силами рабочих-интергельповцев из Чехии². Они приехали в Кыргызстан с целью помочь обустроить установившуюся советскую власть.

Как бы то ни было, рядом со строением завода из жженных кирпичей местного производства появился дом отдыха или дача НКВД: два длинных жилых корпуса для сотрудников, отдельный дом с красивым резным крыльцом для начальника НКВД, маленькие домики для обслуживающего персонала и несколько хозяйственных построек.

В 1937-1938 годах Комиссаром Внутренних дел Киргизской ССР был назначен полковник Иван Петрович Лоцманов, которого прислал из Москвы сам Н. И. Ежов³.

На даче была прекрасная столовая, где шеф-поваром работал мужчина-перс. Лоцманов особо ценил его за отличные острые и пряные восточные блюда. Комиссару нравился и кумыс. Поэтому на даче всегда держали кобылиц, и круглый год было кобылье молоко и кумыс. Житель одного из близлежащих сел, Абыкан Кыдыралиев, был нанят для выполнения хозяйственных работ и охраны.

Абыкан Кыдыралиев работал сторожем на даче НКВД с 1932 по 1939 год. В одном из маленьких домиков поселилась его семья. Самой старшей из детей была дочь Бюбюра, подвижная, наблюдательная и общительная девочка. Бюбюре очень нравилось, когда в выходные дни приезжали сотрудники НКВД с семьями на отдых. Во дворе появлялись дети: шум, гам, смех, забавы. Бюбюре было интересно с ними. Когда играли в прятки, она, лучше всех знавшая местность, пряталась в закутках стро-

1 Воронцовка – ныне село Таш-Добе.

2 Интергельпо – производственный кооператив из Чехословакии, который оказывал интернациональную помощь с целью ускорения индустриализации Кыргызстана.

3 Н. И. Ежов – народный комиссар внутренних дел СССР, на этом посту работал в 1936-1938 годах.

ений кирпичного завода. Поэтому её всегда искали долго... Иногда Бюбюра по лестнице залезала на второй этаж, а оттуда вскарабкивалась на крышу завода и пряталась возле трубы.

– Ох, как здорово, как интересно!.. – пока ее искали, девочка успевала осмотреть все вокруг, – Во-о-н там, далеко внизу, много домов... Это, наверное, и есть город Фрунзе, о котором всегда говорит отец. Слева – маленькая отдельная серая гора, которую, по словам мамы, в народе называют «Байтиктин пас бөлтөгү»¹. А еще ближе – русское село. Оно большое, сама видела, когда приезжала туда с отцом. А в соседних маленьких селах живут наши родственники, они с нами из одного рода, так объяснял отец. А еще ближе раскинулись поля. Надо же, какой простор! Отец говорит, что летом они засеяны хлебами, там растет пшеница, из которой пекут вкусные булки и бублики и продают их в городских магазинах (отец привозил). А потом, слева и справа от дачи красивые склоны холмов. Они такие гладкие! Летом на них растет зеленая трава. Когда травка подрастает, то отца посылают срочно скосить ее и сено убрать. А зимой эти склоны сплошь покрыты снегом. Ни души!.. Все видно, даже то, что вдали. А если посмотреть в обратную сторону, там тоже высокие красивые горы, на них весной и летом – зеленая трава, а зимой лежит снег. Нигде вокруг не увидишь ни дерева, ни людей, ни пасущиеся стада, как на других горах. (Когда отец возил меня на джайлоо Чункурчак, то там, на склонах гор – везде юрты, люди, стада).

Только на даче растут деревья, красивый фруктовый сад, все лето – яблоки, груши, а зимние сорта складываются в погреб, он вырыт прямо в скале, которая находится около столовой. В этом погребе хранили продукты. На даче проложены аллеи, вдоль которых были посажены деревья и кустарники, цветочные клумбы. За всем этим ухаживает отец. Летом они зеленые, дают прохладу, а зимой покрыты инеем. Когда днем на них падают солнечные лучи, то они так отсвечивают, что кажутся хрустальными. Ах, какая это красота! Как в сказке! Такую картинку видела в

¹ Эту гору в народе еще называют «Байтиктин боз бөлтөгү». И в том и в другом случае эта гора носит имя хана Байтика. Слово «пас» означает низкий, а «боз» – серый. «Бөлтөг» – отдельный или маленький кусочек чего-то, в данном случае горы.

книжке у детей, приезжающих отдыхать сюда. У них есть много разных книжек с красивыми картинками...

Девочка осторожно слезла с крыши завода. Сегодня она почему-то стала осматривать здание давно заброшенного завода. Его стены были некрасивыми, облезлыми, серыми... От мрачного вида этих обшарпанных стен Бюбюре стало жутко. Она вспомнила, как мама говорила, что окрестности завода в народе называют «проклятыми», и люди стараются не посещать эти места. Странно, такие красивые места, а люди их боятся...

В 1938 году зима была ранней и холодной, и уже в начале ноября стояли сильные морозы. Как раз в тот день, когда Бюбюра испугалась заводских стен, отец пришел домой в плохом настроении и сообщил, что им всей семьей необходимо уехать на некоторое время к его другу, который живет в соседнем селе Кашкасуу.

– Такие холода! У твоего друга маленький дом, большая семья и так тесно, да еще мы приедем. У них в этом году и топлива-то мало заготовлено. Почему надо создавать людям, да и самим себе неудобства? Я не могу понять – зачем ехать? – недовольно пробурчала жена Абыкана.

– Это приказ начальника: никто не должен оставаться здесь. Я буду приезжать присматривать за скотом каждые два-три дня, когда вызовут. Так что завтра утром мы должны уехать, а кто не выполнит приказ, сама знаешь, что с ними будет...

4-го ноября 1938 года ранним утром семья Кыдыралиевых выехала на телеге в село Кашкасуу.

Известно, что в СССР массовые репрессии против так называемых «врагов народа» проводились в 20-х, 30-х и 50-х годах. Первая волна репрессий началась в конце 20-х годов затем в 1933-1934 годах и достигла своего апогея в 1937-1938 годах, после проведенного в Москве февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) СССР. На этом Пленуме выступил И. В. Сталин с докладом под названием «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистов и иных двурушников». Основная идея выступления заключалась в том, что чем более успешно страна будет строить социализм в СССР, тем более будет обостряться классовая

борьба. А это означало, что с течением времени количество «врагов народа» не уменьшится, а значит, репрессии должны будут усиливаться. В стране создавалась атмосфера нетерпимости, вражды, подозрительности, активно поощрялось доносительство. Таким образом, Пленум еще более усугубил положение в стране.

«...Необходимо разбить и отбросить гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас будто бы должна все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится все более и более ручным. Это не только гнилая теория, но и опасная теория. Ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью. Наоборот, чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше будут пакостить советскому государству, тем больше будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных».

Отрывок из речи¹ И. В. Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) СССР

После московского собрания подобные мероприятия прошли и в республиках Советского Союза, в том числе и в Киргизии. 25-27 марта 1937 года состоялся Пленум Киргизского Обкома Партии, который обсудил итоги февральско-мартовского Пленума.

Руки комиссара внутренних дел Лоцманова, с самого начала своей деятельности взявшего курс на дискредитацию руководящих работников страны, обвиняемых в либеральном отношении к врагам народа, теперь оказались еще более развязаны. Начались аресты не только высшего руководства страны, но и многих представителей интеллигенции, ученых.

¹ Материалы Пленумов в советское время не публиковались

Несмотря на все эти действия, московское руководство выражало недовольство тем, как происходил процесс чистки рядов коммунистов в Киргизии, как выявлялись «враги народа», буржуазные националисты. Об этом недовольстве свидетельствуют две статьи, вышедшие одна за другой за короткое время в центральной газете СССР «Правда» и содержавшие критику деятельности партийной организации Киргизии.

30 августа 1937 года специальный корреспондент «Правды» по Киргизии В. Овчаров напечатал статью под названием «Буржуазные националисты». В ней видные партийные руководители Киргизии были обвинены в «национализме». В ответ на критику, содержащуюся в «Правде», 5 сентября 1937 года бюро ЦК КП(б) Киргизии освободило от занимаемых должностей ряд ответственных работников. Следом, 13 сентября, в этой же газете опубликована статья В. Ходакова под названием «Гнилая политика ЦК КП(б) Киргизии». Согласно этой статье, в руководстве республики окопались «враги народа», «буржуазные националисты», тормозящие ее развитие и препятствующие разоблачению контрреволюционных элементов. При этом были названы конкретные фамилии, в том числе и нашего отца, Торекула Айтматова.

В это время опубликованные в «Правде» материалы уже не подвергались сомнению, а считались равносильными указаниям Центрального Комитета или партийных руководителей страны высшего ранга, поэтому критика в адрес кого бы то ни было, напечатанная в этой газете, означала неминуемое снятие с работы или арест.

Начались повальные аресты...

Фрунзенская тюрьма была переполнена заключенными... Среди них было много известных людей: снятые с постов руководители республики, политики, ученые, деятели культуры. Более чем в течение года они подвергались страшным пыткам и истязаниям. Чтобы успокоить недовольство Москвы, было важно решить вопрос именно с этими заключенными, причем незамедлительно. Но, с другой стороны, одновременное уничтожение такого большого количества людей, тех, кто составлял цвет нации, необходимо было сохранить в тайне.

Чон-Арык, Джал, Орок, Воронцовка – окрестности этих сел рассматривались как варианты мест для тайного захоронения... Но все это не-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

охраняемые территории, где местное население выпасает свой скот. Чабанские собаки или кто-то из местных, случайно набредший на могилу, не позволят секрету храниться долго... На помощь сотрудникам НКВД пришел тот самый кирпичный завод. Прекрасно! Камера для обжига кирпичей – готовая могила для большого количества людей!.. И самое главное, сюда нет доступа никому, местность как на ладони просматривается на много километров вокруг. Жители боятся выпасать скот в этом «проклятом» месте, и, кроме того, они знают, что все попавшее в эту зону, изымается (скот, случайно забредший в эти места, экспроприировался за то, что пасся в непопавшем месте). Так что свидетелей не будет.

Начало ноября 1938 года.

Для проведения закрытого заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР из Москвы во Фрунзе приехала специальная бригада военных юристов в составе Алексеева, Зайцева и Батнера. С пятого по восьмое ноября 1938 года эта бригада выносила смертные приговоры сорока заключенным, тем самым руководящим работникам Киргизии, которыми был недоволен Кремль.

Кроме того, в эти же дни работали «двойки» и «тройки»¹, в свою очередь приговорившие к смерти еще 97 человек, необоснованно арестованных и попавших под страшную и неумолимую машину репрессий (учителя, артельщики, сапожники, колхозники и рабочие заводов и фабрик, торговцы на базаре...).

Так, всего к смертной казни было приговорено 137 человек². Согласно указу Центрального Исполнительного комитета СССР от 01.12.34 при-

1 Во второй половине 30-х годов на основании нормативных актов с санкции высшего партийно-советского руководства действовали подведомственные НКВД органы внесудебной расправы («тройки», «особые тройки») и межведомственные внесудебные органы (так называемая «двойка» – Комиссия НКВД и прокурора СССР).

2 В списке, приложенном к протоколу НКВД о лицах, приговоренных к смертной казни с 5-го по 8-е ноября 1938 года – 137 фамилий, однако во время раскопок из могилы было извлечено 138 черепов. До сих пор неизвестно, кому принадлежит 138-й череп. В то же время, среди вещей найденных в могиле, есть фрагменты женской обуви 36-го размера, а также по черепу определено, что этой женщине было 49 лет. Есть предположение, что это мог быть невольный или случайный свидетель.

говоры по статье № 58 должны были приводиться в исполнение немедленно. Поэтому после его вынесения приговоренных тут же выводили во двор тюрьмы и расстреливали...

Тела убитых на грузовых машинах восьмого ноября 1938 года вывезли со двора тюрьмы (ныне пересечение улиц Логвиненко и Токтогула) в сторону Чон-Таша. В селах Чон-Арык, Воронцовка, через которые должны были проезжать машины с «секретным грузом», была выставлена охрана. Жителям этих сел запретили выходить в этот день во двор или на улицу. Несмотря на запрет, люди находили способы следить за происходящим, прячась за сложенными дровами или кизяком, наблюдая через щелочки дверей. Они видели, как перед их глазами проезжали чем-то груженные машины. Среди местного населения пошел слух о том, что убиты и вывезены на Чон-Таш для захоронения лучшие люди страны.

Раз в два-три дня, когда приглашали, Абыкан ходил на дачу, присматривал за скотом и выполнял необходимые в хозяйстве дела. К семье он возвращался совершенно подавленный, потерянный, уходил от расспросов и ни с кем не делился.

Не прошло еще и месяца со дня отъезда его семьи, уже настало время возвращаться обратно на Чон-Таш. Готовясь к возвращению, Абыкан строго-настрого предупредил жену и детей:

– Если на территории дачи увидите какие-то изменения, сделайте вид, что вы их не замечаете, как будто бы ничего не произошло. Ведите себя как раньше, ни у кого ничего не спрашивайте...

На подъезде к даче еще издали Бюбюра заметила, что на месте кирпичного завода образовался холм, а само здание исчезло. Бюбюра была потрясена (ей вспомнился тот ужас, который она испытала в здании завода перед отъездом) и потому забыла о строгом предупреждении отца. Девочка вскрикнула:

- Ата, а где завод?
- Доченька, теперь завода нет.

Обратившись к жене, он раздраженно сказал:

– Я же просил, чтобы вы сделали вид, будто ничего не произошло, никому никаких вопросов не задавать. Если хоть один из вас покажет,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

что вы что-то заметили или догадываетесь, мы все погибнем. Вы этого хотите? Как-нибудь объясни это детям.

По ночам у холма собирались собаки и выли, а в лунные ночи появлялось яркое свечение (трупный газ под действием лунного света люминисцировал). В такие моменты Абыкан, прячась от чужих глаз, прокрадывался к холму и читал там молитву. Домой он приходил в тяжелом настроении, заплаканный. Семья обратила внимание, что в последнее время у него сильно изменился характер. Абыкан стал задумчивым, раздражительным и нелюдимым.

Когда наступила весна, от холма стал исходить такой тяжелый запах, что подойти близко было невозможно. Чувствуя, что здесь есть какая-то тайна, Бюбюра постоянно спрашивала у отца о происшедшем явлении. Но отец ничего не мог ей сказать и объяснить, он просто запрещал спрашивать.

...Прошло 35 лет. В 1973 году Абыкан Кыдыралиев, уже чувствуя приближение смерти, позвал Бюбюру и сказал:

– ...Доченька, умираю с тяжелым грузом на сердце. Я знаю, где захоронены жертвы сталинских репрессий, но, боясь за вас, никому об этом раньше сообщить не мог.. Бюбюра, это место знаешь только ты. Помнишь, ты меня все время донимала своими вопросами?... Я надеюсь, что времена изменятся в лучшую сторону, тогда ты и расскажешь людям о безвинно убитых. Сообщи детям погибших, что под тем холмом захоронены их отцы. Среди них самые лучшие сыны кыргызского народа. Все они находятся в одной братской могиле. Я всю жизнь прожил с тяжелой ношей на душе и не хочу унести эту тайну с собой. Прошу тебя выполнить этот долг за меня...

...Наступила перестройка, затем 1991 год – суверенитет, демократия, время новых людей и перемен. И Бюбюра решилась: сейчас самый подходящий момент открыть людям тайну и выполнить обещание, данное отцу.

Кыдыралиева Бюбюра сообщила в КГБ о том, что она точно знает одно из мест массового захоронения жертв сталинских репрессий. Но, к ее удивлению, руководство КГБ не проявило особой радости по этому поводу. С одной стороны, формальных причин в виде доказательных фактов не было: в архивных материалах КГБ не указывалось точное место



Кыдыралиева Бюбюра

массового захоронения расстрелянных в 1938 году. С другой стороны, коммунисты ещё не полностью потеряли надежду на свой возврат и восстановление тоталитарной системы управления: «путчисты» готовили государственный переворот, а в августе 1991 года в определенных кругах жила еще надежда на возврат коммунистов а, значит, вопросы сталинских репрессий не стоило обсуждать.

Бюбюра одновременно обратилась со своим сообщением и к высокопоставленным чиновникам, которые могли бы повлиять на скорое решение этого вопроса. Но ей никто не верил. Уже много лет среди населения ходили слухи о том, что жертвы захоронены

где-то за городом и назывались такие населенные пункты как Орок, Джал и Воронцовка. Точного места захоронения до сих пор никто не мог указать. А во времена перестройки таких предположений стало еще больше. Появились разного рода ясновидящие, предсказатели, у каждого из которых были свои версии. Кому из них верить?.. Однако Бюбюра была настойчива: с одной стороны, она дала слово отцу, а с другой, собственная гражданская позиция вынуждала ее ходить по разным инстанциям. В одном из таких мест Бюбюра Кыдыралиева встретила сотрудника КГБ Болота Абдрахманова, который и смог доказать руководству КГБ республики, что необходимо вести раскопки...

В апреле 1991 года сотрудники КГБ вместе с Бюбюрой приехали на Чон-Таш. Женщина сразу узнала местность и показала тот самый холм, хотя со времени переезда их семьи она ни разу не была здесь. Начались раскопки...

В апреле-мае 1991 года в центральных газетах Кыргызстана появилась информация о раскопках, начавшихся в месте массового захороне-

ния. Но не называлось ни само место, ни время захоронения, ни фамилии захороненных там. Прочитав эти сообщения, я почему-то подумала, что, скорее всего, это захоронение относится к 1937-38 годам.

В мае 1991 года мы с мужем Эсенбеком, возвращаясь из туристической поездки во Францию, заехали в Люксембург. Там послом России в странах Бенилюкса работал мой старший брат Чингиз Торекулович Айтматов. Во время одной из наших бесед я рассказала ему о раскопках, проводимых близ столицы. Он сидел, обхватив голову и глядя вниз.

– Я слышал. Мне Ильгиз¹ звонил из Бишкека. Но как определишь, кто там, и, вообще, какого года это захоронение? – ответил он задумчиво.

Я про себя отметила, что моих братьев этот вопрос беспокоит так же глубоко, как и меня.

Из Люксембурга в Бишкек возвращались через Москву, где остановились в гостинице Постоянного Представительства Киргизской ССР. Направляясь в номер, я на лестнице встретила нашего родственника и земляка Октябрину Садырова. Он был первым, кто сообщил мне о том, что при раскопках в братской могиле на Чон-Таше был найден документ нашего отца, Торекула Айтматова. Это было его обвинительное заключение.

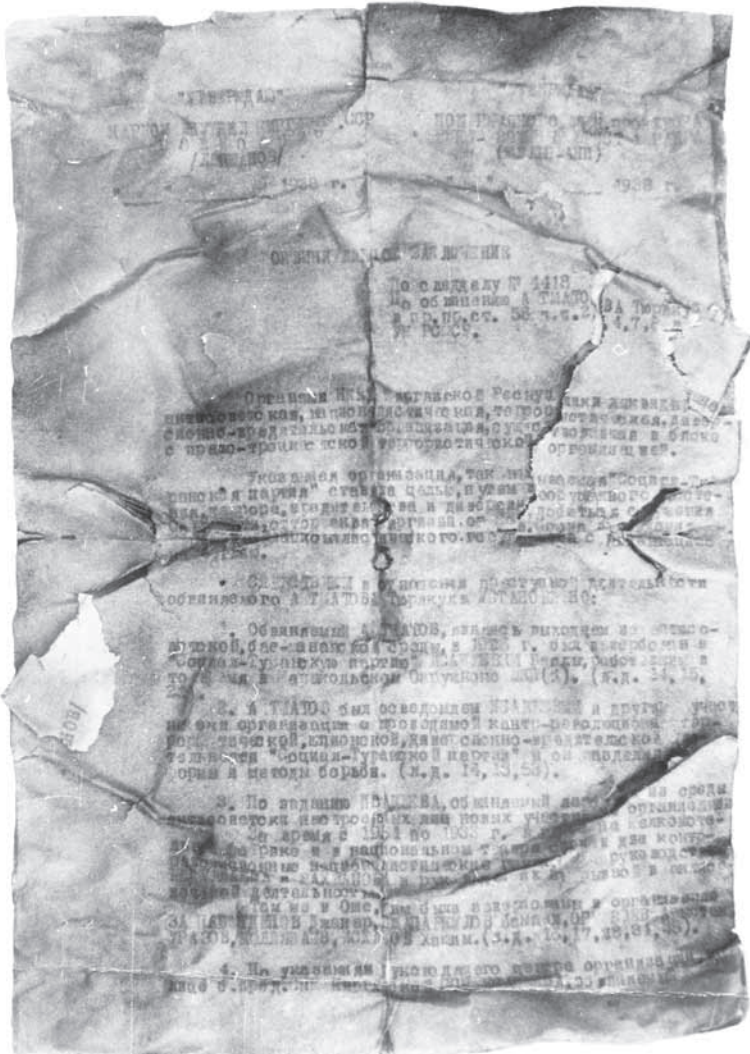
Я, конечно же, мечтала о том, чтобы следы моего отца были когда-нибудь найдены, но чтобы так доказательно найти место захоронения отца?!.. Уже никакой надежды не было и тут вдруг такая находка... Для меня это было шокирующим известием! Я не могла поверить, я сомневалась:

– Если это захоронение относится к 1938 году, значит прошло более пятидесяти лет. Уже и тела-то погибших истлели, а как бумага могла сохраниться, да еще читаемая? Как такое может быть?

– Я передаю Вам то, что прочитал в газете, ничего не придумывая, – обиделся Октябрин.

В голове был такой сумбур! Мысли и воспоминания, практически одновременно возникая, путались и сменяли друг друга. Необходимо было осмыслить случившееся. Эсенбек и Октябрин живо обсуждали новость,

¹ Ильгиз – мой второй брат, академик НАН КР Ильгиз Торекулович Айтматов



Обвинительное заключение, найденное во время раскопок в братской могиле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

задавали мне какие-то вопросы, высказывали сочувствие... Я зашла в ванную комнату, отвернула кран до конца, чтобы меня не беспокоили, и осталась наедине с собой, со своими мыслями. Я никак не могла поверить в случившееся. Как могло произойти такое? Может быть это реальностью? Все это настолько ошеломило тогда, да и сегодня с трудом укладывается в голове такое невероятное стечение обстоятельств. Я помню, что подумала тогда: всё-таки есть Бог на свете, есть в природе законы справедливости, они существуют и побеждают...

Болот Абдрахманов, руководивший раскопками, в своих воспоминаниях о тех днях пишет:

«Камера для обжига кирпичного завода была сделана в виде ямы размером 3,5 x 3,5 x 3,5 метров. В эту яму в беспорядке были брошены тела руководителей государства, секретарей обкомов, народных комиссаров, а также простых рабочих и крестьян. Несмотря на беспорядок, видно, что на самом дне был слой из тел пятнадцати человек. Этот слой был присыпан землей, затем бросили следующий слой тел погибших... И так яма была заполнена ста тридцатью семью телами расстрелянных людей. По-моему, в археологии это особый случай, когда через пятьдесят три года найдены ценные бумаги – документы погибших. Это были обвинительные заключения четырех человек: Абдряя Абдрахманова, Жусупа Абдрахманова, Торекула Айтматова и Юсупа Булатова. Кроме того, была прочитана вышитая шелковыми нитками на воротнике рубашки или поясе брюк фамилия Султанбекова, ткань сгнила, а шелковая нить осталась. Мы сами не ожидали такой находки.

...Обвинительные заключения, написанные на нескольких листах бумаги, полностью читались... Эти документы были найдены на глубине более двух метров.. Поэтому можно предположить, что на самое дно печи первыми были брошены тела руководителей молодого кыргызского государства».¹

¹ Б. Абдрахманов, «Две недели в июле» в книге «Торекул Айтмат уулу», Бишкек – 1993.

Таким образом, с помощью именно этих обвинительных заключений были найдены протоколы, сохранившиеся в архивах КГБ, и установлены даты казни и фамилии, погребенных в этой братской могиле. Это были люди разных национальностей и вероисповеданий, партийно-государственные деятели и простые колхозники, ученые и малограмотные крестьяне, инженеры и чернорабочие, члены различных артелей и школьные учителя...



Камера для обжига кирпичей, в которой были захоронены тела 138 человек расстрелянных 5-8 ноября 1938 г., с. Чон-Таш

В архивных документах КГБ Киргизской ССР зафиксировано, что с пятого по восьмое ноября 1938 года сорок человек, ответственные руководители республики, были осуждены выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Среди них:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

- | | |
|--------------------------|-------------------------|
| 1. Абдрай Абдрахманов. | 14. Павел Львов |
| 2. Абдукадыр Абдрахманов | 15. Мурат Салихов |
| 3. Жусуп Абдрахманов | 16. Эшбай Султанбеков |
| 4. Иманалы Айдарбеков | 17. Касым Тыныстанов |
| 5. Торекул Айтматов | 18. Сыдык Чонбашев |
| 6. Осмонкул Алиев | 19. Кожокан Шоруков |
| 7. Абдрахман Булатов | 20. Эркинбек Эсенаманов |
| 8. Юсуп Булатов | 21. Курман Камбаров |
| 9. Асанбай Джамансариев | 22. Сергей Кашеваров |
| 10. Хасан Джиенбаев | 23. Кульназаров Нуркул |
| 11. Омор Джумаев | 24. Янцен Генрих |
| 12. Дали Зульфигаев | и др. |
| 13. Иосиф Кузьмин | |

Среди них были выдающиеся личности того времени, люди, искренне поверившие в справедливость советской власти, взявшие на себя груз и ответственность за восстановление кыргызской государственности и спасение кыргызского народа от тяжелых последствий 1916-го года.

В 1916 году произошло восстание кыргызов против правления Царской России. Царская армия жестоко подавила восстание, кыргызы в массовом порядке вынуждены были бежать в Китай. Отступали они в тяжелых условиях, при переходе через высокие горные перевалы погибло очень большое количество людей. Только после падения царской власти в результате Октябрьской революции кыргызы стали возвращаться к себе на родину. В народе эти события называют «Уркун» – смятение. В результате Уркуна население кыргызов сократилось на 35 %, и потеряло 60 % скота, это при том, что 93 % кыргызов составляло сельское население, занимавшееся в основном скотоводством.

Так, благодаря настойчивости, чувству долга и верности, данному отцу слову Бюбюры, а также гражданской позиции Болота Абдрахманова, удалось найти точное место захоронения. В душе я всегда с благодарностью думаю об этих людях и желаю им благополучия во всем.

В поисках нужной мне информации листаю свой ежедневник за 2001 год и обнаруживаю запись, сделанную 23 февраля. В этот день я была в городе Ош в командировке. Мне необходимо было встретиться с прокурором области Шайлоо Аймамбетовым. Он оказал мне радушный прием, мы обсудили вопрос, интересовавший меня, и уже начали было прощаться. Перед самым выходом из кабинета Шайлоо взял со стола несколько фотоснимков и протянул мне:

– Эже, посмотрите вот эти фотографии. Я не знаю, видели Вы их или нет. В 1991 году я работал следователем в Генеральной Прокуратуре и участвовал в раскопках Чон-Ташского захоронения. Я держал в руках обвинительные заключения Вашего отца и Жусупа Абдрахманова, которые были извлечены из раскопок. Я их сфотографировал тогда, сразу.

– О, боже! Я в течение десяти лет ищу эти фотографии! Спасибо! Ведь оригинал обвинения не сохранился: пролежав пятьдесят три года под землей, а затем, оказавшись на воздухе, старая бумага документа очень быстро распалась на мелкие кусочки.

Кроме фотографий обвинительных заключений были и снимки груды человеческих останков, извлечённых из братской могилы...

– Извините, Шайлоо. Вот эти снимки я не могу взять, мне очень тяжело... Если возьму, то ни о чем другом думать не смогу, – не знаю, смогла ли я тогда правильно объяснить и выразить своё состояние, сумела ли высказать в соответствующей степени свою благодарность Шайлоо. Но сейчас, приступив к написанию своих воспоминаний, сожалею о том, что тогда не взяла все фотографии.

Шайлоо рассказывал, что при расстреле всех ставили спиной и стреляли в голову, потому что почти все черепа, имеют простреленные отверстия в затылочной части, но есть и непростреленные черепа. И, видимо, один из них принадлежит Айтматову. Его убили выстрелом в сердце.

– А каким образом в Чон-Ташском захоронении оказались обвинительные заключения? – спросила я.

– Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса того времени, обвинявшимся по статье № 58 уголовного кодекса, обвинительные заключения вручались за сутки до суда. Например, в следственном деле Вашего отца была расписка, о том, что он получил копию обвинительного заключения.

Расписка

4 ноября 1938 г.

Мною, нижеподписавшимся Айтматовым Тюрякулом¹, получена копия обвинительного заключения по моему делу о предании меня суду Военной Коллегии Верховного Суда.

Подсудимый: подпись Айтматов

Вручил: Секретарь Военной Коллегии Верховного Суда СССР

Военный юрист...ранга

(подпись не разборчива)



*Торекул Айтматов
Москва, 1937 г.*

Шайлоо Аймамбетов затем продолжил свой рассказ:

– И такие расписки заключенных о получении ими обвинительных заключений были в следственных делах всех осужденных. Видимо, некоторые из заключенных не брали обвинительные заключения, понимая, что никакой пользы от этого документа не будет. Однако были и другие люди, которые надеялись, по крайней мере, пытались, использовать этот документ в качестве последней возможности доказать свою невиновность и взяли их с собой в камеру. Вероятно, они изучали содержание этих обвинений и готовились к защите на суде. Однако, суд над каждым из них длился всего двадцать минут,

¹ Тюрякул – имя нашего отца имеет несколько транскрипций: Торокул, Торекул, Туракул, Тюракул и Тюрякул. В моем свидетельстве о рождении, выписанном в Москве, мое отчество записано Тюракуловна, у Чингиза в паспорте – Торекулович, у Ильгиза – Торокулович, у Люции – Туракуловна, а в паспорте, который отец получил в Москве, он записан, как Тюрякул. Но ближе всех по своему звучанию подходит Торекул.

а приговор приводился в исполнение немедленно. Это была формальная процедура, где обвиняемым не давали возможность защитить себя, но даже если бы они могли говорить, их доводы никто бы не принял во внимание. Сейчас можно только предполагать, что перед вызовом в суд эти четыре человека сложили свои документы вчетверо и автоматически положили в нагрудной карман. Документы Вашего отца были прострелены, в середине была дырка, а вокруг размытость, наверное, залило кровью.

Так через 53 года было раскрыто страшное преступление КГБ Киргизии, совершенное в Чон-Ташском урочище. Недаром у кыргызов говорят: *«Тайное (скрываемое преступление) становится явью даже через сорок лет».*

ОТДАЙ МАТЬ ЗА УБИЙЦУ ТВОЕГО ОТЦА

В день, когда останки жертв Чон-Таша были преданы земле, как тому подобает, два момента особенно врезались в мою память. Я думаю, они значительно повлияли на мои, казалось, уже устоявшиеся взгляды на жизнь.

Первый – во время траурного митинга в Бишкеке, посвященного перезахоронению, когда лафеты со ста тридцатью семью саркофагами двинулись по центральной площади столицы к Чон-Ташу. Вслед за ними побежала толпа, почему-то рядом со мной никого нет, я не знаю, где мои дети, родственники, друзья... я бегу рядом с лафетами и не знаю, который из них мне положено сопровождать, потому что не знаю, в котором из саркофагов везут останки моего отца.

«Как же так, столько лет мы тебя искали, а теперь, когда нашли, то не смогли проводить тебя, отец, из дома одного из нас, твоих детей. Так получилось. Прости, отец...» – заливалась я слезами. И тогда я подумала: так это, оказывается, счастье, когда родители умирают естественной смертью, прожив отмеренные Богом годы, когда собственноручно бросаешь на их могилу горсть земли... В таких случаях можно и не плакать, и не переживать....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

Второй момент – на Чон-Таше, во время траурной церемонии, когда солдаты одновременно подняли и перенесли в подготовленные ямы 138 саркофагов, а потом по команде, под звуки барабанной дробы начали их закапывать – я не могла выдержать этого зрелища... Меня стала бить дрожь, в глазах потемнело. На какие-то мгновения мне показалось, что все происходящее здесь нереально и придумано специально.



*Саркофаги, подготовленные к погребению,
30 августа 1991 г., Ата-Бейит*

В тот день стояла жара. Горячее августовское солнце, особо жгучее в горах, казалось, пронизывало мой мозг. От этого мое горе давило ещё больше... Не давали покоя мысли: «Как же так? Столько бед, страданий и несбывшихся мечтаний! Столько непрожитых, оборвавшихся жизней!

И столько жизней, прожитых с неизвестностью! Кто ответит за все это?» А с другой стороны... «Нужна ли нам эта месть? Теперь, когда все прошло, все закончилось, все это уже мелочи... Кто-то все это делал – кто-то доносил, кто-то выносил приговор, кто-то исполнял его... Как прожили они свои жизни после совершения этого преступления? Что им пришлось пережить? Вспоминали ли они о том, что сами когда-то сделали?... Все это уже мелочи – и то, что нашей семье пришлось пройти через столько испытаний, – все это теперь ничего не стоит. Что было, то прошло, то стало историей...»

У кыргызов есть такое изречение: «Отдай мать за убийцу твоего отца». «Почему и как можно пойти на такое?» – думала я раньше. Глубокий философский смысл этого изречения мне был недоступен. Но стоя на траурном митинге, я вдруг вспомнила об этой фразе и поняла, что это изречение глубоко гуманно по своей сути.

В давние времена, так же, как и сегодня, кыргызы очень любили власть и стремились любым путем ее захватить. Тогда так же, как и сейчас, для того, чтобы достичь своих корыстных целей, они делили людей на роды, племена, по признаку землячества. Интриги так легко разжигали ссоры, столкновения и вражду, что возникали и очень быстро разгорались противостояния, люди убивали друг друга. Эта вражда передавалась из поколения в поколение, цепь не прерывалась, в результате погибали уже ни в чем не повинные. Горе множилось, а делом чести для каждого рода становилась месть.

Такое развитие рано или поздно приводит к тому, что психология людей меняется, страсть к мести изнуряет душу и ограничивает движения мысли человека. Народ, тратящий столько усилий на вражду и ее поддержание, начинает отставать в своем развитии. Видимо, отсюда это изречение: «Отдай мать за убийцу твоего отца». В нем сконцентрировалась мудрость, понимание того, что жить так, в мести, дальше уже нельзя, что необходимо любым, повторяю, любым путем установить мир и согласие.

Что может остановить вражду? Только родственные связи, которые для кыргызов всегда оставались главнейшей ценностью. То есть надо породниться, стать родственниками, стать детьми одной матери. Для этого надо встать выше всех предыдущих обид и отдать мать замуж за

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

убийцу своего отца, а родившиеся теперь дети станут твоими братьями и сестрами. Смысл этого изречения состоит в том, чтобы уметь прощать...

Наши отцы, поверив идеям Советской власти, ее лозунгам «*Земля крестьянам!*», «*Власть Советам!*», думая, что это справедливая власть, при которой будет соблюдаться равенство народов, улучшится положение и благосостояние каждого, искренне служили ей. Но парадокс заключался в том, что они пострадали от той же власти.

Все они были молоды, как зеленая поросль, успешны, на высоком взлете!... Самому старшему было 37 лет! Для каждого из них это было время надежд и веры в лучшее будущее. И вот в один день их молодые жизни были оборваны, а тела их в беспорядке брошены в одну яму. Там они пролежали 53 года, видимо, неудобно им было. Теперь мы их расположили удобно... Пусть земля им будет пухом...

Сколько лет мысли об отце и его судьбе не давали мне покоя! А после известия о Чон-Ташской трагедии ни о чем другом я мыслить не могла, день и ночь думала, вспоминала, переживала. До этого дня у меня, как и у каждого человека, были разные моменты, были успехи, были потери... я чему-то радовалась, из-за чего-то расстраивалась, обижалась на судьбу... Но такой скорби, как при захоронении саркофагов на Чон-Таше, я не испытывала. Стоя здесь, я думала: *«Сейчас уже ничего не изменить: та система канула в лету, а тех, кто совершил это преступление, уже нет в живых... Причем их потомки? Надо найти в себе силы простить, иначе зло будет продолжаться.»*

И еще, почему это злодеяние открылось именно сейчас, когда общество Кыргызстана переживает тяжелые, сложные времена?... Почему не раньше, не позже? Может быть, именно в тот момент, когда наше общество ищет, выбирает новые пути самостоятельного развития, сама вселенная хочет подать нам знак, напомнить о своих законах:

– Люди, оглянитесь назад, окиньте взором пройденный путь. Как вы жили? Сколько крови пролили, какие зверства совершили, какое насилие допустили, скольких вы лишили их самого главного человеческого права – права на жизнь, на жизнь среди родных? Неужели этого недостаточно? Одумайтесь! Именно сейчас выберите другой путь развития – гуманный и справедливый, с главными человеческими ценностями!»

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСТОЧКА

Осенью 1975 года я поехала по своим хозяйственным делам в город Талас. Тогда из Фрунзе в Талас можно было вылететь утренним рейсом и вернуться обратно вечерним. Так и запланировала...

В этой поездке случайно я познакомилась с Касидой Алапаевой. После взаимных расспросов о жите-бытье и здоровье Касида спросила:

– Вы сестра Чингиза Айтматова?

– Да.

– Как хорошо, что мы встретились! А то я собиралась специально ехать к Вам.

– По какому поводу Вы ищите меня?

– У меня есть дядя – Тенирберди Алапаев, он приходится родным братом моему отцу. В 1938 году дядя сидел в одной камере с Вашим отцом, Торекулом Айтматовым...

Услышав имя отца и то, что есть человек, который был свидетелем последних дней его жизни, я разволновалась и бросилась к Касиде с расспросами, желая узнать все, что ей известно.

– Где Ваш дядя? Он жив?

– Да, он жив, но тяжело болен, и находится на лечении в туберкулезной больнице. Мы хотели, чтобы он встретился с Чингизом Торекуловичем. Но нам сказали, что сейчас его нет в Кыргызстане. А врачи считают, что у дяди остались считанные дни...

– Он наверняка хочет что-то рассказать о нашем отце? Давайте, скорее поедem туда, увидимся с Вашим дядей! – я еле сдерживала себя от волнения.

Мы тут же сели в машину и поехали. В больницу попали во время тихого часа, пришлось долго уговаривать дежурную сестру, чтобы она разрешила встречу.

Дядя Касиды еле держался на ногах. Племянница, поддерживая, вывела его в беседку, расположенную у входа в корпус. Было видно, что это терпеливый, выдержанный человек, но тяжелая болезнь иссушила его и подточила силы. Несмотря на состояние здоровья, у Тенирберди-аке был добрый, живой взгляд. При этом он внимательно, как бы изучая, смотрел на меня и, выдержав паузу, наконец, произнес:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)



*Тенирберди Алапаев с сыном,
г. Фрунзе, 1973 г.*

– Глаза у тебя отцовские. И вообще, ты в Торекула пошла. Я благодарен Господу, что свелось с тобой встретиться. Теперь я могу спокойно умирать. Если там, на небесах, встречу с Торекулом, не стыдно будет в глаза ему посмотреть...

Его разрывал кашель... Немного придя в себя, он продолжил:

– Мой старший брат Узакбай, отец Касиды, в тридцатые годы работал председателем правления колхоза «Акжар», что в верховье Таласа. Я же был комсомольским активистом, работал с молодежью. Но времена были такие, что кто голову поднял, тот и есть «враг народа». Вот и моего брата арестовали... Вскоре схватили и меня, привезли во фрунзенскую тюрьму. Устроили допрос, задавали такие глупые вопросы:

– С кем был связан твой старший брат? Какие вражеские мероприятия против своего народа он планировал? Кого агитировал в буржуазно-националистическую партию СТП?¹ А ну, говори!..

– Да как же мой брат может быть врагом, если у него в голове только одно, как помочь народу, как его прокормить? Ни о какой партии СТП мы в Таласе не слышали!

– Твой брат – враг и изменник родины! А ну, рассказывай, какую пропаганду он вел? – требовали они.

Они допрашивали меня о делах совершенно мне неизвестных, да еще избивали при этом нещадно. Я и уперся. Выведенный этим из терпения, следователь ударил меня в лицо прикладом винтовки. Я упал и потерял сознание...

Пришел в себя только в камере, я лежал на цементном полу. Открыл глаза – вокруг шесть-семь обросших бородами, изможденных голодом и побоями людей. В углу единственная железная кровать. Рядом сидит на корточках рослый, благородного вида молодой человек и вытирает кровь с моего лица.

– Вставай, дорогой, ложись на мое место, - сказал он и помог мне добраться до кровати и лечь на нее.

Как оказалось, на единственной железной кровати узники этой камеры отдыхали по очереди. В тот день был черед этого человека. Хоть

¹ Наибольшее количество репрессированных в Кыргызстане первым делом обвиняли в принадлежности к Социал-Туранской партии (СТП). Далее в главе «По страницам следственного дела № 4418 вы прочтете об этом подробнее.

недолгое, но все-таки спасение от пронизывающей сырости цементного пола. Никто не возражал. Вид у всех был такой подавленный, словно они уже боялись, и говорить друг с другом. На следующий день мы познакомились поближе:

– Меня зовут Торекул, фамилия Айтматов, – сказал он мне.

Я тоже представился. Торекул очень обрадовался, узнав, что я из Таласа. Подробно расспросив меня об обстоятельствах моего ареста и заключения, он дал мне очень ценный совет:

– Ты освободишься. Во-первых, ты не совершил никакого преступления, а здесь находишься из-за брата. Во-вторых, ты ещё очень молод. В-третьих, к тебе они не применяют таких бесчеловечных пыток, как к нам. Так что освободишься. Только будь начеку, не дай следователям провести себя. Не предавай никого. Держись, не отступайся. Я думаю, Сталин не знает, что творят НКВДэшники. Но на его имя сейчас написано много писем, раскрывающих преступные дела этого ведомства... Не одно, так другое попадет в его руки обязательно. И когда он узнает о том, что происходят массовые нарушения законов, о том, что унижаются советские граждане и попираются их права, тогда и прекратятся эти безобразия. Вот увидишь, это время настанет, во всем разберутся, и ты освободишься... Нас, конечно, уничтожат, причем, очень скоро, незачем им оставлять свидетельства своих преступлений, – сказал он, потупясь.

Из наволочки Торекул сшил мешочек, на его лицевой стороне он вышил три слова: имена сыновей «Чиңгиз», «Ильгиз» и ниже «Талас», (на букву «с» не хватило ниток, и она так и осталась недовышитой) – это было название его родной земли, именно там осталась его семья, там остались его сыновья. Торекул был человек образованный, культурный и чистоплотный. Это было видно по нему сразу, как-то чувствовалось – в каждом слове и поступке, в любой мелочи. Мыло, расческу и зубной порошок с щеткой он держал завернутыми в чистую тряпицу и хранил в том самом мешочке.

Со временем мы с Торекулом стали как родные братья. Однажды, улучив минутку, он отделил меня от других и попросил выслушать:

– На меня повесили 58-ю статью. И как врага народа лишили права переписки. У меня к тебе просьба. Первая, а быть может, и последняя. Когда освободишься и вернешься на родину в Талас, разыщи мою семью.

Они живут в селе Шекер. Я прошу тебя объяснить им, что меня осудили неправильно. Все обвинения, выдвинутые против меня, это сплошная ложь и клевета. Пусть мои знают, что я не враг народа. Для меня очень важно, чтобы дети мои верили в мою невиновность перед народом.

Ты знаешь, мой старший сын Чингиз – очень хороший мальчик, нежный и впечатлительный, откуда ему знать, что в жизни столько несправедливости! Меня беспокоит, что когда он видит проявления насилия и жестокости со стороны кого бы то ни было, то очень сильно переживает и иногда даже плачет. Он не может переносить страдания человека, будь то знакомый или совершенно посторонний. Однажды он стал свидетелем того, как дрались два пьяных. Это было в Подмосковье. Он плакал навзрыд и просил меня разнять их и остановить драку, чтобы не было больно тому «маленькому и слабенькому дяденьке», которого нещадно избивал более взрослый и сильный мужчина... Человечность, гуманность, доброта, отзывчивость – это, конечно, очень хорошие качества, но в жизни бывает очень много несправедливости (это я сам сейчас испытываю). В таких случаях надо уметь достойно противостоять несправедливости. Каково ему будет теперь? Я прошу тебя, обязательно поговори с ним, пусть он будет мужественным, стойким, пусть он будет готов к любым трудностям. А еще, объясни ему, что если не доведется мне вернуться, он будет за старшего в семье, первым помощником мамы. А мешочек с вышивкой передай им на память. А теперь крепко-накрепко запомни вот что. Если вдруг меня приговорят не к смертной казни, а переведут в Молдовановскую тюрьму, то я через милиционеров попрошу, чтобы ты передал мне мыло из мешочка. Если меня этапируют в Сибирь, то я попрошу расческу, а если зубную щетку, то значит, меня сослали на Урал. Это все поможет тебе дать знать моей семье, где я нахожусь. Ну, что ж, прощай, родной. Если не придется увидеться на этом свете, то свидимся на том.

– Я тогда со слезами на глазах пообещал выполнить все его наказания. Перед тем как его вызвали, он, будто знал, что прощается со мной навсегда. Еще раз напомнил о том, чтобы я разыскал его семью. Через несколько минут его увели. Я ждал, но он не вернулся. Через два дня пришел милиционер и потребовал вещи Айтматова. Я спросил:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

– А где Айтматов?

– Много захочешь знать, там же окажешься! – и показал пальцем на небеса.

От недоброго предчувствия ноги вдруг стали ватными, я был ни жив, ни мертв и еле нашел в себе силы подать оставшиеся вещи милиционеру. Мешочек с содержимым оставил при себе...

Через несколько дней меня осудили на 10 лет без права переписки и этапировали на Урал. Там я 10 лет работал на лесоповале. Мешочек с именами сыновей Торекула я положил во внутренний карман *зековской* телогрейки. Еще долго надеялся, что по договоренности Торекул запросит какую-то вещь из мешочка. Но от него не было никаких вестей. Ну что ж, передам его семье, когда вернусь в Талас, решил я. Вспоминая, с какой любовью вышел отец имена своих детей, с каким беспокойством он говорил о них, мне становилось тяжело на душе. Временами я представлял сыновей Торекула уже повзрослевшими юношами, очень похожими на отца...

Прошло 10 лет. Я надеялся вернуться к себе на родину. Но моей судьбой распорядились по-другому. Теперь меня сослали на поселение в Сибирь ещё на 10 лет. Перед отправкой в Сибирь, проверяя карманы телогрейки, я случайно наткнулся на тот мешочек, который хотел передать семье Торекула. Он уже пообтерся, а на сгибах даже рвался. Я его снова положил в карман, а вдруг удастся встретиться с кем-нибудь из семьи Айтматовых...

...Как бы там ни было, я теперь – не в тюрьме, под наблюдением, на небольшие расстояния, но могу перемещаться. Когда меня арестовали в 1938 году, я был еще не женат. Потом не до этого было. В Сибири я встретил очень симпатичную девушку, мы полюбили друг друга и поженились. По национальности она была татарка и мы могли говорить с ней на одном языке, ведь кыргызский и татарский похожи, можно очень хорошо понимать друг друга. У нас родились дети, я работал на конюшне. Но меня уже много лет терзала сильная тоска по матери, по родному краю, родственникам, по родному языку. То ли оттого, что я уже не надеялся вернуться в родные места, то ли от изрядно выпитого самогона, короче, бес попутал, в приступе безысходности я выбросил старую зе-

ковскую телогрейку в речку. А когда пришел в себя... О боже, что же я сделал, ведь вместе с ватником я выбросил и вещи Торекула. Как я виноват! Ни бог не простит мне этого, ни дух твоего отца. Я это говорю неспроста: именно в тот день, конь, которого я подковывал, сильно лягнул меня. Я повредил легкое. С тех пор болею. И то, что я сейчас нахожусь в больнице, тоже результат той травмы. Теперь, видно, смерть уже у порога.

Спасибо Хрущеву. Мне разрешили поехать на родину. Я тотчас же уволился с работы и, ни минуты не задерживаясь, вместе с семьей, словно на крыльях, помчался в родной Талас.

Встретился с матерью, родственниками, друзьями детства... Воздух, вода, природа Таласа!... Стало легче, перестала меня мучить тоска. Со здоровьем были проблемы. Периодически надо было ложиться в стационар и лечиться. Во время очередного лечения в больнице со мной в одной палате лежал молодой парень. Он день и ночь, не поднимая головы, читал книги.

Однажды я попросил одну из книг – «Повести гор и степей» Ч. Айтматова и стал ее читать. В сборнике была повесть «Материнское поле», я сразу обратил внимание на посвящение:

*Отец, я не могу поставить тебе памятник,
я даже не знаю, где ты похоронен.*

Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову.

*Мама, ты вырастила нас всех четверых,
поставила на ноги.*

Посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой.

Потом я посмотрел на портрет автора. Суровость выражения лица и глубина мысли напомнили мне образ Торекула, томившегося в бетонном колодце фрунзенской тюрьмы. Я вспомнил мешочек, с вышитыми именами его сыновей. В ушах зазвучала последняя просьба Торекула. «Да ведь это сын Торекула! Родной ты мой!» – вскрикнул я и, прижав книгу к груди, дал волю слезам.

Если честно сказать, в эту минуту я презирал себя. Как же так, я не выполнил последнюю просьбу человека, который помог мне, поддер-

жал в трудную минуту, а потом мне доверился. Я тотчас захотел сесть и написать письмо Чингизу, рассказать последние пожелания его отца, попросить прощение за то, что не выполнил данного ему обещания. Сколько раз я начинал писать ему письма, но каждый раз мне казалось, что Чингиз не поверит, ведь вещественного доказательства нет. Иногда, когда бывал во Фрунзе, мне хотелось зайти к нему на работу, посидеть, поговорить. Так и не решился...

Но вот недавно я невольно услышал, как мой лечащий врач говорил моей племяннице Касиде о том, что от силы мне осталось жить месяца. С тех пор я не нахожу себе покоя – ни днем, ни ночью. Как же я уйду на тот свет с невыполненным обещанием? А если мы встретимся с Торекулом там, и он скажет: «Тенирберди, ты, почему не сдержал своего слова? Ведь я просил тебя всего-навсего передать моим сыновьям последнюю весточку обо мне, чтобы не пришлось им искать меня всю жизнь». Что тогда я отвечу ему, как посмотрю в его глаза? И стал я просить Касиду, чтобы она помогла встретиться с кем-нибудь из детей Торекула, чтобы не уйти в мир иной с невыполненным долгом, – Тенирберди зарыдал, – Дорогая доченька, от имени всех детей Торекула прости меня.

– Что Вы, Тенирберди-аке, не плачьте! Вашей вины здесь нет. Если кто и виноват, так это проклятое время, та система, в которой коренилась несправедливость, – попыталась я хоть как-то утешить бедного старика.

Тенирберди было тогда всего-то 63 года, он 1912 года рождения. Но искореженная судьба, жизненные невзгоды, выпавшие на его долю, длительная болезнь так тяжело отразились на нем, что он казался мне глубоким стариком. Мне было тяжело смотреть на изможденного, едва дышащего человека, который стал свидетелем людских страданий и последних дней, последних часов жизни моего отца. Я обняла его и стала успокаивать.

Лететь вечерним рейсом из Таласа во Фрунзе в этот день мне было очень тяжело. Передо мной так и стоял образ Тенирберди-аке, перенесшего столько несправедливости в жизни, но оставшегося порядочным и благородным человеком. До сих пор я помню его добрые, светящиеся глаза. Уезжая, я думала, что очень скоро вернусь к нему и еще раз встречу. Но не судьба...

ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА

28.07.1991

Сегодня мы возвратились из туристической поездки по Франции в Бишкек. Я сразу позвонила Ильгизу и мы стали обсуждать новость. Брат сообщил мне, что накануне был приглашен в КГБ, где председатель КГБ Киргизской ССР Асанкулов Ж., председатель Верховного Совета Киргизской ССР Шеримкулов М. и премьер-министр Киргизской ССР Исанов Н. официально сообщили ему о находке и выразили соболезнование.

Ильгиз объяснил мне, каким образом сохранились документы, пролежавшие 53 года в могиле, не истлели, и почему удалось прочитать эти бумаги:

– На дне камеры обжига кирпичей всегда была высокая температура, сухо, чисто. Видимо, первыми в могилу бросили тела наших отцов – руководителей республики. Потом на них бросили следующий слой тел, потом – следующий...

Таким образом, документы попали в бескислородную среду, где и сохранились. Так можно объяснить... О-о-о! Это все от Бога. Если бы не его воля, мы никогда бы не узнали, кто погребен на Чон-Таше.

Кыргызы говорят: *«Мысль человека – как быстходный конь»*. Перед моим взором день 8 ноября 1938 года. Я увидела молодого мужчину на краю могилы. Выстрел в сердце! Мой отец упал!..

– Оте-е-е-ц! Дорогой мой папочка!

05.08.1991

Председатель КГБ Кыргызстана, генерал Жумабек Асанкулов, пригласил к себе на прием меня и Марию Урматовну, жену моего старшего брата Чингиза. Мы приехали в КГБ...

В здании этого ведомства я впервые. Справа от входа огромный памятник «главному чекисту СССР» Ф. Э. Дзержинскому... Фигура в шинели, в сапогах изваяна во весь рост. Около огромных сапог лежит красивая, видимо, только что срезанная алая гвоздика... Высокие стены здания выложены холодными мраморными плитами. От них веет враждебностью, мне становится неуютно, бросает в дрожь. Не знаю, что

это... Может быть, мое психологическое состояние в тот конкретный момент? А может быть, все то, что сформировало ранее мое отношение к этому учреждению, сейчас находит тяжелый отклик в сердце... Я захожу в кабинет генерала без настроения.

В кабинете Асанкулова мы знакомимся со следственным делом № 4418. Анкеты, справки, которые отец заполнял собственноручно... Как они дороги для меня, дочери, выросшей без него. Я беру в руки его военный билет, профсоюзный билет... как будто бы касаюсь его рук, ладоней.

Вот письмо, которое мама писала «товарищу Берия»: «...Я 12 лет прожила вместе с Торекулом Айтматовым и точно знаю, что он не враг ... Он патриот своей земли, своего народа, и никак не мог быть врагом. Его неправильно осудили. Прошу, Вас пересмотреть его дело...» Какой знакомый и родной почерк! Мама! Столько лет ты ждала!

Я перелистываю страницы. А вот ответ КГБ: «...Ваш муж осужден правильно. Он выслан в дальние лагеря без права переписки...» О, двуличные! В это время Торекул Айтматов был не в дальних лагерях, он – в Чон-Ташской братской могиле... вместе с другими...

А вот письма, которые начал писать в поисках отца уже подросток Чингиз... Сердце не выдерживает, глаза застилают слезы...

Генерал Асанкулов на своей машине везет нас на Чон-Таш. По возложенным венкам и цветам еще издали заметно место захоронения. Оно слева от турбазы (лыжно-спортивная база), на возвышении. Генерал читает молитву, посвященную погребенным здесь... Затем рассказывает, что в 1942 году НКВД оставило свою дачу спортсменам. Так появилась спортивная база «Чон-Таш» для лыжников.

Я хорошо знала это место, горожане очень любили кататься с этого склона¹. Мы с семьей тоже приезжали сюда. Эсенбек с детьми катались чуть дальше, на соседних холмах. Дети катались до упоения, я едва успевала менять им одежду. Но сама я почему-то не каталась (вообще я по характеру мало подвижная). Эсенбек часто сердился: «В такое хорощее

¹ Те места, где любила играть Бюбюра-эже.

место приехали! Отдохни! Ну что ты сидишь? Прокатись, хотя бы вот с этого холма, где все катаются!»

Видно, сам бог меня уберег от того, чтобы кататься на санях по костям отцов.

Потом я подумала, если их привезли живыми и расстреливали здесь, то я сейчас иду по последним следам отца, оставленным им на земле. Посмотрела под ноги: я шла по красивому, устланному сочной, зеленой травой, ковру. Боже, как вокруг все красиво!!! И как тяжело на душе...

08.08.1991

С пятого числа у меня нет настроения, нет интереса ни к чему. Я размышляю о многом, на что раньше вообще не обращала внимания. Мои близкие подруги Света, Умут, Алча пришли ко мне домой с соболезнованиями...

От Ильгиза я узнала, что останки, извлеченные из братской могилы, уже исследованы специалистами – анатомами, антропологами, историками, военными, юристами – и теперь готовы к перезахоронению. Место для перезахоронения тоже подготовлено: это небольшая площадка, расположенная немного ниже первой могилы (печи), справа от дороги, ведущей в гору.

Сегодня позвонил Чингиз и сообщил, что приедет из Люксембурга на траурный митинг, посвященный перезахоронению останков. Правительство назначило перезахоронение на **23 августа 1991 года**.

ГКЧП

(Государственный комитет по чрезвычайному положению)

19.08.1991

Но... как говорится «человек предполагает, а бог располагает»...

Сегодня, стоя на автобусной остановке «Киргизия» по проспекту Мира, я (ехала с дачи) обратила внимание на громкий, возбужденный разговор трех пожилых женщин:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Ата-Бейит» (Могила отцов)

- Так ему и надо, он этого добивался!
- Давно надо было расправиться с этим меченым. Сатана!..
- И за что только этого Горбача за границей так любят?
- Пусть катится в заграницу. Подальше от нас...
- Не-е-т! Его надо судить! Расстрелять его!..

Я поняла, что речь идет о М. С. Горбачеве (на даче у нас радио не работало, видимо, пропустила последние известия).

Не выдержав, вмешалась в разговор:

– Что случилось?

– А вы что, не слышали, что Горбачева сняли с должности? На его место Янаева назначили... И еще какая-то комиссия ГКЧП организована, в нее вошли Язов, Крючков...

Все рушилось в моем сознании... я не знала, как быть. Не выдержав, обратилась к женщинам:

– Чему вы радуетесь? Это же государственный переворот!

– А что, это плохо? – удивилась одна.

– Конечно! Тридцать седьмой год начнется! – возмутилась я.

– Ну и пусть! – это вмешалась в разговор вторая, – Нам все равно. Нам сейчас как раз нужен тридцать седьмой год!

Я замолчала. Как можно с ними говорить? Они скучают по тридцать седьмому...

Я поняла, что возникла страшная угроза! Ехала в автобусе и думала, что же теперь будет? Первые, о ком я подумала, это мои братья. Они известные, видные в обществе люди, открыто ратовавшие за демократию. А что же случится с молодыми политиками, руководителями нашего государства, которые взяли направление на построение демократии? Неужели нам снова предстоит тоталитаризм?

Вечером из Люксембурга позвонил Чингиз. Двадцать третьего он не может приехать: ему из Москвы, из МИДа позвонили и попросили быть на месте, никуда не выезжать. Он очень сильно переживает, что не может выехать на перезахоронение.

В стране обстановка напряженная, непонятно, чем закончится ГКЧП. Руководство страны приняло решение перенести дату перезахоронения на **27 августа**.

Сегодня же Президент А. Акаев выступил по радио с обращением к народу. В обращении он говорит: «...с тревогой и беспокойством сообщая о том, что в стране объявлено чрезвычайное положение...». Но в самом обращении все сказано так завуалированно, что непонятно, поддерживает он ГКЧП или же нет. Что будет?

20.08.1991

По радио передали о том, что партийная организация Киргизии, поддержала ГКЧПистов. Все время повторяют обращение партийной организации. Из Москвы передали пресс-конференцию путчистов. Смех, да и только! У одного трясутся руки, у другого – голова, такая неуверенность в речах, в интонациях, в поведении... Что с нами будет, если они придут к власти?

Ельцин выступил против путчистов. Сейчас по радио повторяют его обращение...

21.08.1991

По радио передают обращения А. Акаева, М. Шеримкулова. Теперь стало ясно, что они против ГКЧП. Прошел слух, что Б. Ельцина арестовали. Но оказалось, что это неправда. Слава богу. После обеда путчисты бежали. Теперь я чувствую себя более-менее спокойно.

24.08.1991

Приехал Чингиз Мы его встретили в аэропорту. Настроение у него хорошее. Видно, что он рад тому, что нашлось место захоронения отца. Специалисты, участвовавшие в исследованиях останков, извлеченных из Чон-Ташской могилы, на встрече с Чингизом предложили найти среди останков череп Торекула Айтматова и захоронить его отдельно. Но мы решили не отделяться от других. Если судьба ему начертала, чтобы он был захоронен в братской могиле, значит, богу это так угодно... Пусть все так и останется!

Сейчас, после ГКЧП, много срочных организационных моментов государственного значения. В связи с этим А. Акаеву необходимо срочно вылететь в Москву. Проведение перезахоронения теперь перенесли на **30 августа**.

29.08.1991

Из нашего аила Шекер приехало много родственников для участия в завтрашнем траурном митинге перезахоронения. Они сочувствуют и хотят поддержать нас в этот тяжелый момент. Спасибо им. Шекерцы остановились у Жылкыбая, нашего близкого родственника, в селе Стрельниково неподалеку от Чон-Таша.

30.08.1991

В 10 часов утра на старой площади столицы начался траурный митинг перезахоронения останков из Чонташской могилы. На лафетах установлены сто тридцать семь саркофагов, на каждом – алые гвоздики. Траурная музыка...

Выступили А. Акаев и Ч. Айтматов. Чингиз Торекулович предложил называть Чон-Ташское захоронение «Ата-Бейит», что в переводе на русский означает «Могила отцов». Похоронная процессия стала выходить с площади: впереди лафеты, за ними мы, дети тех, кого уничтожила сталинская репрессия. В сердце невыносимая скорбь, из-за слез ничего не видно. И думаю... *«Отец умер пятьдесят три года назад, мне сейчас пятьдесят четыре. Давно ушедшие времена. Ну почему я так сильно переживаю? Как обидно! Если бы он умер сейчас или нам сообщили бы о его смерти тогда, в тридцать восьмом, наверняка такое было бы легче пережить. Но они обманывали нас! Как долго мы ждали! Как сильно страдали! Как мы мечтали, что скоро увидимся с ним! И как их похоронили – это страшно!...»*

После траурного митинга дома у Ильгиза мы приняли родственников, приехавших к нам из аила. Спасибо им за участие, за сочувствие!

Вечером мы сделали прием руководителям государства в «стекляшке» – банкетном зале Правительственной дачи. Прием вел сам Чингиз. Было много выступавших, все хотели выразить свое отношение к событию... И вдруг Чингиз дает слово мне:

– Самой младшей в нашей семье является Роза. Когда наша семья рассталась с отцом, она была младенцем и совсем не помнит его. Я думаю, тяжелее всех было ей.

Я никогда не выступала в присутствии людей столь высокого ранга. Сначала растерялась, потом собралась с духом и высказала то, о чем думала все эти дни. Я озвучила мысль: «*Отдай мать замуж за убийцу твоего отца*». В конце речи я обратилась к Президенту нашей Республики Аскар Акаеву с просьбой простить коммунистов и всех тех, кто поддержал путч, не преследовать их...

Во время перерыва Аскар Акаевич подошел ко мне и сказал: «Роза-эже, я не буду преследовать коммунистов-ГКЧПистов...»

Я устала и совершенно опустошена. Не могу уснуть, села за дневник.

Через много лет я вернулась к этим записям в своем дневнике. А. Акаев на самом деле сдержал обещание. Тех, кто поддержал путч, не преследовали... Никого за это не арестовали и не привлекли к уголовной ответственности. В душе я всегда благодарна А. Акаеву за это.

В те годы наша страна взяла курс на построение демократии и стабильности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

«Ветвь Айтмата»

ФАМИЛЬНАЯ САНЖЫРА

*«Если даже умер мой отец, то пусть
долго живут люди, знавшие его»*

Народная мудрость

Мне было пять месяцев от роду, когда наша семья в последний раз виделась с отцом. Естественно, что моих собственных воспоминаний о нем нет. Но с детства мне довелось слышать о многом из его жизни и жизни его предков. Моя мама Нагима и тетушки Карагыз и Гуляим были великолепными рассказчицами, они и стали источником моих знаний об отце. Кроме того, я внимательно слушала и запоминала рассказы других людей, знавших Торекула Айтматова¹. Возможность многократно услышать и затем много раз пересказать эпизоды из жизни отца - все это давало мне ощущение, что я сама являюсь свидетелем событий, и воспоминания других людей становились как бы моими.

Наш отец – выходец из Таласской долины, расположенной на северо-западе Кыргызстана. Здесь издавна проживают представители трех родов – Кушчу, Саруу и Кытай. Кушчу живут в верховьях реки Талас, Саруу расселились вдоль ее средней части, а дальше река уходит в казахстанские Моюнкумы и заканчивает свой путь в его песках.

Мы относимся к роду Кытай, его представители живут в бассейне реки Куркуруе, протекающей на юго-западе Таласской долины. Куркуру-

¹ У людей не чувствовалось злорадство, не было ненависти по отношению к репрессированным. О каждом из них говорилось очень тихо и уважительно.

реу на границе с Казахстаном вливается в речку Аса и теряется также в казахских степях.

Каждый кыргыз должен знать своих «семь отцов» (жети ата), прямых предков по мужской линии до седьмого колена. Человека, не знавшего своих «семь отцов», презирали и называли рабом. Поэтому кыргызы по сей день сохраняют свою родословную – «санжыра».

Согласно санжыре¹ кыргызы делятся на три большие группы: правые, левые и внутренние. Родоначальниками правого и левого крыла кыргызов были близнецы Долон бия, одного из которых звали Ак уул, другого – Куба уул. Род Кытай входит в состав левого крыла кыргызов, он происходит от Куба уула. Говорят, что правнук Куба уула Каранай в один из дней вернулся с поля боя с большой удачей. Он одержал победу над врагами – китайцами, живущими по соседству, не дававшими вот уже много лет покоя кыргызам: они постоянно совершали набеги, грабили, угоняли скот, брали людей в плен. В этот раз Каранай сумел одержать внушительную победу, которая надолго запомнится врагам. Он сумел отбить несметное количество табунов у них и приумножить богатство своего рода. Возвращался он с этими трофеями вечером. Ярко светила луна. Когда он приблизился к своему айлу, ему сообщили суюнчу, радостную весть: его жена родила сына. В честь такой победы сына он назвал Кытай. Есть еще и другая версия появления имени Кытай: слово «кут» по-русски «удача», а луна по кыргызски «ай». Казалось, все хорошие события, случившиеся в этот день, упали с луны. Новорожденному дали имя «Кутай». Но это имя претерпело изменения и впоследствии стало произноситься как «Кытай».

Еще одну легенду о происхождении имени Кытай рассказывал мне Чингиз. В этом случае уже не китайцы кыргызам, а кыргызы не давали покоя соседнему государству Кытай. Кыргызы как жители горной местности очень хорошо ориентировались в горах и были отличными наездниками. Они совершали неожиданные набеги на соседние китайские поселения, грабили, угоняли скот и быстро скрывались в горах. Как ни

1 Кыргызы и Кыргызстан, Абрамзон, Б., 1999, 708 стр.

старались китайцы догнать их и наказать – не получалось. Гонцы даже проникали глубоко в горы, но кыргызы умели скрываться в горах так, что никто не мог их найти. Надоело каждый день слышать о кыргызских набегах китайскому императору, пригласил он своих сподвижников и сказал, чтобы они устроили ему переговоры с кыргызским ханом. Император и хан договорились о перемирии: кыргызы прекращают набеги на китайские поселения, а император выдает замуж одну из своих дочерей за кыргызского хана. У хана родился сын от китайской принцессы. Чтобы отличить его от детей, родившихся от других жен хана, о нем говорили «кытай аялдын баласы», что значит сын жены-китайки. Для краткости его называли просто «кытайдын баласы» или «кытай», а род, произошедший от него, стал называться «Кытай».

У Кытая родился сын Тулку. От Тулку происходят Байтике, Буудай и Богожу. Потомками Байтике были его два сына: Тонтогор и Кыйра. Мы приходим от Тонтогора, у которого было тоже два сына Ажы и Шекер.

Шекер – родоначальник нашего рода. Его имя носит наше село и даже наша сельская управа. От Шекера произошел Кудайназар, а от него – близнецы Асан и Усен. От Асана – Табылды. У Табылды было два сына: Кончужок и Танабай. От Кончужока происходят Джаналы и Тыналы. Тыналы наш прапрадед. Его сыном был Кимбильди. У Кимбильди было два сына: Биримкул и Айтмат.

У Биримкула, старшего брата нашего деда, было две жены, от которых родились три сына: Алымкул, Озубек и Керимбек. У нашего деда Айтмата и бабушки Аимкан было пятеро детей – два сына и три дочери: Аимкуль, Торекул, Карагыз, Гуляим и Рыскулбек. Мы – дети Торекула. Нас четверо – два брата Чингиз и Ильгиз и две сестры Люция и Роза.

У Чингиза четверо детей: Санжар, Аскар, Ширин и Эльдар, пятеро внуков (Айпери, Дария, Чынара, Керемет, и Искендер, а также двое правнуков от Айпери). Трое детей у Ильгиза: Жамиля, Энвер и Жибек. Они все (дети и Чингиза и Ильгиза относятся к роду Кытай, племени Тонтогор, к колону Шекер). От них происходят правнуки Торекула и Нагимы: Айпери, Дария, Чынара, Керемет, Жандар, Жанай и Искендер.

Несмотря на то, что по кыргызской традиции принадлежность ребенка к роду определяется по отцу, а для родственников матери они «жээн»¹, упомяну и о наших с сестрой потомках.

Люция вышла замуж за представителя рода Бугу (Иссык-Кульская область), колено Чал-баш. У нее трое прекрасных сыновей – Медет, Султан и Асан, а также семеро внуков и внучек – Туркель, Чолпон, Алтынай, Бегимай, Сеит, Дастан и Арууке.

У меня (Розы) двое детей, сын Урмат и дочь Айгуль и четверо внуков – Нагима, Кемельбек, Жоомарт и Ильяс, а также двое правнуков от Нагимы: Омар и Айпери. Мои дети, а также дети моего сына Нагима и Кемельбек относятся к племени моего мужа – Жолболду, внутри рода Алакчын (внутри более крупного рода Саруу), а Жоомарт и Ильяс являются представителями рода Сарбагыш (Кеминский район).

Между прочим Жандар и Жанай внуки Ильгиза от дочери Жамили, и Керемет внучка Чингиза от дочери Ширин, они тоже являются для Айтматовых жээнами.

Обычно Санжыра ничего не говорит о женщинах, поэтому и я ничего не могу сообщить о женщинах рода Кытай. Но в народе существует легенда, гласящая о том, что Шекер² – это имя женское. Так звали жену одного из сыновей Тонтогора. Шекер была красивой, смекалистой и умной, супруги любили друг друга и жили душа в душу. У супругов росли здоровые, хорошие дети, и семья была счастлива. Но однажды случилось несчастье: мужа Шекер накрыло снежной лавиной в горах. И она овдовела, будучи еще совсем молодой.. Через год прошли поминки, и после них молодой вдове, как и полагается обычаем, стали предлагать руку и сердце мужчины из рода ее мужа. Но, ссылаясь на то, что она не может забыть мужа, преступить память о нем, Шекер отказалась выйти замуж. Тяжело ей было, но она смогла самостоятельно вести хозяйство и вырастить детей. Они стали влиятельными людьми, гордостью рода, с их мнением считались старейшины и простые представители не только этого рода, но и других родов в Таласской долине. Их часто называли

1 Жээн – племянники или внуки по женской линии

2 Сахар, сладкая.

детьми Шекер, поэтому и род, произошедший от ее детей, стал называться Шекер.

Существует еще одна легенда, связанная с именем Шекер.

Испокон веков таласские кыргызы граничили с казахами. В те времена кыргызы занимали территории, раскинувшиеся налево от Олуя-Аты вплоть до Чимкента, а также земли Куланского¹ и Меркенского районов². Если обратиться к предкам Долон бия, то по санжыре он происходит от Арыстан-хана. У Арыстан-хана было четверо сыновей: Алачкан, Каракан, Асанкан и Табалкан. От Алачкана происходят казахи, а от Каракана – кыргызы, т. е. отцы их были братьями³. У кыргызов и казахов очень похожи языки, обычаи, традиции, и придерживаются они одной религии. Жили эти братские народы всегда в согласии и мире. На казахках женились кыргызы и наоборот, на кыргызках – казахи. Таким образом, между ними были очень тесные родственные связи.

Случилось это в 1770 году. Отношения кыргызов и казахов резко ухудшились. Аблай-хан, собрав силы племени Орто-жуз, внезапно напал на таласских кыргызов, захватил приграничные земли, угнал скот и взял много людей в плен. Кыргызы, не ожидавшие от соседей такого вероломства, были оскорблены и озлоблены на Аблай-хана. Вскоре кыргызы ответили тем же, отобрали захваченные казахами земли и отбросили их до Чимкента. Многие вожди казахских войск были пленены и убиты. Обстановка обострялась. Были и третьи силы, калмыки, заинтересованные в ослаблении обеих сторон. Они распространяли разные слухи, затевали интриги, чтобы накалять страсти. Казахам говорили, что кыргызы хотят захватить территорию казахов, истребить их и пленить. Кыргызам говорили, что казахам ничего не стоит отобрать земли у кыргызов и уничтожить их полностью, чтобы больше не существовал кыргызский народ. В такой обстановке каждый кыргыз от мала до велика был озабочен только одной мыслью, как отомстить казахам. Готовили войско, вооружение, разрабатывали стратегию нападения и защиты...

1 Ранее Луговской район.

2 Во многих санжыра говорится о том, что кыргызы летом пасли свои стада на пригорках между Олуя-Ата и Чимкентом.

3 Теги терен элдин уулу, Т. Абдыкаров, Б., 2008.

И лишь один из сыновей Тонтогора был безразличен к этим мероприятиям. Он не ходил на сборы, советы старейшин, встречи, а продолжал заниматься обыденными хозяйственными делами. Он готовился к хорошему! Пригласил известных поваров из Андижана, заказал Даш-казаны¹ из Кашгара. Стал завозить заготовки тандыров² и устанавливать их на жайлоо, расположенных в предгорьях (никогда такого раньше не бывало), вырыл в земле в ряд много больших кемеге – очагов, продолговатой формы. Стал завозить продукты, заморские сладости, сахар, мед....

Близкие люди, родственники, глядя на его действия, переживали и называли его простафилей, дураком, безразличным к судьбам своего народа и родины. Враги наоборот радовались такой простоте и чудачествам сына Тонтогора. Но он никогда не слушал, а день и ночь молил Бога, чтобы все закончилось добром, без кровопролития. Конечно, слухи, злословия, интриги сделали свое дело. Казахи в этот раз собрали огромные силы и решили напасть со стороны Ак-Сая (западнее Кок-Сая). Кыргызы тоже подготовились, был брошен клич: «Чем отдать землю наших предков, которая была нам оставлена 70 поколениями отцов, лучше мы погибнем!» Куркуреуцы решили бороться до последней капли крови....

И вот наступил день сражения. Кыргызские и казахские воины выстроились «стенка на стенку». Однако начало боя все откладывалось, как будто искали причину, чтобы приостановить схватку: ведь на каждой стороне стояли люди, близкие по крови и духу (таяке, жээны, сваты, друзья).

И вдруг на середину въехал белобородый всадник на белом коне, в белой одежде. Движением руки он попросил слова.

– Братья, друзья! Мы – куркуреуцы – тех, кто нас уважает уважаем, мы умеем дружить с друзьями и соседями. Однако мы можем дать и достойный отпор тем, кто желает с нами ссориться. Вот наши копья! За каждую пядь родной земли мы готовы бороться до последней капли крови. Пока у нас головы на плечах, мы не кланяемся перед врагами, пока у нас есть колени, мы их не сгибаем перед ними.

Он поднял руку, указывая в сторону гор, и продолжил:

1 Большой котел, употребляемый при приготовлении пищи на пирах.

2 Глиняная печь для испечения лепешек и самсы (пирожков).

– Посмотрите на великую двуглавую вершину Манас-Ата, она словно грудь кормящая своих сыновей близнецов – казаха и кыргыза. Что нам делить? Ведь жили мы в дружбе и согласии, вместе кочевали на жайлоо, вместе зимовали на стойбище. Мы родственники, дети двух братьев и до сих пор жили в мире, – с обеих сторон стали слышаться одобрительные возгласы. Аксакал продолжал:

– Почему теперь вы, верите вражеским проiscaм и готовы поднять мечи против своих братьев и детей. Калмыки только и ждут, чтобы мы перебили друг друга. А они снова захватят наши земли Ак-Сай и Кок-Сай. Давайте подумаем, прежде чем начнем уничтожать друг друга, за чаем. Я приглашаю всех к чаю.

Большое количество белоснежных юрт уже были установлены, а в них были расстелены дасторконы с удивительными яствами. Тем, кому не хватило места в юртах, дасторконы уже были расстелены на берегу реки, на зеленой траве. Предводители родов и войск с обеих сторон задумались. Действительно, что нам делить? И решили заменить сражение единоборством двух батыров. Битва между кыргызским и казахским батырами закончилась вничью. Так было предотвращено кровопролитие. О сыне Тонтогора говорили:

– У него не только речи, но и угощения сладкие, как шекер. Он сам – Шекер. Так, первоначально провозглашенное во время азана имя¹ аксакала было забыто, и стали его звать Шекер.

Основоположник нашего рода Шекер сумел силой слова и убеждения предотвратить войну и установить мир, спасти от гибели не только кыргызов, но и казахов. Мы гордимся им!

Один из потомков Шекера – Айтмат Кимбильдиев

Основоположником нашей фамилии является наш дед Айтмат. Начну с него... По воспоминаниям людей, знавших деда, он умел шить, кроить, изготавливать ювелирные изделия, комузы, рубить седла, точить

¹ Когда рождается ребенок, ему дают имя, затем при первом азане после его рождения провозглашают это имя, как бы его объявляют всему миру.

сапоги, маасы¹... В общем, был на все руки мастер. Айтмат Кимбильдиев первым в своем краю приобрел швейную машинку марки «Зингер» и занимался портняжным делом. Поэтому в народе его называли «Машинечи² Айтмат». Молодые же снохи, которые не имеют права произносить имена родственников мужа, называли его Машинечи-аке, а еще говорят, у него был большой нос и снохи его называли «Чонмурун аке». Кстати, внесу разъяснения к слову «аке». У нас в Таласе женщины к старшим мужчинам обращаются уважительным словом «аке» независимо от того является ли он её родственником или мужа. Но когда снохи говорят о них в третьем лице, то для того, чтобы определить, о ком конкретно идет речь, к слову «аке» прибавляется какая-нибудь его характеристика. Например, Догдур-аке (аке, который работает врачом), Чонбаш-аке (аке с большой головой). А деверей, т. е. младших братьев мужа, часто называют «жана бала» (тот мальчик), «кичине бала» (маленький мальчик) или же по прозвищу. При чем такое обращение сохраняется до старости лет.



*Айтмат, отец Торекула
Работа С. Бабаджанова*

Вспоминается забавный случай. У моей тетушки Карагыз был деверь – младший двоюродный брат ее мужа. Он от природы был тощий-тощий, весь в морщинах. Так как Карагыз не имела права называть его по имени, то она дала ему прозвище – «Тырыш», что означало «морщина». Она шутила с ним и обращалась к нему «Тырыш». Он на это не очень обижался и отвечал ей в том же тоне.

-
- 1 Маасы – ичиги (женские и мужские сапожки без каблука и твердого задника, с мягкой подошвой).
2 Буквально «машинист»

У нас дома все за глаза его звали «Тырыш», и я подумала, что это его имя. Однажды, это было накануне орозо-айта, Карагыз-апа приготовила боорсоки, кульчатой и попросила меня:

– Оросо (так она произносила мое имя Роза), сходи к Тырышу и пригласи их с женой к нам на чай.

Жили они недалеко, по соседству. Во дворе никого не было, и мне пришлось зайти в дом, потом в гостевую комнату. На почетном месте, на тешеках, постеленных в несколько слоев возлежал Тырыш, видимо, отдыхал. И тут я:

– Тырыш-ата, Вас на чай приглашают.

– Что?! – он весь взвинтился, вскочил со своего почетного места и потом, еле сдерживая свой гнев, отправил меня домой, – Хорошо! Спасибо дорогая!

Потом пришел в дом брата и с криками при всех устроил скандал:

– ...Карагыз-джене! Лучшие зови меня по имени, не надо мне такого уважения. Вон дети уже думают, что меня зовут Тырыш, – и рассказал о моем визите. Все смеялись, а Карагыз-апа отишучивалась:

– Видно, теперь до конца жизни от тебя не отлипнет это прозвище, что поделаешь?...

Братья Биримкул и Айтмат были очень дружны, помогали друг другу, вместе откочевывали на жайлоо, вместе перековывали на зимовье. Все важные дела обсуждали и согласовывали между собой. Бывали спорные моменты, но в таких случаях последнее слово всегда оставалось за старшим – Биримкулом. Братья пользовались авторитетом, их уважали за трудолюбие, рассудительность и порядочность, с ними считались. Они были известны и узнаваемы в высших кругах всей Таласской долины.

Шекерцы весной кочевали на дальние пастбища: на жайлоо Байдамтал, Ойгаин, Сандык и др. По пути останавливались на отдых, чтобы напоить и покормить коней и верблюдов, а также дать людям возможность отдохнуть, а детям – подвигаться. На привале женщины доставали из куржунов кулазык (продукты, специально заготовленные для дальней дороги), подростки помогали носить воду и ставить самовары... Женщи-

ны быстро накрывали дасторкон¹. В это время Биримкул и Айтмат брали в руки свои комузы, исполняли веселые наигрыши и детские песенки. А потом усаживались друг против друга на противоположных холмах и устраивали шуточные айтыши². Не только дети, но и взрослые собирались вокруг и хохотали до слез. Так, братья поднимали настроение родственникам и помогали им хорошо отдохнуть – тяготы пути отступали назад.

Земли рода Кытай находились вдали от основных торгово-производственных и социальных объектов того времени, что, конечно, было не очень удобно, далеко и накладно для простых скотоводов. Например, для того, чтобы зерно перемолоть в муку, нужно было ехать через ущелье – в город Олуя-Ата³, на мельницу «Ак-тегирмен». Биримкул с Айтматом решили построить мельницу на реке Куркуреу, так и соплеменникам будет удобно, и самим не мешало бы разбогатеть. Об этом мой старший брат Ч. Айтматов пишет так:

«...Все, что было у него (Айтмата) и его брата Биримкула, все состояние двух хозяйств вложили в мельницу. Все лето того года всей семьей копали они отводной арык от Куркуреу для подачи воды на мельницу (теперь от него остался едва заметный след), всей семьей поднимали стены и крышу. Прошел год, и, наконец, мельница заработала...».

И действительно, идея была удачной: мельница оказалась в месте, удобном для жителей долины Куркуреу. На нее привозили свое зерно даже жители из соседних казахстанских сел. Все были довольны, потому что далеко ездить не надо, а по качеству мука ничем не уступала «Ак-тегирменской», да и плату Айтмат брал умеренную. Но мельница долго не простояла – то ли конкуренты постарались, то ли действительно несчастья преследовали Айтмата, но случился пожар, и мельница сгорела дотла, остались одни жернова. На окраине нашего села Шекер до по-

1 Дасторкон – скатерть, «расстеленный дасторкон» означает скатерть, наполненную яствами.

2 Айтыш – поэтическое состязание акынов-импровизаторов на заданную тему.

3 Ныне город Тараз в Казахстане.

следнего времени лежал тот мельничный камень, сейчас он находится в сельском музее.

После пожара, случившегося в 1913 году, разорившийся Айтмат ушел вместе с сыном Торекулом на строительство железнодорожного тоннеля близ станции Маймак. Торекул, которому исполнилось 10 лет, был любознательным и сообразительным мальчиком, он быстро освоил русский язык и с первых дней работы проявлял живой интерес ко всему, происходящему вокруг. Инженеры и мастера обратили внимание на обаятельного, смышленного мальчишку. Администрация железнодорожного строительства предложила Айтмату отдать сына в Русско-туземную школу¹ и дала направление. Это произошло в 1915 году...

Над предложением администрации Айтмат думал со всей серьезностью. Как оставить сына одного в школьном интернате? С одной стороны, он совсем еще маленький, будет скучать, за время работы на строительстве Айтмат так сильно привязался к сыну, что не мог представить себя без него. И как отреагирует его мать? Но, с другой стороны, жизнь складывалась так, что безграмотному человеку, тем более не знающему русский язык, трудно будет в будущем.

Тогда Айтмат решил сам пойти в школу и познакомиться с условиями жизни и преподавателями. *«Понравится – оставлю сына учиться, а не понравится – посмотрим»*, думал он. Взял за руку сына, документы, выданные администрацией железной дороги, и пришел прямо в кабинет директора олуя-атинской Русско-туземной школы.

– О-о! Айтмат-аке! Здравствуйте! Как ваши дела, как семья? Добро пожаловать! – радушно принял его директор школы – Абжалбек Чолпонкулов². Это был очень хороший знакомый Айтмата.

1 В середине 80-х годов девятнадцатого века в колониях России начинают открываться русско-туземные школы, в том числе в Средней Азии и южном Казахстане. Надо сказать, что эти школы в то время имели прогрессивное значение: там учили грамоте, знакомили молодежь Средней Азии с русским языком, а через него – с русской и мировой культурой. К 1914 году на территории Киргизии функционировали пятнадцать Русско-туземных школ. Одна из таких школ была открыта и в городе Олуя-Ата.

2 Дедушка Светлана Амановны Арыстановой, директора известной бишкекской школы-гимназии № 6.

Абжалбек Чолпонкулов родился в 1876 году в селе Каракол Таласской области. Русский друг отца по имени Василий советует отдать Абжалбека учиться, уж очень он способный. В 1888 году мальчик поступает учиться в русскую школу села Дмитриевка (ныне город Талас). Через год Абжалбека, как хорошо успевающего, переводят учиться в русскую школу города Олуя-Ата. После успешного окончания Олуя-Атинской школы в 1896 году он поступает в Ташкентскую педагогическую семинарию, которую заканчивает в 1901 году. В первое время после окончания семинарии Абжалбек работал в различных Русско-туземных школах Центральной Азии (в Коканде, Маргилане, Ташкенте, Олуя-Ата, Мерке, Кара-Бууре, Чалдыбаре, Таласе).

В 1915 году Абжалбек Чолпонкулов назначается директором Олуя-Атинской Русско-туземной школы. После революции он работал в советских школах, преподавал русский язык и литературу в кыргызских школах. Он всю свою жизнь посвятил педагогической деятельности

В 1942 году одним из первых в Кыргызстане был удостоен звания «Народный учитель Киргизской ССР».

В 1946 году Чолпонкулов баллотировался в депутаты Верховного Совета СССР. Однако, он неожиданно скоропостижно скончался.

В таласской долине Абжалбека Чолпонкулова знали не только как первого просветителя, но и как человека справедливого, смелого и рас- судительного.. Они с Айтматом часто встречались на больших меро-



Абжалбек Чолпонкулов,
учитель Торекула
г. Талас, 1940 г. (?)

приятнях, на сборах, где обсуждались судьбоносные вопросы Таласских кыргызов. Абжалбек всегда говорил обоснованно и справедливо. Очень часто их взгляды совпадали. Несмотря на большую разницу в возрасте, в 10-11 лет, между ними были дружеские, теплые отношения. Поэтому Айтмат, ничего не скрывая, рассказал Абжалбеку все свои переживания и тревоги. Выслушав Айтмата, Абжалбек с улыбкой на лице сказал ему:

– Не переживайте, Айтмат-аке. Вы человек грамотный, владеете арабской графикой, ответственный и, самое главное, мастеровой. У меня есть к вам хорошее предложение. Нам нужен учитель труда, как раз такой, как Вы. Поступайте в нашу школу на работу, перевезете семью в город, а Торекул будет учиться здесь и жить с семьей.

Айтмат принял предложение Абжалбека. Через некоторое время он снял у узбекской семьи дом на окраине города, недалеко от железной дороги, привез семью и стал работать учителем труда. Обратившись в Шекер он вернулся только через три года, в 1918-м году.



*Аимкан, мать Торекула
Работа С. Бабаджанова*

БАБУШКА АИМКАН

Бабушка Аимкан, жена нашего деда Айтмата, тоже была из рода Кытай, но из другой его ветви – Кыйра. Нынешние знатоки санжыры рода нашей бабушки говорят: Аимкан – дочь Сатаалы. Сатаалы – сын Бабалака. Бабалак – Токтоназара, а он является одним из потомков Назаралы, который имел прозвище Тоголок-Баш (круглая голова). Тоголок-Баш – сын Кыйры, а дальше идет цепочка: Кыйра – Байтике – Тулку – Кытай.

Одной из примечательных личностей ветви Кыйра является Болдуке, жена Чоока, старшего брата Назаралы. Она известна тем, что после смерти мужа, который рано скончался, не стала повиноваться обычаю и не вышла замуж за положенного представителя элиты этого рода. Она не захотела стать второй или третьей женой одного из родоначальников, а выбрала простого пастуха по имени Кочкор, младшего брата Чоока. Как говорят у кыргызов, «хорошая жена плохого мужа доведет до среднего, среднего – до хорошего, а из хорошего сделает хана». Так и Болдуке сумела довести пастуха до родоначальника.

Это Болдуке дала прозвище «Тоголок-Баш» своему деверю. Оно было настолько четким и метким, что его имя Назаралы было забыто, а прозвище закрепилось за ним, и его потомки именуют себя Тоголок-Башами. Итак, наша бабушка Аимкан относится к племени Тоголок-Баш ветви Кыйра рода Кытай. Ее близкие родственники живут в селе Арчагул, недалеко от Шекера.

У Сатаалы, было восемь детей: три сына и пять дочерей. Одну из дочерей, Аимкан он отдал своему старшему брату Сатану потому что у него не было дочери. Поэтому в своих воспоминаниях Ч. Т. Айтматов пишет о своей бабушке, что она – Аимкан Сатан кызы.

Говорят, Аимкан была видной невестой. Многие предлагали ей руку и сердце, но выбрала она Айтмата.

Однажды моя тетя Карагыз повела меня к родственникам, у которых умер дедушка. Мне было лет семь или восемь. Тетушка Карагыз велела подождать у входа в юрту, а сама села в ряд с другими женщинами спиной ко входу и запричитала. Но мне было не по себе в незнакомой обстановке, и я зашла в юрту и подсела к тетушке. Карагыз-апа¹ печаль-

¹ В разных регионах Кыргызстана по разному называют тетушек по отцу, например в Чуйской долине и свою старшую сестру и тетушку по отцу и старших сестер мужа называют уважительным словом «эже». В Таласе же свою старшую сестру называют «эже», а когда обращаются к тетушкам по отцу, то к имени прибавляют слово «апа» или «апче», а к старшим сестрам мужа обращаются просто «апа». В то же время,

но и протяжно пела о том, какой это был хороший человек, о том, какое богатство осталось после него, о том, каких хороших детей он воспитал, что теперь они будут скучать по нему, что будут искать его, но никогда не найдут. Мне стало жалко, что умер такой хороший дедушка, что Карагыз-апа страдает и плачет из-за него, и я тоже залилась слезами. Тетушка прервала свои причитания:

– Почему ты плачешь? Это был старый дедушка, он уже отжил своё, – она обняла и приласкала меня.

– Женщины, остановите свои причитания, а то Оросо боится, – обратилась тетя к плакальщицам. Все замолчали и повернулись в нашу сторону.

– А, это твоя племянница, дочь Торекула? Вылитый отец.

Потом они стали вспоминать моих бабушку с дедушкой, и я поняла, что Айтмат и Аимкан были удивительной парой, жили в согласии, глубоко уважая друг друга.

С другой моей любимой тетюшкой Гуляим мы также иногда подолгу беседовали. У нее была отличная память на прошлое, она помнила даже, кто как причитал на похоронах соседа, когда ей было всего девять лет... Мы часто говорили с ней о тетюшке Карагыз, о ее умении быть опорой каждому из нас. Тут тетюшка Гуляим начинала вспоминать свою мать Аимкан и старшую сестру Аимкуль:

- Они были идеальными женщинами! Бог им даровал и ум, и красоту, и достоинство. Твоя бабушка и твоя тетя были гордостью нашей семьи!

Когда родился Чингиз, бабушка Аимкан надеялась, что, как и в других семьях, Торекул с Нагимой отдадут своего первенца ей на воспитание (был такой обычай у кыргызов). Но этого не произошло. Затем родился Ильгиз, и у нее вновь затеплилась надежда:

– Ну, теперь-то одного из мальчиков отдадут мне!

– Апа, не обижайся! Мы детей будем растить сами, а тебе будем привозить их на лето. Сейчас надо детей воспитывать по-другому, времена изменились. Их надо готовить к школе... Да и тебе в твоём возрасте

у кыргызов апа – переводится как мама. Эти разъяснения я даю в связи с тем, что в первом издании этой книги представителям других регионов Кыргызстана было трудно разобраться сколько и какие у меня были «апа».

будет тяжело заниматься воспитанием детей: они такие подвижные, – успокаивал сын.

Вскоре после рождения Ильгиза, Нагима решила с обоими сыновьями поехать отдохнуть на жайлоо Тандыр. Аимкан наказывала снохе Тумар, супруге близкого родственника, в сопровождении которой выезжала невестка с внуками:

– Смотри хорошо за детьми. Нагима по-новому их воспитывает, кормит, ложит спать по часам, поэтому вовремя готовь кашку для Ильгиза.

– Как это по часам? А мы кормим, когда ребёнок плачет.

– Ты отсталая, а моя сноха современная, грамотная! – как бы, оправдываясь за то, что ей «не доверяют» внуков, объясняла Аимкан.

– Ну, ладно, Аимкан-джене, не беспокойтесь! Я найду общий язык с Нагимой и за внуками вашими присмотрю, – смеясь, отвечала Тумар.

Когда Чингиз подросток, его действительно стали отдавать бабушке на лето. Бабушка безмерно радовалась этому: ведь это был ее первый «настоящий» внук¹. Он приезжал в село в городской одежде, бабушка же специально просила Аимкуль сшить для мальчика национальный костюм². У нас долго хранились детские фотографии Чингиза того времени. На них Чингиз выглядел роскошно: на голове кунья шапка – тебетей, чапан подпоясан красивым узорчатым серебряным пояском – кемером. На другом снимке он был в весенней одежде³. По тому, как в своей книге «Мое детство» Чингиз описывает бабушку Аимкан, она в нем души не чаяла и обожала всем сердцем.

Однажды бабушке принесли телеграмму: *«Нагима родила двойню – мальчика и девочку»*.

– Ай, какую глупость совершил Торекул, разве можно о таком говорить во всеулышание, зачем он послал телеграмму? Завидовать же

1 Внуки от дочери Аимкуль были «жэнами. Настоящими считаются внуки, рожденные от сыновей.

2 У кыргызов для детей шили специальную одежду с учётом условий жизни в горной местности, так, чтобы ребёнок мог свободно двигаться, бегать по холмам, за козлятами, но не простудился, если вспотеет, и в то же время нарядно выглядел.

3 Когда Чингизу Айтматову присудили Ленинскую премию, журналисты готовили о нём телепередачу и попросили эти фотографии, но обратно не вернули их. Так они исчезли.

будут такому счастью! – с одной стороны радуясь, с другой боясь, что сглазят, Аимкан сразу спрятала телеграмму под жюк¹.

Приготовив подобающие такому случаю гостинцы (боорсоки, талкан, топленое масло, мед), она приехала во Фрунзе поздравить родителей и увидеть новорожденных внуков. Моя мама – Нагима – так рассказывала об этом:

Мальчик родился первым, был крепким и более здоровым, а девочка родилась второй и с трудом. Поэтому она была слабенькой, ей требовалось уделять больше внимания. Мы их назвали Рева и Люция от слова «революция».

Бабушка обижалась, что ей не отдали ни Чингиза, ни Ильгиза, как положено по обычаю. И мы решили ублажить её, отдать ей мальчика. Как она радовалась! Но сразу сказала, что имя Рева ей не нравится и что она назовет его Эркинбеком в честь Эркинбека Эсенаманова, близкого друга Торекула. «Это тоже революционное имя, если вы так этого хотите», подчеркнула она.

Мы согласились. Она увезла ребёнка в аил и с удовольствием его нянчила. Ей казался он очень красивым, и когда приходили домой люди, она никому не давала его на руки и отворачивала лицом к стене, чтобы не сглазили.

Эркинбек Эсенаманов² – близкий друг Торекула. Они в одно время учились в олуя-атинской Русско-туземной школе, потом учились в Москве в КУТВ (1921-25 гг). В одно время они женились на подружках (татарках по национальности) и были друзьями друга у друга на свадьбах. В 1931-33 годах Эсенаманов учился в Аграрном институте Красной Профессуры в Москве. По воспоминаниям

-
- 1 Жюк – одеяла и подушки, сложенные стопкой. Высота такой стопки часто доходила до двух метров.
 - 2 Эркинбек Эсенаманов был родом из села Маймак, происходил из знатной семьи Иманбек-болуша. Слово «эркин» на русском означает «свобода», так что бабушка, зная, что одним из лозунгов советской власти была «свобода», намекала именно на значение имени Эркин.

многих,¹ его современников Эркинбек был очень образованным, начитанным человеком, отличным оратором, и в то же время обладал искрометным чувством юмора и удивительным обаянием. Зияш Бектенов в своих воспоминаниях говорит о том, что Эсенаманов выступал в роли переводчика с кыргызского на русский язык на сессиях Верховного Совета, где председательствовал М. И. Калинин. Моя мама, Нагима Айтматова рассказывала, что, услышав, однажды, выступление Эсенаманова И. В. Сталин назвал его «соловьём Киргизии».

Эсенаманов, как и наш отец, в разное время занимал ответственные государственные посты и был известной личностью в Кыргызстане. Последним из занимаемых им постов была должность министра сельского хозяйства Кыргызской ССР. Его так же, как и многих других видных людей того времени, не миновала репрессия.

Маленькому Эркинбеку было уже месяцев шесть, когда Эсенаманов, находясь в Таласе по служебным делам, захотел поприветствовать бабушку Аимкан и увидеть своего тёзку, чтобы потом рассказать родителям, как растёт их малыш. Эсенаманову, конечно, бабушка не могла отказать и дала подержать на руках малыша. Тот немного понянчился с маленьким Эркинбеком, поиграл с ним, приласкал и отдал обратно бабушке, при этом заметил, что у ребёнка высокая температура и надо бы ему дать лекарство. К вечеру малышу стало хуже, и через три часа после отъезда Эсенаманова он умер.

– Конечно, бабушка чувствовала себя виноватой перед нами. Чтобы как-то оправдаться, она сказала, что его сглазил Эсенаманов. Мы, естественно, этому не поверили. Видать, такова была судьба мальчика, – говорила мама.

В 2000-м году мне рассказали еще одну историю о моей бабушке. Я приехала в командировку в город Ош и остановилась в гостинице «Интурист». Не успела разложить вещи, как ко мне в номер постучали. За-

¹ Зияш Бектенов в книге «Замандаштарым жонундо эскеруу».

шла женщина с красивым букетом цветов. Я удивилась... и подумала, наверное, она ошиблась, так как раньше никогда не видела ее. Но посетительница меня сразу предупредила:

– Эже, здравствуйте! Я именно к вам пришла, я так давно искала встречи с вами, для меня это очень важно. Меня зовут Шайымкуль... – торопливо представилась она.

У неё было красивое лицо, ясные глаза и, самое главное, она оказалась интересной рассказчицей. Несмотря на свою усталость (целый день работала в офисе и полетела в Ош вечерним рейсом), я забыла обо всём и стала её слушать.

– Я должна выполнить поручение своей матери, – начала она. – Мамы уже в живых нет, она умерла четыре года тому назад, но это было её последнее пожелание. Ещё когда она была жива, очень хотела встретиться с Вами и рассказать свою историю сама. Но не получилось... И Шайымкуль рассказала мне историю рождения своей матери.

«Я прихожусь Вам родственницей через линию моей матери Токтобубу и бабушки Маржан. Тайтели¹, мой прадед по матери, был близким родственником вашего деда Айтмата

Мою бабушку Маржан выдали замуж за учителя Барпыбека, сына Адылбека из рода Кушчу.

Человек по имени Адылбек ещё в молодости уехал из Таласа и жил в окрестностях Олуя-Ата², где женился на казашке. У них родились шестеро сыновей³. Все были как на подбор: красавцы, умницы, силачи, жили в согласии между собой, не давали в обиду себя, защищали друг друга. В народе их называли «Адылбектин алты борусу», что переводится как «шесть волков Адылбека»⁴. Третий сын Барпыбек преподавал в мусульманской школе. Это и есть мой дед. Он был женат на моей бабушке Маржан. А жили они в местеч-

1 У Тайтели было пятеро детей: две дочери и три сына – Маржан, Соорбек, Кюляй, Нарбек и Кучук.

2 В советское время – Джамбул, ныне – Тараз, а раньше назывался Аулие-Ата, по кыргызски называли Олуя-Ата.

3 Сопубек, Момбек, Барпыбек, Мураталы, Канаталы, Доолоталы.

4 Волк в мифологии кыргызов и казахов – отважное, сильное, благородное существо.

ке Тектир-мечь¹ на окраине города Олуя-Ата, недалеко от железной дороги², по-видимому, снимали квартиру у узбеков.³ Совершенно случайно неподалеку от них поселился Айтмат со своей семьей, когда приехал работать учителем труда.

Моя бабушка Маржан, тогда еще совсем молодая женщина, узнав о том, что её близкие родственники стали соседями, была искренне рада. Она с улыбкой сообщала всем, что её любимая Аимкан-джене теперь живет рядом, по соседству.

Думаю, что молодая женщина всегда нуждается в помощи и советах близких людей. А у Маржан были проблемы: она уже несколько раз рожала, но дети умирали в младенчестве... И вот Маржан была снова беременна. Она обратилась к Вашей бабушке:

– Аимкан-джене, я так тяжело переношу беременность, все девять месяцев – токсикоз. И так обидно, что выношенные с такими мучениями дети, умирают. Первые четверо умерли сразу после рождения, а последний – когда ему исполнилось девять месяцев. Он был такой забавный, уже говорил «апа, ата»⁴, и мне казалось, что в мире милее и лучше ребёнка нет. После его смерти я долго не могла прийти в себя. Ночью сквозь сон я слышала, как он плачет и тянется ручонками ко мне, я просыпалась и долго искала бешик⁵, чтобы покормить его грудью... Мой муж и его родственники уже выражают недовольство тем, что у нас нет детей. У его младшего брата уже трое, и все мальчики!

– Ничего, дорогая моя кыз⁶, бог даст, нормально выносишь и родишь. Я тебе буду помогать. У кыргызов говорят – «таяке – пир»

1 В народе ещё называли это место «Бак мазар».

2 В советское время там была построена большая больница.

3 Узбеки строили много маленьких домиков в одном дворе.

4 То есть «папа, мама».

5 Бешик – детская колыбель.

6 У кыргызов женщины младших сестер мужа также, как его братьев называют не по имени, а ласкательно – «девочка», интересно, что такие обращения остаются до старости лет. Иногда пожилые под семьдесят-восемьдесят лет женщины обращаются друг к другу: «джене», «кыз», и это слышится очень смешно, когда таких пожилых женщин называют «девочка».

(родственник по линии матери является духовным покровителем): *Айтмат для твоего ребенка – таяке, я попрошу, чтобы он разрезал пуповину ребенка¹... Вот увидишь – все будет хорошо!*

В один из дней, когда Айтмат навещал в Шекере старшего брата, у Маржан начались схватки. Встревоженный Барпыбек попросил Аимкан срочно прийти: «Одна надежда на Вас, помогите!»

Всю ночь Аимкан провела около роженицы, готовила её психологически, стирала простыни и пеленки², готовила бешик. Но вот беда, Айтмат задерживался. Повитуха забеспокоилась: успеет или нет приехать муж, к моменту, когда Маржан разродится. Тут прибежал Торекул узнать, скоро ли мать придет домой.

– Торекул, ты тоже будешь таяке новорожденному. Какая разница, ты или отец? Так что, если твой отец не успеет приехать, пуповину разрежешь ты, – Аимкан была довольна, что нашла такой выход.

– Нет! Что ты, мама! Я боюсь резать!

– Не бойся! Ты ведь уже жигит! Смотри, как вырос! Маржан так надеется на эту приметку!

Но тут опять начались схватки у Маржан, и Аимкан отвлеклась, а Торекул, воспользовавшись этим, просто сбежал.

– Молодец! Девочку родила, – сказала Аимкан, принимая ребёнка на руки. Где же Торекул? Быстренько позовите его!

– Ну, давай! Пожалуйста! Пусть у неё ребенок останется в живых! – уговаривала мать тринадцатилетнего сына. – Это примета такая!

Торекул не смог отказать уговорам матери и согласился. С трудом, боясь, он разрезал пуповину.

– Вот умница! Теперь, бог даст, девочка будет жить долго, а назовём её Токтобюбю³, чтобы оставил бог нам ее, перестал забирать детей у нашей «кыз»!

Токтобюбю родилась в 1916 году.

1 Есть такой обычай у кыргызов.

2 На базаре купленные – новые, но кто его знает чистые или нет.

3 По кыргызски «токто» – «стой», «остановись».

Но через некоторое время случилась беда: сам Адылбек и его шесть «волков» один за другим стали умирать от непонятной болезни. После того как провели сорокадневные поминки, всех вдов с детьми родственники перевезли в Талас. Теперь, по обычаю, на них должны были жениться родственники мужей, то есть мужчины из рода Кушчу. Когда Маржан повторно выходила замуж, ее дочери Токтобюю было всего полтора года. Девочка росла умной и любознательной. По характеру она напоминала Аимкан. Замечая это, Маржан говорила: недаром говорят, что ребёнок может унаследовать характер «киндик эне»¹.

Токтобюю подрастала. Маржан каждый раз, когда приезжала в Шекер к своим родителям, привозила ее с собой и обязательно заходила к своей любимой Аимкан-джене.

– Какая она у тебя!!! Просто загляденье! Красавицей растёт! – восхищалась Аимкан, глядя на Токтобюю. – Дай бог ей счастья, чтобы долго жила, как того просили мы при её рождении.

– Спасибо вам! Хорошо, что у меня есть дочь – свет в моём окошке. Вы же знаете, счастье женщины зависит не только от её способности рожать, но и от того, сколько у нее детей. А я почему-то не беременею от этого мужа. Он недоволен, что нет общих детей. Уже заявил, что будет брать вторую жену...

Токтобюю подросла и превратилась в красавицу. Все на неё заглядывались, женихи проходу не давали.

Это было в начале 1931-го года.

В один из дней Маржан приехала к своим родителям в Шекер, и как всегда зашла к Аимкан-джене. Девочка была с ней.

– Вот, привезла вашу подопечную, дайте ей своё благословение. Замуж выходит. Готовлю ей приданное, хочу просить вашу Аимкуль, чтобы сшила свадебный наряд. В Таласе она считается самой лучшей мастерицей по пошиву женских нарядов. По всей долине все модницы только о ней и говорят.

– Да, это у неё хорошо получается. Бог, видимо, ей дал такой дар. С детства любила шить, вышивать, кроить. И у неё действительно

¹ Повитухи, здесь «матери», принимавшей роды: «эне» – «мать», «киндик» – «пуповина».

хорошо получается. Конечно, для Токтобюбю она особенно постарается.

– Сложной была судьба у моей матери Токтобюбю: первый муж не вернулся с войны. По обычаю в жёны её взял родственник мужа, кстати, близкий родственник Борубаевых¹, – рассказывала Шаимкуль. – Асылкан Борубаев сыграл большую роль в моём образовании, становлении, как человека. Кто знает, какая была бы у меня судьба, если бы он не направлял, не помогал морально и материально. И я благодарна ему, – продолжала она.

На другой день Шаимкуль пригласила меня в гости к себе домой.

– Я вышла замуж за хорошего человека, у нас дети, внуки, вот – дом, хозяйство небольшое. В Таласе у меня есть два старших брата.

Мама часто приезжала и жила подолгу у меня в Оше. Но собственным очагом она считала дом в Таласе, где они прожили всю жизнь с отцом, сейчас там живёт ее младший сын.

Перед смертью она попросила отвезти её к сыновьям, в Талас. Вы же знаете обычай, не хотела она, чтобы тело её выносили из дома зятя. Я сама сопровождала её в поездке. Дорога длинная, о чем только не говорили мы с ней. Тяжело было говорить, но ей, видимо, хотелось успеть всё сказать:

– Ты знаешь, Шайымкуль, я не выполнила один долг, который поручала мне моя мать – Маржан. Она говорила, что в том, что ты благополучно родилась и живёшь на этом свете, есть большая заслуга Аимкан-джене и Торекула-таяке. Ты должна помнить об этом и не забывать этих людей. Если бы не их старания и искренние пожелания добра мне, я бы могла остаться вообще без детей. Какое счастье, что ты у меня есть!

– Судьба была такова, что я не смогла позже общаться с семьёй Айтматовых. Аимкан-джене была отличной женщиной, я всегда удивлялась, что в одном человеке может сочетаться столько разных качеств: доброта, искренность, умение поддержать человека в трудную минуту, бескорыстность. И хозяйкой она была отличной. Я благодарна судьбе, что

¹ Отец Алтая Асылкановича Борубаева, первого спикера кыргызского парламента Жогорку Кенеша, Асылкан Борубаев был очень известным, талантливым журналистом, а также внимательным, добрым человеком, небезразличным к судьбам молодежи.

встретила на своем жизненном пути такую женщину, которая многому меня научила, помогала в трудные времена, была мне опорой. Но жизнь обернулась так, что я не смогла отплатить свой долг в момент, когда эта семья оказалась в непростом положении. Дело в том, что я сама переживала тяжёлые времена... Если будет у тебя возможность, передай мои воспоминания об этой семье, и не забудь посвящать куран моей любимой Аимкан-джене.

Последнюю её просьбу я выполнила: каждый раз во время праздников Орозо-айт и Курман-айт я посвящала молитву памяти своей матери и её Аимкан-джене, но так получилось, что я не смогла выполнить другую её просьбу, – вспоминала Токтобюбю рассказ своей матери.

– Теперь я тебе поручаю: постарайся встретиться с кем-нибудь из детей Торекула-таяке и просто рассказать воспоминания моей матери. Я думаю, им будет приятно. Самое главное, чтобы добрые дела их предков не были забыты, чтобы они знали и помнили их. Говорят, что вода течет по старому руслу там, где ранее текла вода. Я думаю, что одна из причин того, что из одной семьи вышли такие люди, как Чингиз и Ильгиз, заключается в том, что их предки были достойными людьми. Это они проложили им русло для дальнейшего течения.

В своей автобиографии Т. Айтматов пишет, что он учился в русско-туземной школе и закончил ее в 1917 году. Это была 1-я ступень¹ школы, далее надо было переходить во вторую ступень². К этому времени Торекул уже привык к школе, освоился с окружающими, да и подросток. Теперь Айтмат не переживал за сына. В 1918 году он спокойно оставил его и уехал в Шекер. Но после приезда домой Айтмат начал часто болеть и, когда понял, что положение его непоправимо, вызвал Торекула. Это было в 1920 году. Тогда Торекул уже закончил «Единую трудовую школу» и поступил в реальное училище³. Но через девять месяцев ему пришлось оставить учебу в реальном училище и выехать домой в аил в связи с болезнью отца.

1 Школа I-ступени давала начальное образование.

2 Школа II-ступени – средняя общеобразовательная школа.

3 Реальное училище – учебное заведение, которое давало большой объем знаний по математике, физике, биологии.

Торекул увидел исхудавшего, ослабевшего от болезни отца. Он припал к его груди и крепко обнял. Вспомнилось, каким был отец, когда они уходили работать на строительство железной дороги. В те времена он был сильным, уверенным в себе мужчиной. Тогда отец и сын взяли за руки и пошли навстречу новой жизни. Любая работа горела в руках Айтмата. Он был заботливым и надежным отцом, на него всегда можно было положиться... И казалось, что он останется таким навсегда. А какие мечты и чаяния он связывал с будущим! Айтмат часто мечтал и делился с Торекулом своими мыслями о том, как они вырастут и какими успешными людьми станут. Торекул не мог представить свою жизнь без отца. Но теперь... Он видит его в тяжелом, безнадежном состоянии.

– Торекул, ты уже достиг юношеского возраста, тебе уже 17 лет! Жизнь складывается так, что теперь тебе придется взять ответственность за нашу семью. Твои две сестры Аимкуль и Карагыз вышли замуж, они члены других семей, но, несмотря на это, ты должен быть для них всегда опорой. А младших, Гуляим и Рыскулбека, надо еще поставить на ноги. Маме трудно будет одной. Как старший сын, ты должен стать ее помощником. Я уйду из мира сего, покидаю вас. Передаю тебе, мой старший сын, всю ответственность за семью. Берегите маму. Я верю в тебя, сынок.

– Отец! Что ты говоришь? Я привезу лекарства из города, ты вылечишься, – вздрогнул Торекул. Он помчался на коне к Айбаш-молдо.

– Я лечил твоего отца. Но у него болезнь запущена, уже не поможешь, – сказал молдо.

Перед смертью Айтмат сказал Торекулу:

– О моей кончине сообщи всем родственникам, даже тем, кто способствовал поджогу нашей мельницы¹. Бог им судья, а ты их прости. Это я к тому, чтобы в нашем роду были мир и согласие. Говорят, родственники объединяются во время беды или счастливых, хороших событий. В таких случаях могут помириться те, кто был в обиде друг на друга. Для большей убедительности он произнес свое четверостишие:

1 Ходили слухи, что кое-кто из рода «Шекер» был в сговоре с конкурентами, которые устроили пожар на мельнице Айтмата.

*Озон, озон, озон тал
Остурсо керек болбойбу,
Тууганындын жаманы
Олгондо керек болбойбу.*

*Долины полны разных деревьев.
Если растить их, то каждое дерево пригодится.
Род состоит из разных людей, хороших и не очень,
Но каждый из них пригодится хотя бы для того,
чтобы оплакать и бросить горсть земли на могилу.*

Айтмат умер в 1920 году. Аимкан осталась вдовой в относительно молодом возрасте – примерно в 40-42 года. Через год справили поминки по Айтмату, теперь по обычаю на ней может жениться кто-нибудь из рода Шекер. Родственники Айтмата начали предлагать ей руку и сердце. Особую настойчивость проявлял бий Тулеберди. У него уже было две жены. Но от них у него были по две дочери, сына не было. Втайне он про себя думал: вот родит мне Аимкан такого сына, как Торекул... да и Торекул станет моим сыном. Но Аимкан всем отказывала. Тогда Тулеберди-бий обратился к Айбаш-молдо и попросил содействия через Торекула.

При одной из встреч с Торекулом Айбаш-молдо сказал ему:

– Послушай, твоя мать осталась вдовой в молодом возрасте. Надо ее выдать замуж. По мусульманскому обычаю ты, как старший сын, должен три раза предложить ей выйти замуж. Но сказать это нужно при посторонних людях, так, чтобы они слышали...

– А за кого она выйдет замуж?- удивился Торекул.

– Ну, например, за Тулеберди-бия. Разве это не подходящая кандидатура?

Торекул все не мог найти удобного момента, да и стеснялся предлагать матери такое. Однажды утром во время завтрака к ним зашла соседка. Сидя за чаем, в присутствии этой женщины, Торекул обратился к матери:

– Мама, мы не будем против, если ты решишь выйти замуж, – сказал он и так застеснялся, что весь покраснел.

На следующий день ему представился еще один удобный случай, и он еще раз предложил матери выйти замуж. Аимкан сделала вид, будто бы не услышала. Но, когда Торекул произнес эти слова в третий раз, ее терпению пришел конец. Вечером, подоив коров и управившись со скотиной, она покормила детей и попросила Торекула поговорить с ней:

– Что случилось, сынок? Я тебе мешаю? Раз сказал, два сказал, причем при чужих людях, думаю, промолчу, сделаю вид, что не слышу. А ты не прекращаешь, – начала она.

– Если я лишняя в этой семье, скажи открыто. Я возьму младших детей и уеду к своим родственникам в Арчагул. У меня есть солидные, надежные братья, которые никогда не оставят свою сестру в беде, они в состоянии поддержать меня и морально и материально, – сказала она и заплакала.

– Мама, не плачь, пожалуйста! Это по мусульманскому обычаю я должен был тебе сказать три раза, – начал оправдываться Торекул.

– Никаких таких обычаев я придерживаться не буду! Кто может сравниться с твоим отцом? Скажи, кого из представителей рода Шекер можно поставить на один уровень с Айтматом? Нет такого человека больше на земле, – Аимкан продолжала плакать.

Чтобы выйти из этого положения, она быстро встала и начала собирать вещи, связывать узелки. Увидев это, Торекул испугался, оседлал коня и помчался к Айбаш-молдо:

– Молдоке, чему вы меня научили? Мама теперь хочет уехать из дома, если я буду настаивать, чтобы она вышла замуж.

– А ты объяснил, что это выполнение мусульманского долга?

– Да! Но она не желает ничего слушать. Обидел я ее. Помогите теперь ее удержать дома, остановить.

Когда Торекул и молдо приехали, Аимкан уже успела собрать все вещи, которые она хотела увезти с собой, и убрать в доме.

– Здравствуете, Аимкан-джене! Это я виноват во всем, это я Торекулу сказал, чтобы он выполнил свой мусульманский долг.

– Молдоке, вместе с Торекулом у меня трое детей еще не обустроены.

– Ну, вот мы и говорим, чтобы вы вышли замуж за Тулеберди-аке. Он и богат, и при власти. Как сыр в масле будете кататься.

– Дело не в богатстве и не в обладании властью. Мы с Айтматом не были богаты, и во власти он не был, но мы прожили прекрасную жизнь. Мы уважали друг друга, мы чувствовали ответственность за семью, за детей. Мы были друг для друга созданы. Как я могу его забыть? Если я выйду замуж, что скажет его дух? Как я могу предать память о нем? Это, во-первых, – сквозь слезы говорила Аимкан, – во-вторых, у Тулеберди две жены есть, а я что – третьей женой должна идти?! Нет, нет! Вы знаете, что такое быть кундеш¹, одной из жен? Откуда вам знать? Вам кажется это какой-то игрой, спектаклем. Мужчины никогда не были в таком положении и не могут осознать, что это значит. А это значит постоянно следить друг за другом, ревновать, ненавидеть, всегда ждать какого-либо подвоха, жить в атмосфере соперничества, ненависти и подозрительности. Недаром говорят «даже кучки золы в очагах кундеш (соперниц) враждуют между собой». При всем при этом ты должна делать вид, что ничего особого не происходит. Это же мучение! Нет! Я не хочу жить в таком унижении и чувствовать такие страдания. А в каком положении будут дети третьей жены? Я не хочу, чтобы моих детей унижали и называли детьми «токол»², не хочу, чтобы они были зависимыми от кого бы то ни было.

– Ну, в таком случае извините, Аимкан-джене, и прошу Вас, не расстраивайте Торекула. У вас такой хороший сын, он так любит Вас. Вообще-то, вопрос о замужестве решают аксакалы рода, но если не хотите замуж, пусть будет по-вашему, – успокоив Аимкан, Айбаш отправился к себе.

– Мамочка, извини меня, пожалуйста. Я тебя очень люблю, – Торекул обнял маму.

– Ты старший сын в семье. Мы с тобой ответственны за будущее младших членов нашей семьи, тебе же отец поручал...

Так помирились Аимкан и Торекул. Всю ночь напролет разговаривали, вспоминали отца и обсуждали планы семьи на будущее.

1 Жен одного мужа по отношению друг к другу называют «кундеш».

2 При наличии других жен, первую жену называют «байбиче». Это почтительное обращение к женщине. Токол – младшая жена при живой старшей, ее статус ниже. Дети младших жен пользовались меньшими правами, чем дети старшей.

АИМКУЛЬ-АПА

У моего деда Айтмата было три дочери: Аимкуль, Карагыз и Гуляим. Старшая Аимкуль была вся в отца, такая же замечательная мастерица и рукодельница. Когда Айтмат занимался портняжным делом, дочь всегда крутилась рядом, помогала, что-то придумывала и даже давала ему дельные советы.

Однажды, когда Аимкуль уже подросла и умела шить, Айтмат уехал из дому по хозяйственным делам на несколько дней. В это время к Кимбильдиевым приехал очень уважаемый в Таласской долине бай со всем своим семейством. Бай обратился к супруге Айтмата Аимкан:

– Дочь замуж выдаю. Вот, привез разные виды тканей. Надо сшить свадебный наряд дочери и новую одежду жене и младшей дочери, а также кийит¹ для сватов.

Аимкан растерялась, не знала, как отказать просьбе:

– Айтмат уехал и не скоро вернется. А когда вернется – то не успеет выполнить столько заказов. Найдите лучше другого мастера, а то мы подведем.

Но заказчики были упрямы, говорили, что не пойдут к другому портному, так как Айтмат – лучший во всей Таласской долине:

Тогда Аимкуль на свой страх и риск приняла заказ. Когда приехал Айтмат, некоторые вещи уже были готовы. Аимкан беспокоилась:

– Зачем ты за это взялась? Ой, если испортила!

Айтмат просмотрел работу Аимкуль и остался очень доволен:

– Молодец! Так хорошо все сшила! Ну что, пришло время передать тебе всё портняжное дело вместе с «Зингером»...

Аимкуль подросла и, заменив отца, стала мастерицей по пошиву одежды, слава о которой распространилась по всей Таласской долине. Тогда готовых вещей не продавали, и портные были в цене. Аимкуль шила все - не только кыргызские, но и европейские образцы. Рассказывали о том, что когда Торекул однажды летом приехал из Москвы,

1 Строна невесты готовит подарки – платья, нарядные халаты, платки и т. д. – для родителей и близких родственников жениха. Строна жениха также готовит ответные подарки для родственников невесты.

где он учился, домой в модном комиссарском костюме, то она сразу по его подобию сшила двоюродному брату Алымкулу точно такой же костюм. По воспоминаниям тети Гуляим, природа не поскупилась и щедро одарила старшую сестру Аимкуль красотой, стройной фигурой, белой, нежной кожей. Старшая сестра всегда одевалась изысканно, со вкусом. А походка у нее была грациозной, она не просто шла, она несла себя – не торопясь, с достоинством, гордо, и говорила не торопясь. Аимкуль и ее близкую подругу, похожую на нее характером, прозвали «Керил-созул», что означает степенная, грациозная, полная достоинства.

Разумеется, такая девушка – красивая, умная, прекрасная мастерица, считалась завидной невестой. Многие джигиты хотели на ней жениться. Но Аимкуль до девятнадцати лет выбирала себе жениха, пока, наконец, не нашла достойного. Она вышла замуж по любви за Момбека и родила дочь Уулкан и двух сыновей, Байызбека и Куручбека.

1937 год для Аимкуль был тяжелым. В тот год ее брат Торекул был исключен из партии и затем арестован. До Шекера доходили слухи о том, что Торекула забрали прямо с занятий из аудитории, что он был в легкой одежде. А теперь в тюрьме он мерзнет.

По-видимому, Нагима ездила во Фрунзе просить свидания с мужем, однако ей не разрешили. Как все это происходило, я не знаю, но запомнила из маминих рассказов только один момент:

– Ведь по закону я имею право на свидание с мужем. Раз не разрешаете, значит его уже нет в живых, значит, вы его уже убили и скрываете! – говорила Нагима какому-то административному лицу тюрьмы, пытаясь узнать хоть какую-то правду.

– Хорошо, мы вам докажем, что он жив. Дайте лист бумаги...

Через некоторое время маме вынесли листок, на котором была подпись Т. Айтматова:

– Вы узнаете подпись своего мужа?...

Так мама вернулась в Шекер, не добившись свидания.

Аимкуль не смогла смириться с этим и решила сама попытать счастья – добиться свидания с братом. Она сшила Торекулу тебетей¹, тон

¹ Зимний мужской головной убор.

(шубу), на базаре села Грозный (сейчас Аманбаево) купила сапоги, приготовила передачу. Теперь осталось только доставить все подарки во Фрунзе и вручить Торекулу. Аимкуль с младшим братом Рыскулбеком выехали поездом во Фрунзе. Но им тоже не повезло – Аимкуль обращалась в разные инстанции, пытаясь устроить встречу с братом, но никто не помог.

Так ничего не добившись, они вынуждены были сесть на поезд и поехать обратно, в сторону Маймака. Расстроенная Аимкуль забилась в уголке и сказала Рыскулбеку:

– Меня что-то знобит. Накрой, пожалуйста, той шубой, которую я сшила для Торекула.

Так и просидела всю дорогу, не шелохнувшись.

Вскоре после этого арестовали и Рыскулбека. У Аимкуль совсем пропал интерес к жизни, и в 1939 году она умерла.

«Я получил Ваше письмо, из которого узнал о смерти Аимкуль. Это известие меня повергло в шок...» – писал Алымкул-ата в письме адресованном Досалы¹. – *«Против смерти нет никакого средства, единственное, что могу теперь – это просить бога, чтобы он был милостив к ее детям, оставшимся сиротами...»*

В сорок первом пришла повестка Момбеку-жезде, он ушел воевать и не вернулся с фронта. Так трое детей тети Аимкуль и дяди Момбека остались круглыми сиротами.

Аимкуль не стало, когда ей было около сорока. Но о ней до сих пор среди людей осталась добрая память – как о рассудительной женщине и мастере своего дела. Для меня она навсегда любящая преданная сестра моего отца.

¹ Досалы – муж моей тети Карагыз.

КАРАГЫЗ-АПА И ДОСАЛЫ-ЖЕЗДЕ

Карагыз родилась смуглой, черноглазой девочкой. На теле у неё было родимое пятно, словно зернышко граната¹ и поэтому ее называли Анаркуль. Через некоторое время, когда мать и младенец оправились, дом Айтмата посетил его старший брат – Биримкул. Заходя во двор, он громко поздравил своего младшего брата с *«прибылью в сорок лошадей»*². Это означало пожелание большого калыма, когда девочка подрастет и выйдет замуж, – в количестве сорока лошадей. Биримкул попросил показать девочку. Аимкуль, старшая сестра новорожденной, аккуратно взяла перепеленутую девочку на руки и принесла ее показать дяде. Он по обычаю заплатил щедрый корундук (деньги за смотрины, в данном случае новорожденной), отсыпав в ладонь Аимкуль целую горсть монет, и ещё пообещал осенью подарить тёлочку. Взяв на руки ребёнка, он ласково и внимательно посмотрел на него и произнес:

– Так она же смугленькая девочка – карагыз (смуглянка)!

Так ее и стали все называть – Карагыз, а настоящее её имя Анаркуль было забыто. Девочка росла, не создавая проблем: здоровенькая, крепкая, смышленная.

Это было в 1917 году. Семья уже жила в Шекере, а сам Айтмат продолжал работать в школе в Олуя-Ата и обучать Торекула. Карагыз в это время исполнилось 13 лет. Девочка росла красивой. Длинные иссиня-черные, отливающие блеском волосы заплетали в шестнадцать косичек.



*Карагыз Айтматова,
сестра Торекула
с. Шекер, 1964 г.*

1 Гранат – по кыргызски «анар».

2 Когда рождается девочка, то не говорят напрямую о её рождении, а произносят в иносказательной форме: «кырк жылкы» (сорок лошадей).

Густые черные брови и такие же ресницы. Искристые глаза. Кожа – цвета зрелой пшеницы...

В те времена девочек рано выдавали замуж. Считалось, что если от удара мужской меховой шапки девочка не упадет, то значит выдержит замужество. Но Айтмат был человеком широкой натуры и особенно не придерживался обычаев, старшей дочери Аимкуль он разрешил до 19 лет быть в родительском доме и выйти замуж по любви. О замужестве Карагыз Айтмат вообще пока не думал и ничего не предполагал.

1917 год выдался тяжёлым. Весной начался джут¹. Многие семьи стали голодать. Семья Кимбильдиевых выходила из положения благодаря тому, что Айтмат зарабатывал своей работой в качестве учителя, покупал продукты питания на базаре в Олуя-Ата и привозил их в Шекер.

В соседнем селе Коксай жил богатый человек по имени Минбай. Было ему в ту пору лет 45-50 и, соответственно возрасту, он носил бороду и усы². Был женат, но детей не было. Увидев красавицу Карагыз, Минбай потерял покой. Он знал, что Айтмат не отдаст дочь в столь юном возрасте, и решил действовать через Биримкула. Ему было известно, что в семье Кимбильдиевых последнее слово оставалось за старшим братом. Минбай послал уважаемых аксакалов своего рода с официальным визитом к Биримкулу, чтобы обговорить сватовство к Карагыз. Вначале Биримкул возмутился предложением визитёров:

– Как Вы можете говорить о замужестве Карагыз?! Во-первых, она ещё совсем юная, а во-вторых, как у вас поворачивается язык такую умницу и красавицу сватать во вторые жёны? Нет, об этом даже речи не может быть.

– Но аксакал, наш жених тоже достойный человек, самый богатый в этой округе, и не такой уж он старый. А дочь свою вы все равно отдадите замуж. Как говорится, *«пшенице предназначена мельница, девушке – муж»*. И потом, подумайте о положении Вашего рода: некоторые уже начали умирать от голода, а мы вам предлагаем большой калым.

1 Джут – массовый падеж скота от бескормицы

2 В те времена в 40-50 лет мужчин уже считали аксакалами, они носили бороды и усы.

Калым, который предлагали заплатить за Карагыз, удовлетворял Биримкула: это было спасение для всех семей происходящих от одного отца – Кончужока. Поторговались... и согласились. Надо было вернуть это замужество быстро, до очередного приезда Айтмата. Гуляим-апа рассказывала мне, как это происходило.

– У нас было три козы, молоком которых кормили детей. Моя обязанность заключалась в том, чтобы пасти этих коз и одновременно собирать тезек¹ в мешок.

В этот день, как обычно, я пасла коз, насобирала полный мешок тезека и только к вечеру пришла домой и вдруг увидела много людей в нашем дворе. Все были оживлены и веселы. Подойдя близко к дому, я увидела большое количество скота, лошадей, коров, овец, и почувствовала запах жареных боорсоков. В нескольких больших казанах варилось мясо. Странно, что происходит? Может быть, отец приехал и столько заработал, что всё это купил? Как здорово! Но тут я услышала голос одной из молодых:

– Ай, кичине кыз², что у тебя за вид растерянный? Ты что, ничего не знаешь? Мы твою сестру Карагыз продали замуж. Заходи в дом, там сидит твой жезде³ с дружками, иди за уши его потяни!⁴

Я второпях зашла в комнату и увидела старых мужчин, которых очень старательно потчевали чаем снохи. Увидев меня, одна из них обрадованно произнесла:

– Вот, дорогой зять, пришла твоя родная балдыз⁵.

Затем она обратилась ко мне:

– Кичине кыз, познакомься, это твой жезде. Садись поближе к нему и потяни его за уши.

Жених был здоровый, толстый, с густой бородой и усами. А дружки были ещё старше.

1 Высохшие коровьи лепешки.

2 Мальшка.

3 Муж старшей сестры.

4 По обычаю младшие сёстры невесты тянут жениха за уши, а он дарит заранее заготовленные подарки и таким образом освобождается от своячениц.

5 Свояченица.

– Так он же старый! – ужаснулась я, присаживаясь около Минбая. Минбай меня сильно ущипнул.

– Вы что щипаетесь? – вскрикнула я и встала, чтобы выйти из комнаты.

Снохи были страшно сконфужены моим поведением. Одна из них вышла со мной вместе и сказала:

– Разве можно девочкам себя так вести? Почему ты сказала, что он старый? И зачем нужно было вскрикивать, что он ущипнул тебя? Могла бы промолчать... Они так щедро одарили нас, я хотела, чтобы тебе тоже он сделал подарок.

– Не нужен мне от него подарок! – фыркнула я и пошла в юрту, которую готовили в качестве приданого (сеп – по кыргызски) для Карагыз.

Был устроен праздник, посвящённый проводам Карагыз: обильные угощения, песни, игры для молодёжи, айтыши, качели – алтыбакан. Поздно вечером, после обильного угощения, аксакалы дали свое благословение и высказали свои добрые пожелания молодожёнам, потом люди стали расходиться по домам. Остались лишь женщины, которые должны были проверить сеп и упаковать его до утра, так как завтра до обеда увезут невесту, а вместе с ней и приданое. Кроме того, первую брачную ночь решили провести сегодня же, в доме невесты. Торопились, чтобы всё проверить до приезда Айтмата. Надо было готовить невесту. Я, видимо, очень сильно устала, а потом я видела и чувствовала, как переживали мама и Карагыз (мне было не до веселья) и, не дождавшись, когда разойдутся люди, уснула. Обычно мы с мамой и Карагыз ложились спать вместе. Сегодня мы спали с мамой вдвоём. В какой-то момент я проснулась оттого, что Карагыз расталкивала и пыталась лечь между нами. Вся в слезах, дрожащая она обняла маму и стала её умолять:

– Mamочка, я не хочу замуж, я боюсь его! Помоги, спаси меня! Я хочу рядом с тобой спать. Я не хочу с ним спать. Мне страшно!

Мама не могла утешить её, не могла защитить свою дочь, потому что аксакалы так решили. Никто не спрашивал у матери, согласна ли она отдать свою тринадцатилетнюю дочь за человека, который ей годится в отцы, и которого она видит впервые.

– Такова судьба женщины, она должна выходить замуж, доченька.

Они, обнявшись, горько плакали от безысходности. Оказывается, снохи¹ насильно поволокли плачущую Карагыз в юрту, где была постелена брачная постель, и Минбай уже ожидал её. Насильно уложив в постель девочку, женщины решили, что выполнили свой долг:

– Дальше уже дело жениха, как овладеть своей невестой, – сказали они.

В благодарность Минбай дал им хороший женкетай² – подарок за посредничество. Молодухи довольные ушли отдыхать. Но Карагыз каким-то образом смогла вывернуться, вырвалась и убежала. Минбай долго лежал в ожидании, что невесту приведут к нему обратно. Но невеста не возвращалась.

– Это же позор, если я сегодня не смогу овладеть ею, подумают, что я немощен. Что же мне делать? – думал Минбай. Вышел из юрты и, видимо, услышал, как плакали дочь и мать. Он пошёл к юрте, где отдыхали снохи, и крикнул:

– Ай, дженелер, невесту мать к себе в постель забрала. Ну-ка приведите мне её обратно! Как женкетай братъ, вы мастера, а девочку мне в постель уложить не можете!..

Тут как прибежали снохи, как начали тащить ее, а Карагыз с мамой обнялись и не отпускают друг друга.

– Она ещё маленькая, боится его. Пожалуйста, оставьте, не трогайте! – умоляла мама.

– Она что, бредит? Где это видано, чтобы после того, как аксакалы благословили, не отдавать невесту? – кричала самая боевая сноха.

Одна из них побежала за Аккагаз – старшей женой Биримкула, подняла ее с постели, так как в данной ситуации ее слово могло быть решающим.

Аккагаз долго уговаривала Аимкан, она пыталась убедить, что другого выхода нет.

– Ты же сама понимаешь! Завтра на ней никто не женится. Она будет опозорена, подумай о будущем своей дочери.

1 Молодые женщины рода Шекер.

2 Плата снохам за посредничество между женихом и невестой.

Наконец, с криками выволокли девочку и потащили к юрте молодоженов. Она потеряла сознание. Воспользовавшись этим, ее уложили в постель жениху... Утром бледной, опухшей от слез Карагыз расплели её шестнадцать косичек и заплели теперь две, на голову надели элечек. Это означало, что она стала женщиной. Уже подготовили для погрузки приданное... Пришли близкие родственницы попрощаться с Карагыз. По обычаю при прощании с девушкой, которую выдают замуж, женщины причитают, как бы прощаются навсегда, как с умершим человеком. Теперь она принадлежит другой семье. Прощались с причитанием бабушки, снохи, старшая сестра Аимкуль и, конечно же, мама – Аимкан.

В этот день она хотела хотя бы в иносказательной форме, в плаче высказать своё несогласие и протест против обычая, когда женщин и девочек насильно выдают замуж ради того, чтобы получить за них калым.

*Кырды бир кырдай жугургон кыргыек – короз куш бекен,
Кызыгып малга саткыдай баланын жаты – кыз бекен,
Керини кери жугургон кекилик – короз куш бекен,
Келтирип малга саткыдай баланын жаты – кыз бекен*

*По гребню гор бегают и резвятся ястребки.
Из них только ли ястребок (он) – птица?
Из наших детей только ли мальчики нам родные?
Почему мы, соблазняясь богатством, которое платят за девочек,
Поступаем с ними как с чужими?
На склонах гор обитают куропатки.
Из них только ли самец – птица?
А из наших собственных детей только мальчики родные?
Почему мы стараемся продать девочек, причем невыгоднее?
Они что, нам чужие?*

Далее в своем причитании она сетовала на то, что женщина рождает и растит девочку, но ее судьбу решают аксакалы – старейшины рода. А мать не может участвовать в решении судьбы своей дочери... И все-

таки, смирившись с реальностью, далее она стала давать советы о том, как себя вести дома в новой семье, как быть выдержанной и стойкой.

*Түндүккө чыга от күйсө,
чыгарбай түтүн өчүргүн,
Үйүңдөн жаман сөз уксаң
Кайгырбай туруп кечиргин*

*Жабыкка чыга от күйсө
Чыгарбай жалын өчүргүн,
Жатыңдан жаман кеп уксаң
Жабыркабай кечиргин*

*Если пламя разгоревшегося огня
Вырывается вверх через тундук¹,
То затуши его так,
Чтобы даже дым не вышел наружу.
Если ты услышишь у себя дома обидные слова,
Не переживая, сумей простить их.*

*Если пламя разгоревшегося огня вырывается выше жабыка²
Ты его быстро потуши, так, чтобы пламя не вышло наружу.
Если, кто-то из окружения новой семьи обидит тебя,
Не страдая, сумей простить его.*

Содержание пританий Аимкан тут же передали Биримкулу.

Карагыз увезли в Коксай. Айтмат и Торекул ничего не знали об этом. В воскресенье Айтмат приехал верхом на лошади на базар, чтобы купить кое-что необходимое и через кого-нибудь из знакомых передать домой. Но тут подошел к нему один родственник и стал поздравлять его с новым зятем:

– Ассалом алейкум, Айтмат-аке! Мы Карагыз продали, выдали замуж за очень богатого человека, – тараторил он.

1 Тундук – верхний деревянный круг остова юрты, держащийся на верхних концах ууков (жердь купола юрты)

2 Жабык – линия соединения кереге (деревянная решетка цилиндрической части юрты) с ууком по всему кругу юрты.

Айтмат был шокирован, что-что, а этого он не ожидал. Расстроенный, он решил сам поехать и узнать точно, что произошло. Он гнал свою лошадку во всю прыть, и за восемь часов примчался из Олуя-Аты в Шекер. Увидев жену, он даже не поздоровался с ней как следует и набросился с возмущением:

– Аимкан, как ты могла позариться на богатство, как ты могла?... Она же ещё ребёнок, – к его горлу подкатил комок, дальше он не смог говорить и зарыдал.

– Это не я. Это твой старший брат. У меня никто не спросил моего мнения, – горько плакала Аимкан.

О том, что приехал Айтмат и учинил скандал по поводу выдачи замуж его дочери, передали Биримкулу соседи. Биримкул пришёл домой к младшему брату, чтобы объясниться. По обычаю такие важные вопросы должен решать старший брат – это был его козырь. Но в то же время он чувствовал, что перегнул палку, ему самому было жалко девочку, но чтобы не расстраивать Айтмата он начал нападать на него:

– Что? Я тебе не старший брат? Что? Значит, если дочь твоя, то я не имею права решать? Вон и жена твоя в своих причитаниях задевала мой авторитет как аксакала. Но и мне это решение не далось легко. Карагыз мне тоже родная! Это был самый восхитительный ребенок в нашей семье. Но я должен думать обо всех наших близких родственниках, – кричал он.

– Но она же маленькая ещё, – заплакал Айтмат.

– Ты что хнычешь, как баба? – Биримкул подошёл и дал ему пощёчину.

– Что? Другие не выдают дочерей замуж? Чем она лучше других? – долго возмущался Биримкул.

Айтмату было обидно, что родной брат не понимает его. Долго и безутешно он плакал. В конце концов, смирился... и даже попросил прощения у старшего брата...

Узнав от Аимкан о том, как реагировала Карагыз на своё замужество, Айтмат хотел сам поехать проведать её.

– Ты что, где это видано, чтобы отец ездил сам? Потерпи, тебя официально пригласят. Сколько разговора о том, что ты плакал, ещё будет... Лучше отправь Торекула, пусть он съездит, проведает, – уговаривала Аимкан.

Так и решили – послать Торекула.

Карагыз долго не могла смириться со своим положением и по-своему сопротивлялась и проявляла протест: ни с кем не разговаривала, не выходила из своей юрты, ничего по дому не делала. По обычаям второй жене следовало бы с первого дня показать своё трудолюбие и демонстрировать согласие на подчинённое положение. Но Карагыз не была согласна.

Минбай обрадовался тому, что приехал Торекул.

– Поговори со своей сестрой, может быть, настроение улучшится у неё, – умолял Минбай.

Торекулу она сказала:

– Я всё равно жить с этим стариком не буду и, если вы не заберёте меня, то наложу руки на себя, утоплюсь в Куркуреу.

Пятнадцатилетний Торекул не знал, как утешить свою сестру, но одно он знал точно: нельзя её сейчас забирать домой. Это отразится на её будущем, после развода в следующий раз на ней женится только очень старый мужчина, причём бедный, который не может заплатить калым. Да и Минбаю надо возвращать то, что он заплатил. Торекул привёз с собой книжки – сказки Пушкина и стал читать и пересказывать на кыргызском языке. Особенно Карагыз понравилась сказка о рыбаке и рыбке. Она внимательно слушала и переспрашивала непонятные места и смеялась над поступками старухи. Настроение Карагыз улучшилось, она заметно повеселела... Торекул объяснил, что сейчас ее забрать не может, но вскоре жизнь изменится и будет запрещено многоженство. Вот тогда он заберет ее. А сейчас придется смириться с положением...

Минбай в благодарность за то, что поднял настроение своей сестре, подарил Торекулу хорошего коня. Постепенно Карагыз смирилась и прожила с Минбаем около десяти лет. Но и она не родила ему детей...

Изменились времена, канул в лету царский режим. Советская власть боролась против многожёнства и поддерживала права женщин. Карагыз ушла от нелюбимого мужа и вернулась в родительский дом. Потом она вышла замуж по любви за охотника Досалы. Эту историю я слышала много раз не только от тетушки Гуляим, но и от самой тети Карагыз...

Второй муж Карагыз - Досалы-жезде,¹ лишившись одного глаза, вернулся с фронта домой в 1942 или 1943 году. Мне, семилетней девочке, этот 50-55 летний мужчина с усами и бородой казался старым-престарым.

Карагыз-апа рассказывала мне свою историю, как сказку, и в очередной раз после окончания ее повествования, я спросила:

– Ну и зачем же ты ушла от одного старика и снова вышла за такого же старого, да ещё безглазого?

Карагыз-апа засмеялась и сказала:

– Когда я выходила за Досалы замуж, он был молодой и красивый. Мы любили друг друга. Смотри, какой он высокий, статный, стройный, усы закручены... Он и сейчас красивый, зря ты так думаешь, я ведь тоже уже не девочка, мне сорок лет. А то, что глаза нет, это война, – тяжело вздохнула она.

В 1988 году в селе Шекер отмечали 60-летие Чингиза Торекуловича. Выступая перед сельчанами, он вспомнил о Досалы-жезде², муже нашей тети Карагыз:

– Нам повезло – Досалы-жезде был прекрасным человеком. Он был нашей надежной опорой, «и отцом, и братом»³ в нашем тяжелом детстве. Были бы все жезде такими!

Я помню себя примерно с пяти лет. В 1941 году началась война. Мы жили в районном центре в селе Кировка⁴. Как-то, поближе к лету, жезде приехал в Кировку, по-видимому, сдавать свой отчет в Союз охотников. Конечно же, он заехал к нам и за чаем затеял разговор:

– Карагыз просила привезти Оросо, – сказал Досалы-жезде. – Побудет у нас лето, молока попьет, на жайлоо побегаает!

Мы выехали в сторону Шекера, Досалы-жезде усадил меня впереди себя. Когда доехали до речки Карасуу, лошадь остановилась и начала

1 Охотник Досалы, второй муж тети Карагыз.

2 Зять по отношению к родственникам жены, если они младше нее

3 «Ата да, ага да» – дословно «и отец и брат».

4 Сейчас – Кызыл-Адыр.

пить воду. Мне было интересно увидеть, как она пьёт, и я начала вертеться, наклоняться вниз, посмотреть, как же лошадь пьёт. Конечно же, я сползла с седла и упала в речку, что сильно напугало меня. Жезде, не слезая с коня, наклонился и, достав меня из воды, так и повез в мокрой одежде дальше. Карагыз-апа так беспокоилась, чтобы я не заболела. Но все обошлось.

У них было небольшое хозяйство – корова, овцы и козы, которых каждый день доила Карагыз-апа. Получался полный казан

молока. Вкусное горячее молоко тетя наливала в деревянную чашку (хохлома) и протягивала мне:

– Оросо, мёлёкё ич!¹ – так она произносила по-русски слово *молоко*, ломала лепешку на мелкие ломтики, опускала их в горячее молоко и из ложечки кормила меня. С тех пор так и осталось – по сей день я люблю горячее молоко с ломтиками лепешки. Это так вкусно!

Позже, в 1942-1949 годах мы жили в селе Жийде Покровского района² (в годы войны Чингиз жил у Карагыз-апы, так как он работал в Шекере). Досалы-жезде и Карагыз-апа часто проводывали нас, а летние каникулы я и моя старшая сестра Люся обязательно проводили у них дома.

– Охота для Досалы-жезде была профессией, – вспоминала как-то Люся, – и он был страстно предан своей работе. Я его всегда представ-



*Карагыз и Досалы с семьей
с. Шекер, 1954 г.*

1 «Ич» – «пей», а слово «молоко» тетя говорила по-русски.

2 Ныне – это Манасский район.

ляю выезжающим на охоту – в седле, с охотничьим ружьем наперевес, в сопровождении тайганов¹. А возвращаясь с охоты, он еще издали начинал выкрикивать наши имена «Карагыз! Жапарбек! Улюсия! Оросо!» Все выбегали и радостно встречали его. Под наши восторженные взгляды он спрыгивал с коня и начинал показывать свою добычу. Это были лисы, зайцы, суслики, волки...

Однажды дядя Досалы, возвращаясь с охоты, еще издали начал выкрикивать мое имя:

– Оросо, Оросо! Слышишь! Я тебе маленького элика² привез! – с радостью кричал он.

Нам он рассказал, что случайно наткнулся на олененка стоящего одиноко. Он был испуган и весь дрожал. По-видимому, его мать была съедена волками. Жезде слез с коня, взял беспомощного элика и положил его в куржун³.

Это было такое счастье! Нет слов, чтобы описать мою радость. В том году в сельском клубе крутили знаменитый трофейный фильм «Бэмби»⁴ и я, конечно же, так и назвала олененка. Я носила его на руках, словно маленького ребенка. Мне разрешили держать его в доме и даже соорудить для него домик в комнате за печкой. На заднюю стенку домика я повесила кукольный туш кийиз⁵. Все, что было красивого у моих кукол, перешло к Бэмби. Из зеленых веток соорудила стенки, огораживающие его жилище. В день по несколько раз меняла подстилку из зеленой травы. Конечно, Бэмби мало ценил мои старания, но все же постепенно ко мне привык. Он пил молочко, из моих рук ел нежную травку. Но закончились каникулы, и мне надо было расстаться с Бэмби. Я очень настаивала на том, чтобы забрать Бэмби с собой. Но не получилось.

Вернувшись, домой в Покровку, я без устали с упоением рассказывала маме и Люсе о том, какие у Бэмби красивые глаза и ресницы, какой

1 Тайган – охотничья собака.

2 Элик – косуля.

3 Переметная сума.

4 «Бэмби» – поэтический сказ об олененке. Это – полнометражный мультипликационный фильм Уолта Диснея снят в 1942 году.

5 Туш кийиз – орнаментированный бархатный настенный ковер, подбитый войлоком. Туш кийиз моих кукол был обычный лоскуток яркой ткани.

он умный и быстрый, я показывала, как он бежит и прыгает. И они меня слушали с восторгом.

Я с нетерпением ждала следующих школьных каникул. Однако, когда приехала к дяде с тетей через год, Бэмби уже не было. Мне сказали, что он вышел в огород, заблудился в кукурузном поле и пропал. Я сильно расстроилась и даже всплакнула. Много лет спустя, родные признались, что подарили косулю заезжему ревизору: – уж очень просил председатель колхоза.

Бэмби был одним из самых ярких моментов моего детства, счастливых и незабываемых.

Позже, когда я стала мамой, а потом и бабушкой, когда не хватало сказок, которые я без усталости рассказывала детям и внукам, легенда об элике Бэмби стала для них самой любимой.

Многое из того, что происходило с дядей Досалы, также легло в основу моего «сказительного творчества». Одна из таких сказок «*Охотник Досалы*» была опубликована в газете «Кыргыз туусу».

ДОСАЛЫ-МЕРГЕН¹ (сказка)

Давным-давно на заре советской власти в Таласе жил один очень известный меткий охотник. Звали его Досалы. В те времена охотников уважали и ценили. Ведь в годы лихолетья – во время голода, войн, бедствий – только они могли спасти от голодной смерти жителей целых айлов.

Знаменитый охотник женился на красавице по имени Карагыз. Она была не только умная, но и добрая и рассудительная. У них был сын Жапарбек. Жили они, поживали и горя не знали. Но началась Великая Отечественная война. Всех мужчин, кто только мог держать оружие в руках, забрали на войну. В айле остались одни женщины, немощные старики и дети.

¹ Мерген – охотник.



*Досалы-мерген
с. Шекер*

Досалы тогда был молод, физически крепок. Разумеется, джигит, умеющий обращаться с оружием, ушел на фронт одним из первых. Отважный, смелый и ловкий, он сражался с врагами на передовой. Но вскоре он получил ранение в глаз. После лечения в госпитале его комиссовали из армии и отправили домой. Прощаясь, врач спросил:

– Досалы! Почему ты такой грустный? Радуйся, что в живых остался!

– Это, конечно, хорошо, что остался в живых, но я теперь с одним глазом не смогу быть охотником. А без охоты я жить не могу. Поэтому у меня плохое настроения.

– Ничего, выберешь себе другую, подходящую профессию, научишься чему-нибудь и будешь счастливым, - подбадривал его доктор.

Вернулся Досалы в аил, а там тяжелое положение: у людей нет зерна, начался мор, скот почти весь пал. Люди, в особенности дети, умирают от холода, голода и болезней. Что же делать? Как помочь сельчанам в такой ситуации?

– Эх, если бы я был как прежде, здоров! А может, рискну? – раздумывает Досалы, советуясь с Карагыз.

– Ты теперь не поднимайся на великие горы. А попробуй поохотиться на ближних невысоких горах. Там тоже есть архары, кулжа¹, кийики². Их

1 Кулжа – взрослый горный баран-самец. – Киргизско-русский словарь К. Юдахина. – Москва (СЭ). – 1965.

2 Кийик – раздельнокопытные дикие животные, кроме свиньи. – Там же.

мясо лечебное и полезное. Сколько человек можно спасти! Досалы начал ездить в горы на охоту. Всю зиму он помогал сельчанам – привозил дичь, что помогло вылечить многих больных, а голодных спасти от смерти.

Война закончилась, мы победили. Жизнь стала налаживаться. В один из дней Досалы обратился к Карагыз за советом:

– Наш сын уже большой, скоро станет джигитом. Пока могу, хочу научить его охотничьим навыкам. Со зрением становится все хуже. Завтра мы с ним поедem в горы.

– Прекрасно, друга его тоже возьмите с собой. Это же хорошо, когда своей профессии учишь молодежь, – ответила жена.

Карагыз приготовила и сложила в куржун кулазык¹ и рано утром провела мужа с юнцами на охоту. Они сели на коней и в сопровождении тайганов поехали в сторону реки Кууганды. После обеда ко времени бешима² охотники добрались до скалы Кызылбель, которая расположена у истоков Кууганды. У подножия Кызылбель была пещера, в которой не раз, даже зимой, ночевал Досалы. Туда и привел он своих спутников.

– А мы поместимся втроем в этой пещере? – удивленно спросили ребята.

– Даже впятером можно спокойно поместиться. Это снаружи она кажется маленькой, а зайдешь внутрь – очень даже вместительная.

Юноши стреножили коней и пошли собирать сухие арчевые дрова. Развели костер. Досалы всегда брал на охоту свой солдатский котелок, который привез с войны. В этом котелке вскипятили воду. Потом достали жупка³, наломали и бросили в кипяток, добавили сюзме⁴ и топленое масло.

– О-ох! Никогда не ел такой вкусной еды, ата⁵! – воскликнул Жапарбек.

1 Кулазык – нескорпортящаяся провизия, годная для дальней дороги, например, толкно, кусочки мяса, хорошо прожаренные в жире. – Там же.

2 Бешим – время, следующее сразу за полуднем. – Там же.

3 Жупка – сухая толстая слоеная лепешка, которая может долго храниться.

4 Сюзме – соленый молочный продукт, полученный в результате процеживания кислого молока – айрана.

5 Папа, отец.

– Действительно, здорово! Получился таласский «май-кульчатай», – восхитился друг Жапарбека Эшенкул.

– Да, это один из видов кулазыка, который кыргызы брали в дальний путь во время кочевья. И еще, вы устали в дороге, да толком и не пообедили, сами дрова собирали, сами готовили, вот и кажется, что вкусно! Теперь чай попейте, он здесь тоже вкусным покажется!

После чая уставших ребят разморило, и они стали засыпать на месте. Досалы быстро соорудил им постель из корпачо¹ и тердика², под голову подставил седла, и юные охотники заснули крепким сном. В одну часть куржуна Досалы сложил посуду, которую вымыл в роднике, что проби- вался около пещеры, в другую – оставшиеся продукты. Предстояло еще полтора дня пути.

Потом он долго сидел у костра. Часто бывая в горах, Досалы любил смотреть на ночное небо: воздух здесь настолько чист и прозрачен, что звезды кажутся огромными, необычайно яркими, наверное, нигде нет столь красивых звезд!

Досалы по привычке проснулся очень рано. В роднике журчала вода, изредка раздавались голоса птиц. Ребята еще сладко спали. «Пусть они поспят, а я, между тем, съезжу на Кызылбель, поохочусь на кийиков», – решил про себя охотник, думая обойтись всего четырьмя пулями. Ведь рядом – лучший тайган!

Вместе они стали взбираться вверх по склону горы. Кийиков не вид- но. В это время они обычно пасутся стадами, а тут – ни одного!

– Странно, что случилось? – Досалы приложил к глазам бинокль.

Неожиданно он заметил меж скал зверя, который медленно передви- гался, выгибаясь, как кошка. Сначала мерген подумал, что это рысь. Но тут, заметивший зверя тайган начал лаять. Зверь сильным прыжком мо- ментально оказался на вершине скалы.

– О-ох! Какой прыжок! Какая пластика! Чудо-о!!!

Внимание зверя было полностью обращено на тайгана. А Досалы в это время, спрятавшись за большим камнем, сидел и рассматривал зверя в бинокль. Теперь он увидел, что это – илбирс, барс, а не рысь. Тайган,

1 Корпачо – узкое одеяльце на седло.

2 Тердик – потник.

обезавший вокруг скалы, лаял, не переставая, а барс грозно рычал, ударя хвостом о камень. Удар был настолько сильным, что, казалось, разрывал камни на вершине скалы.

– Боже, спаси! Илбирсы обитают на великих, высоких горах. Как он сюда попал? В былые годы я поднимался на такие горы и часто встречал этих редких больших, но грациозных кошек. Думал, что больше никогда не увижу. Ах! Какая красота! Почему снежный барс оказался здесь? Может быть, гнался за какой-нибудь живностью и, увлекшись, не заметил, как оказался на Кызылбеле? – раздумывал Досалы.

Между тем, илбирс прыгнул в сторону тайгана. Благодаря своему чутью и ловкости, опытная гончая сумела вовремя увернуться от противника. Тогда барс снова метнулся на вершину скалы.

– О-ох! Какой прыжок! Надо же какого чудесного зверя создал аллах! Кажется, что движется он медленно, но смотри, какая гибкость, какая точность, какая сила! Как он красиво опустился на вершину нашей грозной Кызылбель! – восхищался охотник и все пытался объяснить, почему снежный барс оказался здесь. Весной многие животные, его потенциальные жертвы, спускаются вниз, поближе к траве... А может быть он старый и больной?

– Он выслеживал козочку или элика, и, если он голоден, мне не уйти от него. Единственный выход – застрелить илбирса. Другого пути нет. Жаль, конечно, убивать гостя, столь редкого в наших краях, – думал Досалы, прячась все за тем же большим камнем.

Пользуясь тем, что внимание зверя полностью занято тайганом, он прицелился и выстрелил. Мимо. Тогда охотник стал осторожно перебегать от одного валуна к другому и занял место у второго камня, который был ближе к илбирсу. Прицелился, выстрелил, и опять мимо! Третий выстрел! Казалось, что илбирс заколдован! Осталась одна-единственная пуля! Рискуя, мерген еще раз поменял позицию, затаившись за третьим валуном, почти рядом с барсом. Прицелился и выстрелил! Зверь упал. Досалы решил, что убил хищника, и бросился к нему, но илбирс сделал усилие и ударом лапы отбросил охотника. Досалы потерял сознание, но тут подоспел тайган и вцепился в умирающего зверя.

Очнувшись, Досалы-мерген увидел снежного барса, который лежал, уже не двигаясь. Охотник взвалил на себя тушу и спустился вниз. Там погрузил ее на лошадь и повез к пещере, где его поджидали ребята. Они уже проснулись, принесли из родника воды, разожгли костер и готовили чай в солдатском котелке. Увидев, поверженного илбирса, ребята сильно удивились. Жапарбек то пугался, то гордился своим отцом, и в то же время думал «а если бы последняя, четвертая пуля пролетела мимо, что было с ним и с нами»? Он поделился своими мыслями с отцом, а тот ему ответил:

– Никогда ничего не бойся! Это хороший знак! Вы же первый раз вышли на охоту. Значит, станете смелыми, отважными жигитами, Вас будут называть *эр журок* (храброе сердце), и вы сможете преодолевать все преграды!

Досалы-жезде говорил, что самым счастливым днем в его жизни стал именно этот день, когда впервые после ранения его охватил настоящий охотничий азарт и он застрелил илбирса. Человек, преданно служивший своему народу на фронте и в тылу, спасая его от голодной смерти, оставшись в этой рискованной ситуации, не отступил и вышел победителем!

Сейчас одна из улиц села Шекер названа в честь Досалы-мергена.

Конец сказки.

В тот же год, когда Досалы-жезде и Карагыз-апа приехали навестить нас в Жийде, я первая увидела их, ехавших верхом, нарядных, с гостинцами в куржунах. Их приезд был праздником для нас, выражение лица мамы менялось, она часто улыбалась, казалось, что в комнате становилось светлее.

Жезде меня брал на руки:

– Бедный ребенок, такого отца лишился! Ребенок должен знать обоих родителей...

Они часто вспоминали Торекула.

Нагима с Карагыз уединились и стали шептаться. Вдруг Досалы обиженно обратился к Нагиме:

– Вот Нагима-джене, я все жду, что Карагыз расскажет, как я совершил подвиг, а она молчит. О таком кыргызы говорят: «*Айтканга бар*,

алганга жок», то есть только на словах такое возможно, но на деле такого не бывает. А Карагыз тебе почему-то ничего не рассказывает.

– Ой, извини, пожалуйста, что о других вещах стали говорить,

– Расскажи, расскажи, что же он такого совершил? Геройский поступок?

Карагыз начала рассказывать о том, как Досалы охотился на барса. Если вдруг она что-то неточно говорила, Досалы тут же вмешивался и поправлял. Выслушав, Нагима сказала:

– Досалы, ты действительно проявил бесстрашие и заслуживаешь, чтобы об этом говорили. Тобой можно восхищаться и гордиться! Карагыз неправа, что сразу не рассказала.

Так было угодно судьбе, что Карагыз родила одного единственного сына (Жапарбек). Поэтому, чтобы их сын не чувствовал себя одиноким, они его растили близким к Чингизу и Ильгизу. Они были как родные братья. Однажды жезде устроил для троих мальчиков соревнование по окучиванию картошки. Дал по тяпке, поставил на грядки, «дал старт» а сам ушел по другим делам.

Чингиз и Жапарбек быстро-быстро пропололи свои грядки, прикрыв комьями земли те места, где получилось не очень хорошо, создали видимость сделанной работы и убежали: Чингиз взялся читать книжку, а Жапарбек схватил свой комуз и пытался на нем сыграть каую-то мелодию. Ильгиз же намного отстал от них, потому что вырывал каждый сорняк, тщательно рыхлил почву и окучивал каждый кустик. Через некоторое время пришел жезде:

– Проверим качество работы. Так, так... Победил Ильгиз. Из вас троих только Ильгиз будет настоящим большевиком! (У каждого времени – свои ценности!)

А Жапарбека с Чингизом он заставил переделать всю работу.

Я думаю, когда выросли мальчики, Досалы жезде был доволен всеми троими: уже тогда у каждого из них проявились тяга и склонность к будущей своей профессии. Из одного вырос писатель, из другого отличный артист (если только не считать, что не смог он до конца соотояться из-за обстоятельств), а из третьего вышел ученый настойчиво и тщательно изучавший физические свойства горных пород. Жапарбек вырос статным, красивым, похожим на отца юношей. Он был близок к искусству,

самостоятельно научился играть на комузе, прекрасно пел, сам сочинял и мелодии, и слова песен. Приехал во Фрунзе, закончил студию при оперном театре, потом работал там актером. Жапарбек был подающим надежды молодым певцом, успешно сдал экзамены в Московскую консерваторию. Но он был единственным сыном в семье, что не позволило ему оставить пожилых родителей одних...

Долгое время Жапарбек проработал в шекерском Доме культуры, затем председателем Профкома колхоза Шекер. Они с женой Зиной (певицей оперного театра), организовали народный театр в Шекере.

Сейчас они на отдыхе, но все равно участвуют в общественной жизни. Жапарбек написал и издал несколько сборников своих стихов, является председателем Совета аксакалов села. У него двенадцать детей, двадцать семь внуков и семнадцать правнуков.

«Кудайдын кулагы суюнсун»... Пусть слух бога радуется!

Потомки дяди Досалы и тети Карагыз - все достойные люди. Каждым из них можно гордиться!

Жапарбек и его супруга Зина – уважаемые пожилые люди в Шекере. Они сумели сохранить очаг Карагыз-апы и Досалы-жезде. Когда приезжаем в Шекер, то в первую очередь заезжаем к ним. Там сохранилось место старого дома, в котором мы жили в 1937-38 годах, сохранился дом, в котором жили тетя Карагыз и дядя Досалы, сохранился их дух...

ГУЛЯИМ-АПА

1905 год. Заметив, что Аимкан беременна, Балпык-бий¹ обратился к Айтмату:

– У вас ожидается прибавление в семье? Мне очень нравится ваша семья. Если родится девочка, то я хотел бы сосватать ее по обычаю «бель куда»² за своего сына Дуйшемби (в то время ему было 13 лет).

1 Бий – кыргызский судья, разбиравший тяжбы между кыргызами по обычному праву.

2 Родители (сваты), просватывающие своих еще не родившихся детей.

– Я буду очень рад. Породниться с таким человеком, как Вы, для нашей семьи честь, – ответил Айтмат.

Аимкан действительно родила девочку, назвали ее Гуляим. Таким образом, она еще до рождения была сосватана. Считалось, что это почетно, не каждому делают такое предложение.

Шли годы... Связь между сватами поддерживалась, как это было принято: уважение и внимание выражались в приглашениях друг к другу по праздникам и во время значительных мероприятий. Мальчику и девочке постоянно напоминали, что они сосватаны и в будущем другого выбора у них нет. По обычаю, сосватанные жених и невеста могут видаться между собой. Для этого по праздникам родственники обычно посылают жениха с друзьями к невесте. У невесты устраивались специальные мероприятия (кыз оюн), чтобы молодые лучше могли узнать друг друга.

В 1915 году, когда Айтмат перевез семью в Олуя-Ата, Гуляим было девять лет. В те времена девочки не учились, однако Гуляим была очень общительная. Она часто ходила с отцом в школу, на его работу и, в конце концов, напросилась, чтобы и её взяли учиться. По-видимому, в нулевой или подготовительный класс. Гуляим очень много рассказывала об учёбе в этой школе¹. Особенно запомнился ей Абжалбек-дамбылда², который преподавал русский язык:



Гуляим Айтматова

1 Гуляим-апа была хорошей рассказчицей, причём делала это всегда с чувством юмора и поэтому слушали её с удовольствием.

2 От слова «доммула» – учитель

– Я до сих пор помню те русские слова, которым учил «дамбылда», например:

баш – келева (голова)

чеке – темья (темя)

коз – кляз, прабай кляз, лебай кляз (глаз, правый глаз, левый глаз)

кулак – ухо, прабай ухо, лебай ухо (правое ухо, левое ухо)

мурун – нос

ооз – рот

жакшы – корошай (хороший)

сулуу – красибай (красивый) и т. д.

Но, не доучившись до конца учебного года, весной Гуляим покинула город. Аимкан с младшими детьми переехала обратно в Шекер – начались весенне-полевые работы и окот скота. В Олуя-Ата оставались только Айтмат с Торекюлом. Гуляим очень хотелось остаться, даже Абжалбек-дамбылда пришёл просить за неё, но мать сказала:

– Где это видано, чтобы девочки в школе учились? Смотри, когда приедем в аил, никому не говори об этом. Не то опозоримся на весь Талас!

– Это всё из-за мамы. Понятия тогда такие были, а то бы и я была грамотной, занимала бы какой-нибудь пост, – печалилась Гуляим-апа, вспоминая те времена.

– Нет худа без добра, Гуляим-апа. Может это к лучшему, а то если бы ты была грамотной, работала бы, то тебя тоже могли арестовать, – утешала ее я.

В двадцатом году умер Айтмат. Через год прошли поминки, и с семьей был снят траур. Балпык-бий слышал, что Гуляим уже подросла – ей исполнилось 15 – и хорошо справляется с домашним хозяйством. Дуйшемби уже пора было женить, ему исполнилось 29 лет, да и работница в доме нужна. Айтмат умер, бий мог бы и не выполнять своего обещания женить сына на Гуляим. Но он был человек слова и чести, и не к лицу ему было нарушать обычай.

В один из дней без предупреждения Балпык-бий приехал в дом Айтмата – поговорить с Аимкан и увидеть Гуляим, если удастся (по обычаю, будущая невестка не должна была показываться на глаза родителям жениха). Но Гуляим была дома одна, раньше она никогда не видела свое-

го будущего свекра. Поэтому, когда к ним во двор въехал незнакомый всадник, девушка вышла, как полагается, приветливо поздоровалась, помогла аксакалу сойти с лошади и привязала ее к коновязи. Пригласила гостя в дом. Он спросил:

– Кто дома, где мама? А ты кто?

– Я – Гуляим! – девушка бодро отвечала на вопросы.

Гуляим быстро вскипятила самовар, накрыла дасторкон и стала потчевать гостя. А он наблюдал за ней, следил за ее движениями и втягивал в разговор. Про себя бий отметил, что девушка ведет себя свободно, раскрепощенно, чай подает с улыбкой и с юмором отвечает на некоторые его замечания.

– Ты, оказывается, выросла, и уже можешь вести хозяйство целого дома. Можно и замуж тебя выдавать. Прямо готовая невеста...

– Но я сосватана.

– Да? За кого же?

– За сына Балпык-бия.¹

– А-а, очень хорошо. Доченька, спасибо. Я поеду, видно, нескоро мама твоя придет, – гость встал, вышел и направился к коновязи. Гуляим ловко отвязала коня и подвела к гостю, с достоинством попрощалась.

Позже Гуляим узнала, что это был за человек! Тетя каждый раз чувствовала неловкость, вспоминая, как она с ним свободно общалась при первой встрече.

«Как я тогда опозорилась. Самому свекру назвала его имя, вместо того, чтобы прятаться от него, как положено», – вспоминала годы спустя моя тетя.

Балпык-бий вернулся домой и сказал супруге:

– Гуляим подросла, ей 15 лет, она уже все умеет делать. Главное – она знает, как встретить гостей и как их проводить. Отличная будет жена нашему сыну. Готовься к свадьбе!

Вскоре Гуляим выдали замуж за Дюйшемби.

Как-то я спросила:

– Гуляим-апа, ты была женой сына бия, наверное, хорошо жила?

¹ У кыргызов не принято, чтобы снохи называли по имени своих свекров.

– Откуда! Мы, келин¹, дни и ночи напролет проводили у казана. К бию приходило очень много гостей, и каждому он резал барана. Перед закланием у гостя просили благословение – бата. Как только освежают тушу, нужно было все обработать, сварить мясо, правильно замесить тесто, тонко раскатать его для кульчатая². От казана не отходили. Не сравнить с тем, как вы сейчас живете... У нас было по одному платью на все времена года, носили, пока не порвется.

В восемнадцать лет Гуляим родила первого ребенка. Это было весной, наступило время откочевывать на жайлоо.

– В тот день, когда я родила, из Казахстана приехал лучший друг моего свекра – его дос³. В те времена «дос» считался, выше кровного брата. Досы должны были быть верными и заботливыми. Досы никогда не предавали друг друга и уважали договоренности между собой. Досберген, так звали казахского друга, приехал напомнить бию, что они договаривались в этом году остановиться рядом, на одном жайлоо.

– Бий, наш род сегодня готовится к откочевке, завтра отправляемся в путь. Я приехал сообщить тебе об этом.

– Спасибо дорогой друг, но я сейчас не могу! Моя сноха сегодня родила, она еще слишком слаба для дальней дороги и брать ее сейчас в дорогу нельзя. Грех так поступать с человеком, – ответил Балпык.

– Ты же сам предлагал: вместе, родами кочевать! На одном жайлоо разобьем стоянку, будем кумыс пить, скачки устраивать! Согласно нашей договоренности я уже сегодня всем своим сказал готовиться, теперь я не смогу отменить, приказ дан.

– Извини, друг, мы приедем через некоторое время. Так получилось.

– Но мы так долго ждали этого момента. Сроки обговорили. Погода, смотри, какая!..

– Слушай, моя сноха такая молоденькая, первые роды у нее. Давай хотя бы два дня дадим ей прийти в себя.

– Мы с тобой заранее договорились, что это лето проведем вместе. Что же теперь, наш договор не в силе? Не хочешь – не надо, я уезжаю.

1 Невестки.

2 Национальное блюдо.

3 Друг.

Сноха у тебя молодая, у нее еще много возможностей родить. А мой аил уже готов к кочевке. Юрты собраны, погружены, и ради двух дней, ты сам понимаешь, заново разбивать кочевье бессмысленно, – вконец рассердившись, он твердо заявил о своем бесповоротном решении уехать.

Увидев, как расстроился Досберген, Балпык-бий уступил ему, и дал приказ готовиться к откочевке всему аилу.

Тетя это все мне рассказывает, а я с удивлением спрашиваю:

– Слушай, Гуляим-апа, а муж-то, твой, где был?

– Гулял где-то с друзьями и молодухами! Если б он со мной сидел, его тогда засмеяли бы. Мол, за юбку жены держится. Я родила, ребенок при мне, сама справляюсь. А свекрови тоже некогда – она готовилась к кочевью, за весь род отвечает. Свекор очень беспокоился. Он все время подъезжал к моей юрте, узнавал, как мы с дочкой, и сообщил, что завтра утром на рассвете откочевываем.

Ребенка укутали шерстью, уложили в бешик,¹ хорошо утеплили. Мне велели туго-туго обвязать поясицу большим пуховым платком, чтобы не простудиться. «В будущем тоже надо будет рожать» – сказали мне. Потом подвели лошадь, посадили верхом, передо мной водрузили люльку. Из-за моего маленького роста дорогу мне не было видно, я ехала вслепую за другими всадниками. Вся в напряжении, никому не смею пожаловаться.

Когда подъехали к перевалу, караван остановился на отдых. Балпык-бий подъехал ко мне, сам снял колыбель, а потом помог мне слезть с коня. Свекровь взяла младенца и подала мне покормить. А ребенок, оказывается, превратился в ледышку и не стал брать грудь. Тогда свекровь бросила замерзшую малютку мне за пазуху. Свекор расстроился, и с упреком посмотрел на своего доса:

– Вот ты меня вынудил поехать, и я лишился своей первой внучки!

Досберген тоже расстроился, но чтобы успокоить Балпыка сказал:

– Не расстраивайся бий. Твоя сноха совсем молодая, еще родит много девочек и мальчиков. Здесь недалеко на летовке стоит мой друг, отправь

¹ Детская колыбель, люлька.

двух своих джигитов, чтобы готовили место для захоронения. Мы там похороним ребенка, – сказал Досберген.

Гуляим в сопровождении свекрови, свекра и Досбергена поехала на летовку. Когда подъехали, раздалось причитание по умершему.

– Ой-Бай! Ой-Бай! Прекратите плач, он же только родился, не гневите всевышнего! – крикнул Досберген издалека.

Плач сразу прекратился. Обычно не принято кручиниться по младенцам: бог дал, бог взял. А то аллах больше не даст детей. Это из-за уважения к Бию хотели выразить ему соболезнование.

– После того как мы спешили и зашли в юрту, свекровь попросила достать из-за пазухи ребенка. Когда развернули младенца, мне стало так жалко, все-таки девять месяцев носила его под сердцем, я решила последний раз вдохнуть его запах. И вдруг я почувствовала, как ребенок ищет грудь. Девочка живая!.. – рассказывает Гуляим-апа.

Тут же послали гонцов, чтобы прекратили копать могилу. Так «ожила» первая внучка бия.

Анаркуль¹ - так называли девочку, по обычаю «первого ребенка» была воспитана бабушкой и дедушкой.

– А где был твой муж? Почему он не поехал с вами хоронить девочку? – спросила я.

– Дүйшемби возглавлял кочевье. Он должен был находиться с друзьями, девушками, с молодыми женщинами. Нельзя ему было плакать по младенцу, который прожил всего один день. Не по-мужски это. Мне помогали свекор со свекровью, а мужу проявлять заботу считалось неприличным.

Когда Гуляим исполнилось 19 лет, Дүйшемби решил жениться на второй жене: она была дочерью казахского бая из Олуя-Аты. Не то, чтобы она была моложе или красивее, ей было уже 23 года, по тем временам засидевшаяся дева. Но здесь главную роль сыграло материальное положение семей.

– И как муж твой сообщил тебе об этом? – спрашиваю я.

¹ Анаркуль – как две капли воды была похожа на свою мать, прожила очень долгую жизнь, умерла в 2007 году, все время проживала в Шекере.

– В тот день он был особенно ласков, подарил мне красивое шелковое платье и лакированные маасы. А потом попросил, чтобы я дала согласие. Мне пришлось разрешить, потому что я понимала, что он все равно бы женился. У меня нет отца, нет богатых, влиятельных родственников, с которыми его семья считалась бы. Зачем зря устраивать скандалы?

Но он не успел жениться, его раскулачили и сослали в Сибирь. Я осталась в аиле, в семье свекра. Муж мой вернулся через несколько лет тяжело больным.

Дюйшемби умер в 1935 году от болезни, на руках Гуляим. Потом она выходила замуж еще раз. Но ее второй муж не вернулся с войны, от него у нее родилась дочь Асылкуль.

Так неудачно сложилась семейная жизнь Гуляим. Всего она родила четырех девочек, но воспитывала только одну – Рыскуль. Старшие жили и воспитывались у дедушек и бабушек. В те времена, если жена уходила из семьи, дети оставались у родственников мужа.

Гуляим сильно переживала, что у нее нет сына, и поэтому держалась за племянников, сыновей своих братьев. Когда Чингиз встал на ноги, то частенько забирал тетю к себе, и она проводила в городе зиму, живя с нашей мамой Нагимой в одной комнате. К весне Гуляим уезжала в аил.

Помню, однажды позвонила мама:

– Гуляим-апа приехала!

В то время они жили на Московской. Как только я зашла в дом, тетя завела меня в ванную и спросила:

– Оросо! Ответь, откуда вода течет?

– Вода течет по вот этим трубам, это очень сложная система...

– Не может быть! Я же всем в аиле похвасталась, что у Чингиза вода появляется по одному только желанию человека, из стенки!

В другой приезд я у нее справилась:

– Как там наши, как Жапарбек¹?

– Я обиделась на них... Не хожу к ним.

– Почему?

1 Сын тети Карагыз.

– Они назвали свою собачку Уулкан. Ты сама подумай, единственная дочь осталась от Аимкуль, а они ее именем назвали свою собачку. Аимкуль им ведь не чужая, а родная тетя!

– Что-то вы путаете, разве собакам дают такие имена? – спросила я.

– Так я сама слышала собственными ушами, как их мальчики бегали и кричали: «Уулкан! Уулкан!», а собачка – за ними. А родители слышат это и не сделают даже замечания своим детям.

Летом во время отпуска мы с семьей приехали в Шекер и зашли проведать, как живет семья моего двоюродного брата Жапарбека. Сидя в саду на топчане, мы пили чай, и вдруг я слышу, как дети зовут собачку: «Вулкан! Вулкан!». И тут я поняла, почему Гуляим-апа обиделась на них, и рассказала Зине (супруге Жапарбека). Все долго смеялись.

– А мы все удивлялись, почему это тетя перестала к нам приходить, – смеялась Зина.

А когда я родила дочку, Гуляим-апа приехала и очень хорошо с ней нянчилась.

Айгуль (моя дочь) начала говорить по-кыргызски, а Гуляим-апа выучила ее тем русским словам, которые сама помнила с детства:

– Я – красибай, я – умнай, я – каросай! – сообщала Айгуль всем прохожим, сидя на скамейке у подъезда. Соседи потом говорили мне, что наша дочь «очень скромная».

Однажды мой муж Эсенбек вернулся из командировки из Москвы и привез подарки. Но мне они не понравились, и я раскритиковала его вкус. Когда Эсенбек, расстроенный, ушел на работу, Гуляим-апа сказала мне:

– Вот Эсенбек – такой хороший парень, от души купил подарки, а ты вместо того, чтобы сказать спасибо, ругала его. Так нельзя! Если ты будешь так делать, то в следующий раз он ничего тебе не привезет, прогуляет в ресторане! Он же молодой еще, научится выбирать подарки... На этом жизнь не заканчивается.

Я задумалась...



Гуляим с семьей

В последние годы тетя уже редко приезжала в город, чаще стала болеть. А в один из дней 1986 года пришло сообщение, что Гуляим-апа тяжело заболела

Чингиз был в отъезде, Люся болела и не могла выезжать в дальнюю дорогу, поэтому мы с Ильгизом вдвоем поехали проведать ее. Ильгиз по дороге купил красивый платок с люрексом (тогда такие были в моде у бабушек). Гуляим-апа была уже в тяжелом состоянии и лежала в больнице села Грозного (ныне Аманбаево). Когда мы зашли к ней в палату, она не смогла встать. Ильгиз подошел к ней, присел на колени, Гуляим-апа обняла его и в форме учурашу¹ начала здороваться. Я не запомнила все, но в памяти остались несколько строк:

– Маскоонун жолу таштанбы? – *Удобна ли дорога в Москву?*

¹ Импровизированное приветствие песней.

– Маскоодо Чынгыз аманбы? – *В здравии ли Чингиз, который сейчас находится в Москве?*

– Пурунза жолу таштанбы? – *Удобна ли дорога во Фрунзе?*

– Пурунзада Улюсия аманбы? – *В здравии ли Люся, которая сейчас во Фрунзе?*

Таким образом, она спросила обо всех и обо всем у Ильгиза. Потом к ней подседа я. Меня она тоже обняла и стала разговаривать также, в форме «учурашуу».

Тетя сильно постарела, была бледная и было件нятно, что этот добрейший человек, последний представитель поколения наших родителей, уходит от нас. Я обняла тетю и заплакала, а она в песенной форме спрашивала о моей семье и даже о родителях и родственниках Эсенбека.

Ее соседки по палате были зрителями:

– Ваша тетушка – это что-то! У нее отек уже дошел до пояса, а она нас так смешит, как скажет что-нибудь, мы ухахатываемся...

Ильгиз подарил ей платок с блестками, она его тут же повязала и стала хвалиться перед соседками. Мы все хохотали до слез. Несмотря на тяжелое состояние, она не унывала и говорила, что все в руках бога, и если ему угодно, то она готова уйти в мир иной. Мы стали прощаться, она решила встать, чтобы посмотреть, какую себе Ильгиз купил машину. Все стали говорить, что врач ей не разрешает вставать, но она была непреклонна:

– Я хочу увидеть машину Ильгиза, потом буду Вам рассказывать, какая она красивая! А то, как я это смогу сделать? – все, что касалось нас, для нее было важным, она так радовалась нашим успехам и гордилась ими, при этом частенько во много раз преувеличивая нашу роль и достижения, например, как дома у Чингиза из стенок «по моему хотению» течет вода.

На другой день мы, встретившись с врачами, взяли список необходимых лекарств, а с тетушкой провели «воспитательную работу», чтобы она не нарушала режим. Потом, уже в городе нашли и передали в больницу нужные лекарства.

Через неделю приехал Чингиз. Едва узнав, что Гуляим-апа тяжело больна, он поехал ее проведать. Об этом узнали в районной больнице.

Руководители района тут же дали указания, чтобы больницу села Грозного срочно привели в порядок - все-таки ехал к ним советник Президента СССР! Позже, когда Гуляим-апа уже выписалась из больницы, я еще раз приехала ее проведать. Несмотря на плохое самочувствие, тетя продолжала шутить:

– Я не сразу поняла, что происходит. В нашей, а потом и в других палатах сделали тщательную уборку, всех нас переодели в новые белоснежные больничные рубашки и дали приличные халаты. Меня даже причесала одна медсестра. Во дворе больницы навели порядок, убрали с дороги бревна, которые, вот уже несколько лет лежали и мешали ходить. И вдруг все забегали, главврач сам вышел встречать. Оказывается, Чингиз приехал. Спасибо, что приехал. Мои соседки по палате смеялись, говорили, что благодаря тому, что я заболела, им посчастливилось узнать, какие условия по настоящему должны быть в больницах.

Вскоре Гуляим-апа умерла. Из всех близких нам людей именно она дольше всех оставалась с нами.¹ Для нас она была человеком, за которого мы держались, ведь она знала наших родителей. К смерти она готовила себя психологически.



Гуляим с внуками

¹ До этого в 1964 году умерла Карагыз-апа, которой еще не исполнилось шестидесяти. В 1971 году не стало нашей мамы Нагимы.

– Мне бог скоро пришлет «бовеске» (*новестку* – Р.Т.). Вы все должны будете приехать и бросить по горсти земли, помянуть меня. У меня нет сыновей, вместо них – вы, – обращалась она к Ильгизу и Чингизу.

– Гуляим-апа, не думай и не беспокойся об этом. Лучше дольше живи, – вмешивалась я.

– Нет, вот твой сын Урмат уже большой, он тоже может причитать, оплакивая меня. Вы должны подготовить для меня хороший жыртыш¹. Если председатель сельского совета будет против, то порежьте ткань на куски ночью, чтобы никто из официальных людей села не видел. Я же у многих на похоронах брала жыртыш, теперь должна расплатиться за них, – доказывала она свою правоту...

Мы сделали все, как она просила. Выполняя просьбу тетушки Гуляим, привезли много бархатных отрезков и ночью, как она и предвидела, приготовили жыртыш. Из города мы все поехали с детьми, и Чингиз тоже был со своими детьми. Мы помнили слова Гуляим:

– У меня есть три горы, на которые я могу опереться. В городе – это Чингиз и Ильгиз, в селе – Жылкыбай². Я прошу бога, чтобы дал им долгую жизнь. Я хочу, чтобы именно они меня хоронили!

Так и случилось. Старший человек всегда просит бога, чтобы он умер раньше своих детей и младших родственников. Мечта тети Гуляим осуществилась – именно Чингиз, Ильгиз и Жылкыбай опустили ее тело в могилу. Я думаю, дух ее был удовлетворен.

Перед ее смертью я несколько раз к ней заезжала. Последний раз она достала узелок со старым туш-кийизом³:

– Этому туш-кийизу скоро 100 лет, его вышивала твоя бабушка, когда была беременна Торекулом, возьми, сохрани! Если я умру, то его выкинуть, а это память о твоей бабушке.

Я привезла его домой, постирала, срезала испорченные места, повесила над кроватью дочери, чтобы дух этих женщин поддерживал ее. Сейчас этот туш-кийиз находится в музее села Шекер.

1 Подарки на поминки души (отрезки материи размером от 0,5 до 3 метров).

2 Сын Керимбека.

3 Богато орнаментированный войлочный или бархатный настенный ковер, иногда бывает оторочен мехом.

Однажды она мне сказала, и это было задолго до смерти Досалы-жезде:

– Ты знаешь, Досалы-жезде уже старый. Если случится, что он умрет, то ты должна обязательно плакать, причитать «кошок». Кто, если не вы! Ведь он столько хорошего сделал для вас!

– Я не умею причитать. Я не умею так сочинять, как Вы, – стала оправдываться я.

– Ну, давай, я тебе продиктую, а ты запиши.

Текст плача был очень богатый, тетушка отметила все достоинства жезде, все важные события, факты из его биографии, его охотничьи успехи... Я записала целую ученическую тетрадь. Но дядя Досалы все жил и жил и совсем не собирался умирать. За ненужностью тетрадка куда-то потерялась, и я сейчас очень жалею, потому что «Сказ, посвященный Досалы» был поистине выдающимся.

Во многом благодаря тетушке Гуляим, я, наверное, взялась написать эту книгу. Она научила меня складывать в сюжеты разные истории. Но как бы я ни старалась, рассказать так, как умела она это, я сделать не могу. Она была ироничной, с неистребимым чувством юмора. О чем бы ни говорила, обязательно с чем-то сравнит, и сравнения такие меткие, смешные. С ней было не просто интересно беседовать - с ней можно было делиться заветными мыслями.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ С ВЫШИВКОЙ

1990 год, октябрь. Осень во всей своей красе. Две недели назад мы с Ильгизом ездили на открытие памятника отцу во дворе Шекерской средней школы. Но я снова собираюсь в дорогу – из Шекера пришло приглашение на «аш», поминки тети Гуляим.

Аш – последняя почеть, отдаваемая усопшему. Официально заканчивается траур, поэтому мероприятию обычно придается большое значение. На аш приглашаются родные и близкие, сваты, друзья и женщины – «дочери» этого рода. Причем каждый гость едет со своей «свитой».

Например, такую достопочтенную женщину, как я (а я являюсь дочерью этому роду), обязательно сопровождают свекровь, «абысыны» – жены родственников мужа, друзья семьи, соседи... Таким образом, на аш собирается очень много людей. Я же должна закупить подарки: светлую одежду и платки белого цвета для тех, кто снимет траур; гостинцы, которые я должна разложить на дасторконе, причем в количестве и качестве, поражающем и изумляющем всех вокруг; а также «взнос»¹. Впрочем, тщательно готовятся как приглашающая сторона, так и приглашенные. В этой ситуации для хозяев главной задачей становится умение достойно встретить каждого гостя, уделить ему внимание. И поэтому зачастую случается так, что собственно поминание об усопшем ограничивается лишь ритуальной молитвой.

Мне не хотелось ажиотажа, и я решила ехать только с дочерью дяди Алымкула – Тотой. Мы с ней ровесницы, в детстве росли вместе, всегда ладили и понимали друг друга. С утра я провела занятия в институте, а после обеда пошла на железнодорожный вокзал. Тотой тоже появилась на вокзале вовремя. В те времена пассажиров было немного. Конечная станция нашего пути – полустанок Маймак. В вагоне мы удобно разместились, сели возле окна напротив друг друга. Очень скоро выехали из города. Дальше начались села.

Или та осень была особенная, а может, она каждый год такая красивая! От ее необычно богатой цветовой окраски в глазах отсвечивало, рябило. Вокруг спокойствие, тишь да благодать. Растущие по обочине железной дороги деревья и кусты в золотистом, зеленом, багряном облачении будто бы плывут на фоне желтеющей травы. А воздух настолько чист и прозрачен, что видно даже, как яркие листья дрожат от дуновения нежного ветра.

Великолепие осени, чувственно и тонко воздействуя на состояние, уносит нас в прошлое. Мы с Тотой говорим о жизни и судьбе тети Гуляим. Вспоминаем ее уморительные повадки, улыбаемся, а то и хохочем до упада. А иногда на наши глаза наворачиваются слезы...

1 Кошумча – подарок в денежной форме или головы скота (лошадь, корова, теленок или овца) – в зависимости от степени родства, близости общения или материальной возможности.

Случилось это в конце сороковых. Мне около десяти-одиннадцати лет. Жизнь после войны была еще тяжелой... Чингиз приехал из Джамбула, где он учился в зооветеринарном техникуме, и отвез меня на каникулы к тетушке Карагыз в Шекер.

В том году Гуляим-апа работала дояркой на молочно-товарной ферме (МТФ). В один из дней тетушка Карагыз предложила мне поехать и проведать ее:

– Как она там устроилась, как работает? А если есть условия, останешься у нее на недельку, – подумав, она добавила, – С Рыскуль¹ поиграешь. Там красиво и много родников.

Так и сделали. Оседлали коня, сели на него вдвоем – Карагыз-апа и я – и поехали в сторону МТФ.

Гуляим-апа радовалась нашему приезду как маленькая девочка! Она не знала, куда нас усадить, чем угостить, и с такой любовью смотрела на меня! А когда узнала, что я могу остаться, успокоилась: «Пусть Оросо хоть один раз у меня погостит! Им с Рыскуль будет интересно».

Ферма располагалась недалеко от села, на возвышенности, в местечке «Чаргын-тал». Для работников были выстроены домики барачного типа. В одном из них и проживала Гуляим-апа с дочерью Рыскуль. Поговорив обо всем и удостоверившись, что младшая сестра неплохо устроена, под вечер Карагыз-апа уехала домой. Я осталась.

Мы с Рыскуль были подружки «не разлей водой». В какой ранний час просыпалась тетя, когда она уходила на первую дойку, мы не знали. Но к тому времени, как мы пробуждались, тесто, ею затеянное и тепло укрытое, поднималось и было готово к выпечке. Встаем, хватаем ведра – и бегом к роднику. Родников действительно было много, каждый из них по-своему удивительно красив. Мы ополаскиваем лица прохладной прозрачной родниковой водой, наполняем ведра и спешим домой. Приятный горный ветерок обдувает наши влажные личика. Детство! Как оно прекрасно!

Рыскуль, точь-в-точь как ее мама, аккуратно садится перед очагом и начинает разводиться огонь. Потом на жару кизяка печет вкуснейшие

¹ Дочь тети Гуляим, старше меня на год-полтора.

лепешки. В это время я растапливаю самовар и готовлю чай. Как раз к возвращению Гуляим-апы, уставшей после утренней дойки, закипает самовар, уже испечены лепешки.

– Оросо, золотая моя! Вынеси-ка нашу старинную кошму. Расстели ее возле арыка. Накроем здесь дасторкон.

Мы сидим и пьем ароматный чай со свежими хрустящими лепешками¹ под журчание арычной воды.

Доярки, в том числе и Гуляим-апа, ходят на ферму три раза в сутки. Между дойками женщины моют фляги, чистят стойла и докладывают коровам добавочный корм, чтобы получить хороший удой. Доярки привязаны к МТФ круглые сутки, как говорила тетя Гуляим, «все равно, что кормящая мать, которая не может надолго оставить своего грудного ребенка».

В ту неделю, что я гостила у тети Гуляим, на профсоюзном собрании за хорошую работу ей вручили премию - три метра белой роскошной ткани, в то время самой модной. Тетя пришла радостная, сияющая и протягивает мне премиальное полотно:

– Оросо! Возьми, это тебе подарок!

– Ну, что вы! Гуляим-апа, сшейте себе платье, ведь ваше все в заплатках.

– Нет, если не возьмешь – обижусь! У меня нет возможности помогать вам, как Карагыз. Я лишь молю бога, чтобы он вас поддержал, чтобы Торекул благополучно освободился и чтобы Чингиз и Ильгиз выросли достойными людьми. Они ведь наша опора в будущем. Как только Торекул вернется, нам всем станет легче, - заплакала она.

– Ну, хорошо, тетя, возьму, только не плачьте! Но если хотите, чтоб именно я носила будущее платье, то сшейте его тут – в Шекере! Если привезу домой ткань, мама сошьет платье Люсе, потому что она старше, – сказала я. И сразу предложила фасон: «Длинное платье, «татьянкой», воротник отложной, впереди застежка, внизу подола две параллельные строчки на расстоянии примерно десять сантиметров, между

¹ Тетя очень старалась угощать меня самыми вкусными блюдами, какие только могла приготовить в тех условиях.

ними зигзагообразная линия. Все это – из черных ниток. Такой же рисунок на манжетах.

– Хорошо, дорогая! Одна из доярок хорошо шьет. Закажу ей по твоему фасону.

О-о-о! Как заиграла вышивка, когда я надела готовое платье, а сверху черную бархатную жилетку! Я радовалась, а еще больше радовалась тетя. Посмотреться бы – да некуда! Вдруг на подоконнике увидела маленькое зеркальце¹. Глянула в него: белый воротник платья четко контрастировал с моим загорелым, обветренным лицом. Мне так шел белый цвет! Я задернула оконную занавеску из цветного ситца, выскочила на улицу и стала смотреться в стекла окна. О-и-ий! На меня глядела красивая, высокая девочка с тонкой талией. У нее сверкали глаза!

– Ах! Я, оказывается, стала большой и красивой! – руками оттянула подол платья в стороны и стала кружиться в вальсе. Босиком...

Гуляим-апа и Рыскуль хлопают в ладоши и от души смеются.

Потом тетя Гуляим проводила нас с Рыскуль до окраины Шекера: ей надо было торопиться обратно, чтобы не опоздать на вечернюю дойку. Прощаясь, она сказала:

– Теперь сами доберетесь до дома Карагыз. Оросо, дорогая, передай привет своей маме. Пусть не обижается, что не помогаю вам. Уже десять лет прошло со дня осуждения Торекула, надеюсь, скоро он вернется. Лишь бы он был жив и здоров, – у нее опять на глаза навернулись слезы. Чтобы не заплакать, она резко повернулась назад и с высоко поднятой головой пошла в сторону Чаргын-гала. Мы тоже пошли, но несколько раз обеспокоенно оглянулись: казалось, она сильно расстроилась, вспомнив своего брата. Дети, мы очень быстро забыли обо всем, бегали по лугу, собирая цветы, догоняя друг друга, и не заметили, как оказались у дома тетушки Карагыз.

Досалы-жезде в окружении своих гончих псов-тайганов сидит возле арыка и чистит охотничье ружье. Карагыз-апа, как обычно, хлопчет вокруг казана, что-то варит. Жапарбек расположился под деревом и играет на комузе.

¹ В те времена девушки и молодые женщины носили такие зеркальца в карманах.

Перед их домом протекает канал¹. Течение в нем бурное, и взрослые не устают напоминать, чтобы мы осторожно ступали по мосту. Теперь, когда на мне длинное платье, иду с еще большей опаской, еле-еле представляю ноги, и слышу добрый голос жезде:

– О-уу! Карагыз, да ты посмотри, что Гуляим подарила своей племяннице!

– Мы даже не заметили, что девочка выросла! В длинном платье она кажется большой и красивой, – добавил Жапарбек.

– А оно-то с вышивкой и очень ей идет! – улыбается Досалы-жезде.

Карагыз-апа с радостью подходит к нам:

– Да они обе хорошенькие и умные! Как там сестра моя, Гуляим?

Рыскуль стала отвечать ей, а я хоть и молчу, но душа моя ликует: *«Вот и родные подтверждают, действительно я выросла и стала красивой девушкой».*

С тех пор прошло почти полвека. Жизнь людей, а вместе с ними и наша, изменилась в лучшую сторону. Мы выросли, получили образование, приобрели специальности, обзавелись семьями и до сегодняшнего дня продолжаем трудиться. Сколько платьев за это время я сносила? Не вспомнить! А вот то белое платье с вышивкой я вспоминаю часто и задаю себе вопрос: если б на месте тети Гуляим, сорокалетней, цветущей женщины, была я, и у меня была бы дочь, и мы носили бы по одному единственному латанному платью, подарила бы я премиальный отрез, полученный за тяжелый труд десятилетней девчонке? Или все-таки предпочла бы сшить себе нарядное платье? Честно сказать, ответ от себя я получить не могу.

Но суть, думаю, даже не в платье, а в том, что Гуляим-апа правильно сумела понять состояние моей детской души, когда я из девочки превращалась в девушку, естественное стремление поскорее вырасти, быть самой красивой, неотразимой. Каким тактичным человеком и тонким психологом надо быть, чтобы заметить и поддержать подростка вовремя!

О, дорогая Гуляим-апа! Я благодарю тебя за понимание. Пусть земля будет тебе пухом!

¹ По сей день его в народе называют «Иманбек арык». Он был построен еще до революции Иманбеком-болушем, дедом Э. Эсенаманова и Р. Шукурбекова.

АЛЫМКУЛ-АТА И КЕРИМБЕК-АКЕ



*Алымкул Биримкулов,
двоюродный брат
Торекула*

У Биримкула, старшего брата нашего деда Айтмата, было трое сыновей – Алымкул, Озубек и Керимбек.

По рассказам тети Гуляим, дядя Алымкул был человеком умным, рассудительным, рациональным и потому уважаемым. Особенно его практичность проявилась, когда советская власть поставила вопрос о выборе территории для оседлого проживания для кочевых кыргызов. Вначале род Шекер выбрал красивое местечко с названием *Чаргын-тал*, что означает *Сад Чаргына*. Это поистине красивое место действительно удобно для занятия скотоводством, однако Алымкул сумел убедить аксакалов рода в том, что к выбору оседлой жизни надо подходить по другим меркам:

– Мы будем заниматься не только скотоводством, но и земледелием, – говорил он, – будем сеять зерно, сажать другие культуры, разводить сады. Поэтому надо поселиться в месте, благоприятном для возделывания и полива. Для полей нужны большие орошаемые площади с удобным подъездом, дома будем возводить вдоль улиц, построим школу, чтобы все дети были грамотными. Конечно, *Чаргын-тал* – место красивое, но оно слишком пересеченное, там мало равнинной площади, что для полива неудобно, к тому же там оно селеопасно. Нам же необходимо поселиться в местности, где можно жить не только летом, но и весной и зимой.

Алымкул предложил поселиться на участке, прилегающем к *Иманбек-арыку*. Так и сделали. Сегодня, по прошествии многих лет, очевидно, насколько разумным было предложение Алымкула. Постепенно к шекерцам, обосновавшимся в новом населенном пункте, присоединились и представители других племен рода Тонтогор.

Алымкула Биримкулова избрали первым председателем Шекерского Сельсовета¹. Советская власть требовала беспрекословной и быстрой «коллективизации», а потому и незамедлительного перехода от кочевого образа жизни к оседлому. Однако для шекерцев, как и для многих других, этот переход был большим и сложным шагом, занявшим несколько лет. Поэтому заслуга Алымкула оказалась и в том, что он сумел объяснить представителям власти, что людям необходимо время для того, чтобы свыкнуться с мыслью об оседлости и перейти к новому образу жизни постепенно. С другой стороны, первый председатель терпеливо и убедительно разъяснял соплеменникам преимущества оседлой жизни.



*Керимбек Биримкулов, двоюродный брат Торекула
(прототип Танабая из «Прощай, Гульсары!»)*

¹ По-нынешнему: председателем «Аил окмоту» – «Сельской управы».

Алымкул хорошо помнил время, когда Айтмат и Биримкул вложили все свои средства в мельницу, впоследствии сгоревшую от пожара. Братьям Кимбильдиевым после этого несколько лет пришлось оставаться в низине и не кочевать на жайлоо. Тогда братья вышли из положения благодаря тому, что получили хороший урожай пшеницы, овса, проса и кукурузы. Как говорят, «нет худа без добра»: этот опыт помог Алымкулу сориентировать население на оседлость, показать преимущества проживания в низинах. Благодаря своим навыкам Алымкул мог консультировать по любым вопросам землепользования и, конечно, стал пользоваться еще большим авторитетом среди населения.

Первым учителем Торекула был Айбаш-молдо из рода Шекер. Молдо был грамотным, по характеру добрым человеком. Вместе с Торекулом к нему на обучение отдали и Керимбека, младшего сына Биримкула. Айбаш-молдо постоянно отмечал особые способности Торекула, его умение схватывать на лету, быстро анализировать и делать выводы.

– Из него выйдет большой человек, – говорил он.

Однажды, оседлав молодого, недавно обученного коня, Торекул и Керимбек поехали на учебу. Торекул, как старший, сидел впереди, а Керимбек – сзади. У молдо во дворе всегда лежала ко всему безразличная и вечно спящая собака, ей не было дела до того, что происходит, кто приехал и кто уехал. Но в этот раз по непонятным причинам собака с лаем бросилась навстречу двум всадникам. Молодой конь испугался, встал на дыбы и начал метаться в разные стороны. Торекул выпал из седла, а Керимбек, несмотря на то, что сзади удержаться труднее, смог остаться на коне и осадить его. После этого случая Биримкул сказал Айтмату:

– Видишь, какой у меня сын! Торекул старше, а управиться не смог. Пусть Торекул продолжает учиться, Керимбек же будет заниматься коневодством.

Так и получилось. Из Керимбека вышел прекрасный специалист: он знал толк в лошадях и особенно ценил породистых иноходцев. В на-

роде с усмешкой говорили, что даже на сармердене¹, где все поют о любви, Керимбек поет об иноходцах и скакунах:

*Асыл тукум жайлоодо
Асыл кулук байлоодо....*

*Высокородный конь пасется на жайлоо
Породистого скакуна готовят к скачкам на жайлоо...*

Керимбек всю жизнь проработал табунщиком в колхозе. Он был немногословным, серьезным, добропорядочным человеком, не терпящим несправедливости. Его как передового работника не раз награждали медалями, грамотами, премиями за доблестный труд. В какой-то степени Танабай из повести «Прощай, Гульсары» Чингиза Айтматова списан с него. Это он бросился с вилами на секретаря райкома, который своими безграмотными указаниями создал невыносимые условия для табунщиков и приехал проверять, почему не выполняется план.

У Керимбека был сын Жылкыбай, тоже отличный табунщик и меткий охотник. С раннего детства верхом на коне, всегда на свежем воздухе, поэтому и вырос физически крепким. А служба в армии превратила его в статного, видного джигита.

Однажды весной молодой Жылкыбай выехал верхом посмотреть, где находится табун, и, если надо, повернуть его в сторону юрты. Внезапно прямо на него вышел медведь, только что проснувшийся и голодный после зимней спячки. Жылкыбай растерялся и, видя, что не убежать, выстрелил, после чего медведь с ревом бросился в берлогу. Жылкыбай решил, что серьезно ранил или убил зверя, и ринулся туда же. Но медведь оказался живым, он встал на задние лапы и, обхватив табунщика, стал его ломать. Жылкыбай оказался недюжинной силы батыром и одолел медведя.

¹ Сармерден – увеселение, на котором все присутствующие по очереди исполняют песни, обычно любовные.

Не помню точно, в канун какого Нового года это было. Семья Чингиза и мама жили в доме на пересечении улицы Киевской и бульвара Дзержинского¹, это недалеко от железно-дорожного вокзала. Мама позвонила и сказала, что приехал Керимбек-аке и что он торопится вернуться домой в Шекер до наступления нового года. По заведенному в нашей семье правилу мы, его младшие родственники, должны были приехать поздороваться с дядей. Я заехала во время обеденного перерыва. Мама, улыбаясь, рассказывала:

– Спасибо ему, ваш дядя приехал специально перед Новым годом, чтобы всем гостинцы привезти. Он приехал московским поездом перед рассветом. Чингиз встречавший его на вокзале, рассказывал: «Выходит из вагона аксакал. На голове – кыргызский тебетей, совершенно седая борода, мешок с гостинцами за спиной, да еще снег идет! Ну, совсем как Аяз-Ата²!».

И Алымкул ата и Керимбек аке были опорой для нас когда мы остались без отца. Даже зная как может отразится их явное внимание и забота о семье «врага», они не изменяли кыргызскому обычаю помогать детям попавших в беду.

1 Бульвар Дзержинского – сейчас бульвар Эркиндик.

2 Аяз-Ата – кыргызский Дед Мороз.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

«Ветвь Хамзы»

РОДОСЛОВНАЯ НАГИМЫ АЙТМАТОВОЙ

Наша мама, Нагима Айтматова, в девичестве Абдувалиева, родилась 7 декабря 1904 года в городе Каракол на Иссык-Куле. Ее отец Хамза Абдувалиев¹ в свое время был одним из самых авторитетных, богатых и известных людей Иссык-Куля. Он родился, примерно, в 1850 году в Кукморском крае в селе Мячкара² близ Казани (Татарстан).

Кукмара³ – зеленые горы («Кук» (кюк) в переводе с татарского означает «синий», «зеленый», «Мара» – с иранского «гора»). Кукмара расположена вдоль реки Бурбаш, между двумя горами, которые большую часть года бывают зелеными. Местное население о месторасположении своего края говорит: «там гора, тут гора, посередине Кукмара». Возникновение этого поселения связано с открытием месторождений медной руды еще в 17 веке. В связи с этим здесь появляются медеплавильные заводы, позднее сюда была проложена железная дорога. Все это привело к широкому развитию других видов промышленности и ремесел. В результате развития ремесел и фабричного производства развивается торговля, большие масштабы приобретает купеческое дело. Говорят, что

1 Существуют еще и другие транскрипции его фамилии – Абдулвалиев, Габдувалиев и Габдельвалиев.

2 Мячкара по-русски произносят как Маскары, поэтому официальное название этого села потеряло свое первоначальное звучание. Однако, сами татары называют это село, как и прежде «Мячкара». Я дальше буду применять старинное название.

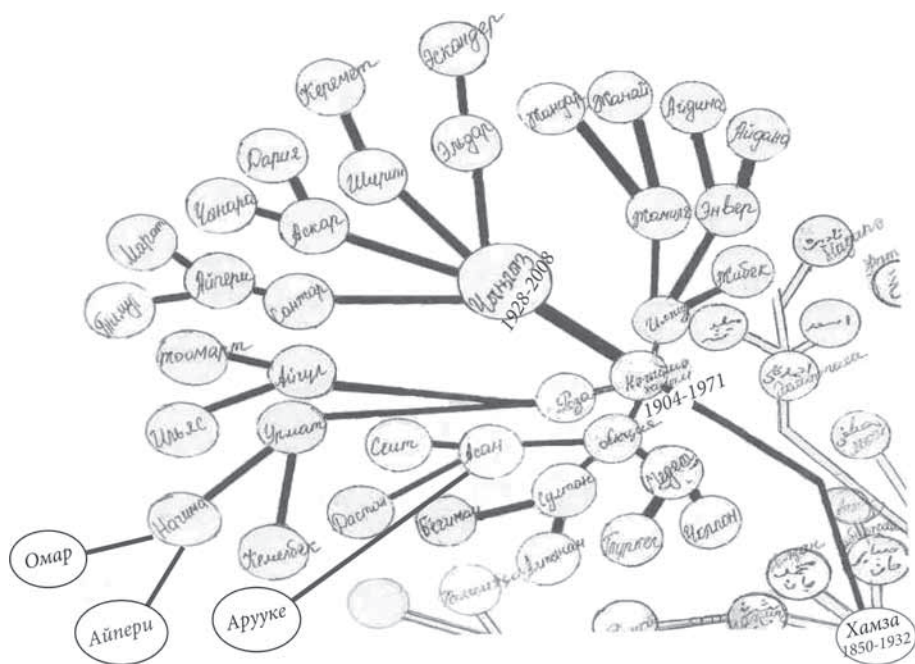
3 «Кукмара» по-русски произносится как «Кукмор», поэтому Край называется «Кукморский»



*Хамза,
г. Москва, 1889 г.*

«купечество Кукморского края оставило заметный след в истории купечества Казанской губернии»¹.

Основатель села Мячкара Ишман (Иш-Мухамед) сначала жил в деревне Бурбаш. Согласно легенде по какой-то причине, обидевшись на родственников, он покинул Бурбаш и обосновался в Мячкаре. Обида была так сильна что, уходя из деревни, он даже разобрал построенную им деревянную мечеть и перевез ее в Мячкару. Архивные источники указывают, что Ишман переселился в Мячкару еще до 1678 года. Этот населенный пункт резко отличается от многих других татарских селений тем, что уже в конце 18 века он являлся значительным торгово-промышленным центром. С 1778 года здесь свою продукцию производили кумачная и кожевенная мануфактуры, принадлежавшие братьям Утямышевым.



¹ Кукморский край, Казань. – 2008, С. 135.

В санжыре рода нашего деда Хамзы говорится: «Ишман-сын Туктаргали, Туктар – сын Кучука, Кучук- сын Табежа, Табеж-сын Кудаша, Кудаш – сын Кул Сулаймана, Кул Сулайман – сын Сулаймана. Эти два прадеда Сулайманы родом из Булгар»¹.

Сыном Ишмана является Йосыф (1717 г. р.). Далее я остановлюсь лишь на двух ветвях рода, происходящего от Йосыфа: Утямышевых и Абдувалиевых, так как о других его потомках у меня нет сведений.

Судя по древу, уже в 18 веке один из внуков Йосыфа Габдулла-бай (?... – 1832 г.) первым стал носить фамилию Утямышев. Такую предисторию имеет богатый и знаменитый род Утямышевых в Татарстане. В 19 веке братья Утямышевы преуспевали на казанском рынке и были известными меценатами и благотворителями, на их средства в Казани и их родовом селе Мячкара были построены мечети медресе.

Одним из ярких представителей этого рода является Утямышев Рустам Исмаилович (родился 23 апреля 1926 года в дер. Маскары (Мячкара) Кукморского района, Татарской АССР). Он был выдающимся ученым, инженером, талантливым организатором науки. Рустам Исмаилович занимался «подготовкой запуска космических кораблей, созданием систем жизнеобеспечения полетов и физиологического контроля состояния организма космонавтов». В свое время он возглавлял целую промышленную отрасль Советского Союза, стран Восточной Европы, связанную с аэрокосмонавтикой.

Сын Р. И. Утямышева Ильдар Рустамович Утямышев продолжил стезю отца и также является известным ученым Российской Академии естественных наук. Он доктор технических наук, Академик Российской и Европейской академий естественных наук, Главный ученый секретарь отделения «Научные основы регулирования естественных монополий» Российской Академии естественных наук.

Такие сыновья являются не только гордостью рода Ишмана, но и всего татарского народа.

¹ Кукморский край, Казань. – 2008, С. 155.

Теперь о ветви Абдувалиевых: Йосыф – Халил – Габдрашит – Гайса – Габдельвали (1800 г.) - Хасан –Хамза (1850-1932 гг.) – Нагима (1904-1971 гг.) – Чингиз Айтматов (1928-2008 гг.)... Сложилось так, что они долго не переходили к ношению единой фамилии, а ограничивались традиционной формой имяобразования, как принято у мусульман. Представители этой ветви начали пользоваться единой фамилией, начиная с праправнука Габдельвали. Он положил начало фамилии Абдувалиевых (в начале 19 века).. Таким образом, Абдувалиевы и Утямышевы являются двумя параллельными ветвями известного в Татарстане рода Ишмана. Имеются письменные данные о 200 членах этого рода. На сельских кладбищах сохранились надгробные камни Туктаргали, где указана дата его смерти (1699 г.), Ишмана (1610 год рождения), а также Габдуллы-бая (год смерти – 1832 г.).

У Габдельвали было девять детей: одна дочь и восемь сыновей. Четверо из его сыновей совершили хадж. Этот факт говорит о том, что семья Габдельвали была состоятельной, и благочестивой. На кладбище в селе Мячкара сохранилось надгробие дочери Габдельвали – Бибигафифы (1834-1923). Она была женой знатного представителя рода Ишмана, из ветви Утямышевых. Бибигафифа в родословной отмечена под № 253. Хочу напомнить, что в мусульманские родословные женщин вписывают лишь в исключительных случаях, и то женщин знатных, одаренных, чем-то прославившихся. Бибигафифа была, видимо, именно такой женщиной.

Один из сыновей Габдельвали Хасан-хажи был нашим прадедом, имевшим трех детей: сыновей Хамзу, Ахметгали и дочь Галию. Вот **Хамза** и был нашим дедом по матери.

Отдельно надо сказать о брате Хасана Исхаке.

Он тоже совершил хадж и звали его соответственно Исхак-бай-хажи (1830-1911 гг.). В 70-х годах 19 века он обосновался в городе Верном (ныне Алматы)¹, и добился звания купца первой гильдии. Его жена была представительницей знатной татарской семьи из Семипалатинска.

1 «Эхо веков», № 1-2, 2003.

ИСХАК ГАБДУЛВАЛИЕВ:



татарский купец и благотворитель

Из журнала «Эхо веков», №№ 1-2, 2003

Тогда считалось, что каждый правоверный мусульманин должен уметь читать Коран. Поэтому грамотность – умение читать и писать было довольно широко распространено среди татар. В 18-19 веках в Кукмаре, и селе Мячкара были медресе и другие школы, в программу которых вводилось преподавание русского языка, а также школы, в которых занятия полностью велись на русском языке.

Вполне возможно, что Хамза сначала учился в медресе, а затем в русской школе, потому что по тем временам он был высокообразованным, всесторонне развитым человеком: Хамза читал и писал по-татарски, знал арабскую письменность, хорошо владел русским языком и кириллицей и знал толк в купеческом деле.

Хамза смолоду начал заниматься купеческим делом, особенно его привлекала торговля мануфактурой (тканями). К 30 годам он имел уже хорошие торговые связи с другими городами и странами и приличное состояние. В Мячкяре ему стало тесно, потому что в целом в Поволжье, где торговля процветала с прошлых веков и все перспективные направления были уже схвачены старшими предприимчивыми людьми, в том числе Утямышевыми, которые во второй половине 19 века «были своеобразными монополистами на Казанском рынке»¹.

Исхак-бай-хажи в это время обосновался в Центральной Азии, имел большие магазины в г. Верном, открыл медресе и занимался просветительством и благотворительностью. Скорее всего, это он посоветовал Хамзе приехать в Киргизию и развить свое дело там.

В один из дней (примерно 1880 год) Хамза покинул многочисленную родню, молодую жену с сыном и отправился в путешествие вместе с караваном, шедшим по Великому Шелковому пути из Оренбурга в Китай. Он хотел увидеть новые земли, найти новые рынки, обрести новых партнеров и развернуть свою торговлю на международном уровне, чтобы преумножить свое богатство.

Одним из пунктов следования каравана был город Каракол², расположенный на берегу озера Иссык-Куль.

Хамза был настолько очарован озером и его природой, что, не раздумывая, отстал от каравана. Оценив обстановку, смекалистый купец решил открыть на первых порах небольшое дело. Для этого он сначала подружился с местными деловыми людьми, изучил спрос, потом открыл свое дело: Из России Абдувалиев возил ткани. Переезжая на телегах с

1 Кукморский край, Казань – 2008, С.161

2 Каракол – ныне административный центр Иссык-Кульской области Кыргызстана. Он расположен в восточной части Иссык-Кульской котловины. Город был основан в 1869 году как административный центр уезда. Место было выбрано на караванном пути в Кульжу. Население города сначала росло преимущественно за счет переселенцев: узбеков, татар, уйгуров, дунган, русских и украинцев. Жители занимались земледелием, ремеслом, торговлей, скотоводством, извозом. После смерти великого русского путешественника Н. М. Пржевальского, умершего в 1888 году в Караколе, город получает его имя. В начале 90-х годов XX века городу возвращается историческое название – Каракол.

одного постоянного двора на другой, ночевал в караван-сараях, менял лошадей, телеги и, наконец, приезжал на кыргызскую землю. Хамза развозил ткани по разным жайлоо. Если раньше местные женщины довольствовались тем товаром, что им привозили из города Каракол отцы или мужья, то теперь у них появилась возможность собственного выбора.

Характер у Хамзы был своенравный, крутой, но, поскольку он был человеком дела и чести, слов на ветер не бросал, оттого и приобрел в местных деловых кругах репутацию достойного и справедливого партнера, надежного друга. Благодаря своей предприимчивости и трудолюбию купец Х. Абдувалиев прочно встал на ноги. Пригласил на Иссык-Куль младшего брата и сестру – Ахмедгали и Галию. Теперь братья Абдувалиевы вели совместное дело. А Галия на Иссык-Куле вышла замуж за самого богатого скотопромышленника Гали-хажи Рафикова.

«Разнообразные фабрично-заводские изделия продавались в торговых точках, принадлежавших Абдувалиевым: мануфактура и галантерея, железно-скобяные товары, лаки, краски и олифа, волос и щетина. Можно удивляться деловой предприимчивости Хамзы, который, заведя связи с кыргызскими скотопромышленниками, построил кожевенный завод в южной части Каракола. Его продукция находила сбыт в городе и уезде и даже в Центральной России»¹.

Так как Хамза длительное время находился вдали от семьи, по шариату он мог жениться еще раз. Его вторая жена Газиза² родилась в знатной татарской семье в Сибири (г. Семипалатинск). Она была сестрой жены Исхак-бая, дяди Хамзы. Исхак-бай-хажи к этому времени уже достиг высокого положения и стал одним из ярких представителей религиозной элиты Центральной Азии. Он был единственным купцом I гильдии в городе Верном. В высших кругах тогда состоятельные семьи стремились породниться с семьями, имеющими не менее высокое положение в обществе. Тот факт, что Хамза мог жениться на дочери столь предста-

1 «Хамза – дед Чингиза», Р. Абдувалиев, газета «Слово Кыргызстана» 9 октября 1993 г.

2 В советское время такие корни не особенно поощрялись, и все-таки во время одного из приемов, который устроил Динмухамед Кунаев Чингизу Айтматову в Алматы, речь шла о том, что Газиза имеет общие корни с матерью Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана.

вительной семьи, свидетельствует о том, что с ним считались. Это было, примерно в 1887 году, ему было уже около 35-37 лет.

Говорят, что Газиза была среднего роста, статная, белокожая, овальное лицо с прямым носом, глаза с большим красивым разрезом... Она была воспитана в чисто религиозных традициях, имела спокойный и ровный характер, и это, по-видимому, помогало ей гасить необузданный темперамент вспыльчивого мужа.



*Хамза (крайний справа) с семьей, Нагима в первом ряду рядом с отцом
г. Каракол, 1909 (?)*

Может быть, поэтому им удалось создать большую, состоятельную, благочестивую семью. У них родилось восемь детей, четверо сыновей и четыре дочери: Шариф, Зайнаб, Сабир, Мухаммат, Гульша, Асьма, Наги-ма, Абдулла. Восемь детей – восемь разных характеров: это умный, способный, начитанный, умеющий создавать вокруг себя доброжелательную обстановку Сабир; добрый, внимательный, готовый отдать послед-

нее тому, кто в чем-то нуждается, Шариф; замкнутый, неразговорчивый Мухаммат; себялюбивая, гордая Гульша; заботливый, общительный Абдулла... Из восьмерых самой похожей на свою мать и по внешности, и по характеру была Нагима.

Воспитанию и образованию детей в семье Абдувалиевых придавалось особое значение. Все дети: и мальчики, и девочки (кроме Асьмы, она была больна), сначала учились в медресе (мусульманской школе), а затем – в русской школе. Наша мама, Нагима Айтматова, окончила женскую гимназию города Каракол¹. Дядя Сабир *«рано проявил способности к знаниям: сначала он окончил духовную семинарию «Иж-Буби», затем коммерческое училище в Ташкенте. Первая мировая война застала его за границей в Берлине, где он учился на курсах по животноводству»*². Во время каникул Сабир имел возможность путешествовать, знакомиться с другими странами. Об этом свидетельствуют фотографии Сабира, где он снялся во Франции в городе Канны. По тому, как он одет (в модной шляпе и сюртуке), видно, что он принадлежал к элитной молодежи. Шариф закончил коммерческую школу в Ташкенте, а Мухаммат по специальности был бухгалтером.

Торговые дела Хамзы и его брата шли успешно, связи все более и более укреплялись и расширялись. Они купили баржу, которая перевозила грузы из Рыбачьево³ в Каракол и обратно. Построили торговые ряды, напоминавшие «Гостиный двор» в Санкт-Петербурге.

В то время информацию о том, какую продукцию и где в Центральной Азии можно приобрести, печатали в «Сибирском торгово-промышленном ежегоднике». В частности, самый ранний номер этого журнала, сохранившийся в национальной библиотеке КР, датируется 1896 годом. В нем, а также в ежегодниках за 1901 год (стр. 164), 1913-1915 гг. приводятся адреса магазинов и фабрик, принадлежащих братьям Абдувалиевым, а также перечисляется, что там производится и продается.

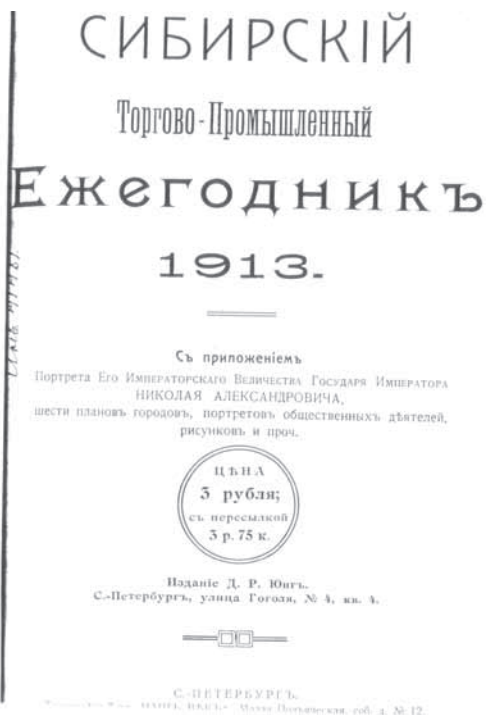
1 Женской гимназии Каракола в 2013 году исполнилось 120 лет. Добротное и красивое здание гимназии является архитектурным памятником г. Каракола.

2 Из воспоминаний дочери Сабира – Асии Абдувалиевой.

3 Ныне город Балыкчы.



Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ.



Обложка журнала «Ежегодник» за 1913 г.

Х. Абдувалиев пользовался уважением горожан не только за деловые, но и высокие человеческие качества, за свои принципиальность и гуманность. Об этом говорит следующий факт: в 1907 году он состоял в числе горожан, имевших право избирать выборщиков в Государственную Думу. В 1908 году как домовладелец значился в списке каракольцев, избравших депутатов городского общественного самоуправления. Его недвижимое имущество составляло по городской оценке тех лет 1120 рублей золотом, с которого он аккуратно и добросовестно уплачивал сборы и налоги в пользу города.

Занимался Хамза и благотворительностью. Об этом, пожалуй, лучше всего свидетельствует обращение к имущим людям с призывом оказы-

вать помощь бедствующим кыргызам¹, неустроенным русским новоселам и голодающим горожанам. Это обращение было опубликовано в весеннем номере газеты «Семиреченские областные ведомости» за 1913 год. Подписали его 6 человек: генерал-майор Я. И. Корольков, член русского географического общества, городской староста Власов и работники торговой системы Х. Абдувалиев, Сулейманов, Ильин и Рафиков.

Как бы ни процветали дела, как бы ни приумножались богатства семьи, Абдувалиевы строго следили не только за обучением детей, но и привитием им трудовых навыков. Сам глава семьи очень любил разводить сады и сажать цветы - это было его хобби. Из разных городов Российской империи привозил саженцы элитных сортов яблок, скрещивал их с лучшими местными сортами. Возможно, основу для выведения ныне знаменитых превосходных сортов создал Хамза. Сам высаживал также около дома роскошные клумбы, цветы в своем саду. Все сопутствующие работы он делал не только сам, но и привлекал к этому детей. Они все копали, сажали, подрезали, поливали... Вот что рассказывает внучка Хамзы, дочь Сабира – Асия Сабировна²:

«... Дед с сыновьями посадил яблоневый сад (8 десятин) на окраине Каракола, вдоль дороги, ведущей в Тамгу, Жети-Огуз. Сад очень хорошо содержался, приносил большой урожай. Было в нем много сортов яблок, а между рядами засеивали клевером. Там был дом, где жил сторож со своей семьей, а рядом склад – кладовая для яблок. В кладовой было много полок, на которых хранили зимние сорта плодов. Дедушка брал меня с собой, мы перебирали яблоки, часть оставляли на хранение на складе, а часть брали с собой домой. Делал он и яблочное вино, и уксус. Больше всего я восхищалась центральной аллеей, засаженной елями и шиповником. Слева от аллеи была великоленная беседка, увитая хмелем. Бабушка (Газиза) зара-

1 1913 год выдался очень тяжелым: суровые холода, болезни, джут – массовый падеж скота.

2 Она скончалась в 2011 году в возрасте 92 лет в Москве. Во время ВОВ служила в рядах Красной Армии, была военным врачом. Ее муж – К. И. Гореленко в 60-70-х годах работал заместителем министра обороны СССР.

нее готовилась к поездке: пекла пироги, жарила пирожки, брала для угощения большой семьи много всяких вкусных яств.

В 1963 году¹, когда мы с супругом приезжали на Иссык-Куль отдохнуть, я специально поехала автобусом из Каракола в Жети-Огуз, чтобы увидеть еще раз родные места. Автобус остановился возле нашего сада, и я слышала, как объявили название остановки: «Абдувалиевский сад»...»

Мама часто вспоминала свое счастливое детство в отчем доме. Жили они в двухэтажном доме, с прекрасным садом и цветниками. По праздникам она вспоминала, как отмечались в их семье «Ураза гайт» (Орозо айт), «Курбан гайт» (Курман-айт), «Наврүз», когда к ним приходило много гостей, причем обильные угощения готовились и для богатых, и для бедных. Был обычай на праздники детям обязательно надевать новые наряды. Газиза заранее раздавала ткани бедным семьям, чтобы они сшили новые наряды своим девочкам.

В отчем доме на втором этаже имелаась девичья половина, состоявшая из нескольких просторных комнат. Одна из них была девичья гостиная. В гостиной на столе, накрытом красивой скатертью, всегда стояли вазы с цветами, фруктами, сладостями, а на полу были расстелены шикарные персидские ковры. Здесь часто останавливались дорогие гости – подруги дочерей и дочери родственников.

В девичьем зале собирались не только девушки, сюда приходили и братья со своими друзьями. Старший брат Сабир был общительным и обаятельным веселым юношей. Получив образование в Европе, он приобщился к западной культуре и литературе. Молодежь тянулась к нему. И Сабир, как и многие другие, был охвачен революционными идеями. Он и его друзья читали Пушкина, Лермонтова, Тукая, ставили самодельные спектакли по произведениям татарских писателей. Нагима часто играла в них небольшие роли. Мамина родственница Хадия Абдулина² вспоминала о своих посещениях известной гостиной. По ее словам,

1 В 1963 году Асия с мужем специально приезжали на Иссык-Куль, чтобы увидеть родные места.

2 Она длительное время работала в школе № 5 г. Фрунзе учителем математики.

войти в контингент визитеров дома Абдувалиевых было престижно для лучшей молодежи Каракола.

Неизгладимое впечатление в душах всех членов семьи Абдувалиевых оставил 1916 год¹, когда кыргызы вынуждены были бежать в Китай, спасаясь от расправы царских колонизаторов. Как-то вечером к ним во двор забежал мальчик-кыргыз лет пятнадцати-шестнадцати, видимо, отстал от своих. Хамза не растерялся и быстро спрятал его в стоге сена в саду. После обхода жандармов он привел юношу в дом, умыл, передел в татарскую одежду, чтобы в случае чего подумали, что это их работник-татарин, накормил и уложил спать. А рано утром снова спрятал в сене. Днем Нагима носила ему еду. При этом соблюдалась конспирация: братья и сестры гурьбой шли к стогу, как будто бы играть. Обратную пустую посуду Нагима также несла в окружении детей. Отец строго-настрого запретил говорить о мальчике посторонним, даже ближайшим родственникам. Но подросток не смог выдержать столь долгий срок «заточения», он очень хотел выйти на улицу.

– Как там? Может, все уже успокоилось? Тяжело без дела лежать в сене. Быть может, я как-нибудь убегу в Китай и найду родителей?

– Нет, ни в коем случае не делай этого. Я сам тебе скажу, когда можно будет. Я помогу тебе! Потерпи.

Но мальчик не вытерпел. Вышел днем из стога и пошел на базарную площадь. И не дошел до нее. Его схватили жандармы. Допрашивали... Но мальчик не отвечал. И тогда жандармы жестоко расправились с ним.

Хамза был вне себя, узнав о трагедии. Досталось всем, и детям, и жене.

– Как вы могли не проследить за ним, как вы могли отпустить мальчика на смерть! Ну ладно, дети, а ты, Газиза? Я же тебя предупреждал! Ведь никому от него не было зла, ни в чем не повинный, ангельски чистый ребенок. А я уже искал связи, по которым можно было бы его вывезти и переправить в Китай к его родителям... – он двумя руками сжал

¹ Тогда случилось народное восстание, зверски подавленное царской армией.

голову. – Это ведь грех на наши души! Могли спасти человека, но не спасли... Потом он сам прочитал молитву, посвятил ее убиенному и в конце попросил бога, чтобы он дал ему место в раю. Все в доме, и старшие, и дети, очень переживали о случившемся.

С приходом советской власти Абдувалиев, по рассказам мамы¹, правильно оценил обстановку. Психологически он был подготовлен революционно настроенным старшим сыном Сабиром к переменам в общественном строе и потому был готов к тому, что его все движимое и недвижимое имущество будет муниципализировано и национализировано. Так и случилось. Дома, магазины, сады, баржа, средства передвижения для зимнего и летнего периода, а также сбережения, накопленные за всю жизнь – все это перешло во владение большевиков. Взамен Хамза получил маленький двухкомнатный домик возле любимого сада. Там они и стали жить с женой. Все дети уже выросли, стали самостоятельными и разъехались. А Хамза занимался своим любимым делом – садоводством. Ежегодно урожай сдавал государству.

В 1925 году Нагима закончила вторую ступень школы, ей уже был 21 год. Пыталась поступить в медицинский техникум, но из-за «байского происхождения» не была допущена к вступительным экзаменам. Надо было работать, чтобы доказать свою преданность советской власти. Тогда нарасхват были девушки, свободно говорившие по-русски и по-кыргызски и печатавшие на машинке. Чтобы быстро печатать, Нагима поступила на курсы стенографисток. Мне довелось ознакомиться с анкетой, которую заполняла мама при поступлении на эти курсы. В графе «происхождение» указано – «крестьянское». В графе «род занятий родителей» – «садоводство». Она была вынуждена приписать себе низкое социальное происхождение, иначе бы ее не приняли на курсы. Правда, в тот период ее родители действительно были садоводами. По окончании курсов стенографисток Нагима устроилась работать в обком комсомола, где чуть позднее произошла ее судьбоносная встреча с Торекулом Айтматовым.

1 Возможно, мама, боясь, что мы, дети, проговоримся о том, что она дочь очень богатого человека, старалась внушить нам, что дед Хамза был лоялен к советской власти, всячески ее поддерживал, сочувствовал.

В тридцатые годы дети начали «разлетаться» из родового гнезда Хамзы. После различных препятствий и преследований советской власти, опасаясь репрессий, молодые Абдувалиевы вынуждены были мигрировать в разные стороны: кто в Ташкент, кто в Фергану, кто в Маргилан.

Старший брат Нагимы Сабир вынужден был уехать в Узбекистан. В 1930 году в Самаркандской области он организовал животноводческий колхоз, одним из направлений хозяйственной деятельности которого было выведение породистых лошадей. Однако, в 1934 году его обвинили во вредительстве и арестовали. Просидел он в Самаркандской тюрьме меньше суток, ночью арестовали, а к утру расстреляли. В 1956-57 гг., когда проводилась реабилитация необоснованно арестованных, был послан запрос в Самаркандский НКВД с просьбой дать информацию о судьбе Абдувалиева Сабира. Оказалось, что его казнили без суда и следствия, на него вообще не было заведено даже следственного дела.

Дети брата и сестры Хамзы тоже оказались в подобном положении. Сын Галии Касым¹ после неудачной попытки пересечь границу Китая попал в Талас, где нашел убежище в селе Кызыл-Жылдыз Манасского района, находившимся рядом с аиллом Жийде, где в эти же годы проживала наша семья (такое совпадение).

У Касыма было трое детей: сын Рафик, дочери Равила и Раиса. Сам Касым тяжело болел, не мог передвигаться и трудиться. Его жена Рабига работала в торговой сфере.

В годы войны в селе Кызыл-Жылдыз находилась машино-тракторная станция (МТС), куда бухгалтера всех колхозов и совхозов, в том числе и Нагима, ежемесячно сдавали отчет об использовании техники. А дом, в котором проживал Касым со своей семьей, находился прямо напротив конторы МТС. Однажды Нагима, как обычно, прибыла в Кызыл-Жылдыз сдавать очередной отчет. Она подъехала, спешила и направилась в администрацию МТС. В это время ее увидел Касым, сидевший у окна. От неожиданности он на миг опешил:

– Рабига! – крикнул он и от радости буквально потерял голос.

¹ Семья, к которой принадлежал Касым, была одной из самых богатых в Караколе.

Потом, немного успокоившись, сказал:

– Рабига! Смотри, это же Нагима! Беги, приведи ее сюда.

Историю этой встречи мне рассказывала Рабига-апай через много лет после кончины Нагимы:

– Я видела со стороны и ощущала, насколько эта встреча была трепетной и трогательной.

...Они смотрели друг на друга и не верили своим глазам. В их взглядах были и радость, и печаль, и обида... Видно было, что они соскучились! В одно мгновение перед ними пролетело их счастливое детство, благодатный родительский дом. Они вспоминали своих родных и близких и спрашивали друг у друга, что о них известно, сострадали и сочувствовали друг другу. Обида на судьбу и досада, безвыходное положение... У них то наворачивались слезы на глаза, то они мило и нежно говорили о своих детях, с усмешкой – о своем нынешнем положении. Видно было, что они очень хорошо воспитаны: несмотря на неудачи, которые их преследуют, они были выдержанны и очень вежливы в разговоре. Это были истинно культурные люди. Испытав такие невзгоды и страдания, они не сломились, остались незлобивыми и успокаивали друг друга, как могли. На то есть воля божья: раз Бог послал им это испытание, они должны вынести все.

Через два месяца после этой встречи Касым умер в Кировской¹ больнице.

Рабига-апай хорошо поднималась по служебной лестнице в районе, затем и в области. Рабига и Нагима всегда старались быть опорой друг другу, ведь в этом краю они были одни...

Дети Касыма и Рабиги выросли прекрасными людьми, особенно выделялся Рафик. Он закончил Ташкентский политехнический институт. Был очень грамотным, компетентным инженером, работал директором нескольких заводов, в том числе, завода Контрольно-измерительных приборов (КИП). К сожалению, Рафик рано умер.

В последнее время в архивах города Каракол были обнаружены документы, **согласно которым Хамза не хотел просто так отдавать со-**

¹ Кировка – ныне с. Кызыл-Адыр.

ветской власти имущество, нажитое и накопленное тяжелым и честным трудом. Это были письма, заявления, в которых он старался доказать, что его дом был конфискован с нарушением закона. Однако советская власть отобрала у него все, таков был «революционный порядок».

Итак, с одной стороны, Хамза вырастил прекрасный сад на берегу реки Каракол, посадил дивную арчовую аллею, поставил уютную беседку. Он щедро делился со своими кыргызскими друзьями секретами садоводства. А с другой стороны, их с женой расстраивало, что с ними рядом нет детей. Конечно, они всегда навещали родителей. Но... это совсем другое.

В 1930 году Сабир забрал отца с матерью в Ташкент. Через год умерла бабушка Газиза. Нагима, беременная Ильгизом, должна была вот-вот родить и просто физически не могла выехать на похороны. Она сильно переживала, что не выполнила святой долг дочери. Теперь дед остался один.словно пара верных лебедей, Хамза с Газизой при жизни никогда не разлучались. Как только любимая покинула этот мир, бабушка, не вынеся одиночества, вскоре тоже умер.

В мамином архиве я нашла письма, написанные арабской графикой. Это были письма ее братьев Мухаммата и Шарифа, присланные с фронта. Каждый раз, перечитывая их, я думаю, каково было тогда маме, ведь она была одна, ей не с кем было даже поделиться своими горестями.

Одно из писем Шарифа-абзия¹ датировано 6 марта 1944 года. Чувствуется, что он расстроен: его призвали на военную службу, хотя ему шел уже шестой десяток (он был участником Первой Мировой войны). У него в Ташкенте оставались больная жена Зайнаб и трое сыновей: Фарид, Рустам и Ринат. Шариф-абзий особо подчеркнул, что все они очень были расстроены его отъездом на фронт². Зайнаб вскоре умерла. Через полгода после призыва в армию Шариф-абзий погиб.

Мухаммат-абзий писал из Восточной Пруссии. Он беспокоился, что нет писем от «дорогого брата Шарифа» (видимо, от него скрывали факт

1 Абзий – мама говорила, что у татар так обращаются к старшим мужчинам (замечание автора).

2 Ему было 56 лет, он уже участвовал в первой мировой войне.

гибели Шарифа – не хотели расстраивать). В письме он молил бога, чтобы помог всем родственникам встретиться в здравии. Мухаммат вернулся с войны с ранениями, тяжело больным.

Дядя не любил ставить даты в своих письмах. Поэтому и его последнее письмо пришло без упоминания числа, месяца и года. Правда, по событиям, на которые Мухаммат ссылается, можно понять, что написано оно было после женитьбы Чингиза и рождения Санжара, то есть в 1955 или 1956 году. Это короткое, всего на полстраницы послание. Я его приведу полностью:

«Дорогая сестрёнка Нагимакай, дорогие дети, сноха! Приветствую всех Вас!

Нагима, это, наверное, будет моим последним письмом. Изю дня в день моё здоровье ухудшается. Но ты не переживай, это закон природы: там, где есть жизнь – есть смерть. Если со мной что случится, прощай, будь счастлива. Благодарен тебе, будь и ты мне благодарна. Единственная просьба, когда найдёшь время и будешь читать молитву, посвети её мне тоже (у него не было своих детей, которые по долгу должны были это делать). Живи счастливо со своими детьми, ты заслужила это, какие трудности ты сумела перенести и победить.

Я мечтал съездить к тебе, когда потеплеет, поздравить со снохой и внуком, это такое хорошее событие, это же счастье – женить сына. Я так был рад за тебя и мне хотелось съездить, разделить твою радость... Но не судьба.

Но, если вдруг бог будет милостив и мне станет лучше, то, может быть, приеду. Будь здорова. Будь счастлива.

Твой старший брат Мухамматжан».

Вскоре дядя Мухаммат умер.

Сын тети Гульши, Асфандияр Чанышев работал в системе соцобеспечения в Покровке. Во время послевоенной денежной реформы была арестована большая группа финансовых работников, в том числе и Асфандияр. Тетя Гульша не смогла вынести такого удара судьбы и в 1949 году умерла. В это время мы жили тоже в Покровке. Мама сама хоро-

нила ее. Большую помощь ей оказывала Рабига апай. Вскоре после ее смерти очень быстро Асфандияр был оправдан. Со своей семьей он жил и трудился в Джалал-Абадской области.

Троих сыновей Шарифа воспитал Абдулла – младший брат мамы. Его дочь Нэля живет в Ташкенте, у нее там – семья, дети, внуки...

Единственная дочь Сабира – девяностодвухлетняя Асия – в Москве. Дольше всех своих братьев и сестер прожила наша мама – Нагима.

Размышляя о прошлом, мне приходит такая мысль: плоды труда тех, кто в жизни честно трудился, не был бездельником, создавал ценности, даже после их смерти продолжают приносить пользу людям. Мой дедушка Хамза и его сыновья создали торговую систему, которая по сей день служит экономике Каракола и в целом Кыргызстана. Торговые ряды, построенные по аналогии с питерским «Гостиным двором», сегодня превратились в частные «комки». В конце 90-х, будучи в Караколе, я зашла в один из ларьков, где торговал молодой человек. Одна из сопровождающих меня женщин спросила его:

– Вы знаете Чингиза Айтматова? Это – магазин его деда! – Но парень никак не отреагировал на эту реплику.

Я же решилакупить незатейливую вещицу на счастье. Уходя, подумала, что и это время лихолетья пройдет, и в торговлю придут думающие, читающие, образованные люди, и с этой мыслью покинула магазинчик. Потом пошла к Красному дому на улице Токтогула, в котором родилась моя мама. Наверху над входной дверью, в круге, указана дата – 1901. В течение длительного времени здесь находился рентген-кабинет. Сколько людям здесь помогли поставить правильный диагноз!..

После рождения Нагимы Хамза решил, что в этом доме стало тесно его семье, и купил другой, двухэтажный особняк. Он находился на углу улиц имени Крупской и Октябрьской. Именно в этом доме была известная на весь Каракол девичья гостиная Абдувалиевых. В советское время в отчем доме моей мамы располагалась школа. Сколько детей, обучаясь в этой школе, получили знания и путевку в жизнь.

Яблоневый сад, выращенный Хамзой и его сыновьями, тоже оказал большое влияние на развитие садоводства в Иссык-Кульской области.

Абдувалиевы одними из первых начали заниматься развитием садоводства в регионе, и сейчас на Иссык-Куле нет ни одного двора, в котором не было бы сада. Их сады украшают и без того красивую природу Иссык-Куля, они приумножают благосостояние народа.

Как говорят в народе, «вода течет по тому арыку (руслу), где и раньше вода текла». Как бы советская власть ни преследовала потомков Хамзы, они унаследовали от него его самые лучшие качества. Все они выросли честными, порядочными, принципиальными людьми, которые могли бы украсить любое общество.

Как известно, в XIX веке в Каракол приезжали мужественные, не боящиеся трудностей, предприимчивые люди из разных стран. Своим неустанным трудом они превратили его в крупный уездный и административный центр. Слава о Караколе как о благодатном крае разносилась во все концы Центральной Азии и за ее пределы, деловые люди стремились попасть в этот город. К сожалению, сегодня многие горожане покидают Каракол в поисках лучшей доли. А так хочется, чтобы к Караколу вернулась былая слава, чтобы каракольцы не уезжали в другие города и страны, а, наоборот, продолжили бы традиции своих предшественников и этим способствовали бы процветанию благосостояния горожан и своего города.

Заканчивая главу о родословной своей матери, Нагимы Хамзиевны, я задаюсь вопросом, что же явилось причиной того, что когда-то в конце 19 века заставило нашего деда Хамзу оставить обжитые, благополучные края и поехать в неизвестную Киргизию и начинать свое дело там с нуля? И думаю, наверное, судьба, предопределившая рождение известного писателя, Чингиза Айтматова.

АЛЛЕЯ ИМЕНИ НАГИМЫ АЙТМАТОВОЙ

1992 год. Я получила путевку на курорт «Джалал-Абад» и была безмерно рада, потому что появилась возможность не только поправить здоровье, но и повидать аллею, которая названа в честь нашей мамы, Нагимы Айтматовой.



*Дом, в котором родилась Нагима,
г. Каракол*

Еще в феврале этого года мой брат Ильгиз, приехав в командировку в Джалал-Абад, прямо с дороги попал на митинг, посвященный присвоению имени Нагимы Айтматовой центральной аллее города. Это было для него неожиданностью, и он был настолько тронут и взволнован, что при выступлении на его глаза навернулись слезы. Об этом я прочла в газетах. Как только брат вернулся в Бишкек, я поспешила встретиться с ним, чтобы узнать все подробности. Ильгиз привез с собой постановление Джалал-Абадского городского совета и текст речи, с которой выступил на митинге его председатель.

В Джалал-Абаде я не первый раз. Как и прежде, с трепетом сошла с трапа самолета и ступила на землю, по которой когда-то ходили мои родители. Тогда они были молоды и счастливы...

На следующий день после приезда я спустилась с возвышенности, где находится курорт, в город. Думала зайти в краеведческий музей, а потом посетить «мамину» аллею. Но музей был закрыт. Зато аллея – вся в цвету! Ведь август месяц! Широкая, не очень длинная, она по центру вдоль всей длины была засажена цветами. Цветы огорожены красивой узорчатой решеткой серебристого цвета, а аллея заканчивается прямо у входа в здание горсовета.

Цветы на клумбе аллеи были нежного спокойного цвета: белые, нежно-сиреневые, розовые... Если бы они росли по отдельности в разных местах, наверное, на них никто не обратил бы внимания. Но вместе они создавали ощущение тепла и уюта, действовали успокаивающе и в то же время вызывали чувство чистоты и торжественности. Странно, я здесь почувствовала себя так, словно нахожусь рядом с мамой. Подошла к решетке, присела, обхватила несколько кустов, как бы обняла эти цветы. От них исходил нежный приятный аромат. Я плакала. Благо рядом никого не было, наверное, со стороны выглядело бы странно. Нахлынули воспоминания.

Война... Голод... Холод...

Мы живем в аиле Джийде 1 в чабанском домике с плоской крышей. Хозяин вместе с семьей в горах – пасет колхозный скот. Наше жилище состоит из прихожей и одной комнаты. Пол земляной, маленькое окошечко, на покосившейся двери нет даже крючка: к ночи завязываемся



*Нагима Айтматова
г. Каракол, 1917 г.*

веревочками. Топим соломой, кураем, на случай сильных морозов заготовлено немного дров и кизяка.

Люди живут вестями с фронта. Едва ли не единственный грамотный человек здесь – жена «врага народа» Нагима Айтматова. Она читает русские и кыргызские газеты, а затем пересказывает прочитанное понятными словами. Мама - простой, доступный и доброжелательный человек, поэтому часто вечерами к нам заходят соседки и просят объяснить, что делается на войне, и вообще, что нас ждет впереди. Некоторые приносят прочесть письма с передовой и спрашивают, где находится, на каком расстоянии от Джийде тот или иной фронт.

И только получив исчерпывающие ответы, они замечают, как Нагима устала после работы. А ведь она тоже без мужа тянет четверых детей, да к тому же тяжело больна. Мучительные боли усиливались к вечеру. Суставы рук вспухали, краснели и становились очень горячими. Я своими маленькими пальцами пыталась массировать их, очень хотела облегчить маме боль. Но проку от моих стараний не было. У нее развивался тяжелой формы деформирующий полиартрит. К утру она начинала задыхаться от приступа бронхиальной астмы. Лекарств нет, даже болеутоляющих.

– Нагима-апа, с каждым днем вам все хуже и хуже, показались бы врачу или целителю...

Я сижу, массирую суставы маминых рук и слушаю разговоры женщин.

– Нагима-апа, от Вашего мужа есть вести? – интересуется одна.

– Нет.

– Да Вы не беспокойтесь, будут еще, – говорит другая.

– А каким был Ваш муж? Говорят, грамотный, умный, красивый и на высокой должности работал. Это правда? А еще говорят, что вы жили в самой Москве и приехали прямо оттуда?

– Да.

Одна из соседок, что помоложе, бежит растапливать печь, ставит чайник, другая рубит дрова, третья готовит дасторкон (накрывает на скатерть). Потом все взрослые и дети вместе пьют чай с кукурузными лепешками и рассматривают наш семейный фотоальбом.

– Действительно, ваш муж очень необыкновенный. Какой красивый! А это, видно, вы фотографировались сразу после женитьбы. Как вы подходите друг другу! Оба красивые, культурные, грамотные. Такую женщину, наверное, невозможно не любить. А как вы поженились? По любви? Или он украл вас?

– По любви. Мой муж души не чает во мне и детях. Он хороший человек. И я его очень люблю.

– Ну а что, вы никуда не обращались, не узнавали, в чем его обвиняют? И вообще, что с ним сделали?

– Обращалась. Даже на имя Берии письмо написала. Просила пересмотреть его дело. Ведь я точно знаю, что Торекул ни в чем не виноват.

– Ответ получили?

– Все тот же: осужден правильно на десять лет без права переписки. Я не могу даже узнать, где он находится.

– Ой, Нагима-апа, как вам тяжело лишиться такого мужа! Одной остаться с четырьмя детьми... Да еще здоровье плохое! И самое главное, приехали из Москвы – и в такую дыру, как наше село Джийде.

– Ну что ты, Джийде замечательный аил, и люди здесь добрые. Но неизвестность судьбы мужа мучает меня: день и ночь о нем думаю. Что с ним, где он?

– А знаете, что я слышала? – сказала наша ближайшая соседка Укю¹. – В село Пушкино² привезли много греков с Кавказа, и среди них есть одна женщина, которая хорошо гадает. Может быть, Вам сходить к ней погадать?

Через несколько дней у нас опять собрались соседки, послушать, что же сказала гадалка Айвазита³ маме:

– Сначала она приготовила кофе и дала мне выпить, а чашку перевернула. Гуща, в течение получаса растекаясь по ее дну и стенкам, образовала рисунок. Рассматривая узор, Айвазита говорила, что мой муж

1 Укю – наша соседка (ныне ее сын Алымбай Султанов – известный государственный деятель, экс-депутат)

2 Пушкино – это село, которое ныне называется «Чон капка»

3 Фамилия этой гадалки была Айвазиди, но среди населения ее называли Айвазита, будто – это ее имя.



*Нагима и старшая сестра Гульшира
г. Каракол, 1911 г.*

сейчас вдали от меня. На душе у меня камень, я в отчаянии, много горя свалилось на мою голову. Гречанка увидела, что у меня четверо детей и что из Джийде я уеду, но только через десять лет. Мол, нашу семью увезет мой старший сын. Он станет известным на весь мир. Да и другие дети вырастут хорошими людьми.

Тут ворожея замолчала.

– Ну а что же с мужем? Мне нужен этот ответ, – заволновалась мама.

– Муж вернется, только не скоро. Пока детей придется растить тебе одной.

Нагима не знала, верить или не верить предсказаниям. Быть может, в другое время она и не обратила бы на них внимания, но в ее отчаянном положении нужна была вера в будущее. Поэтому, с одной стороны, мама как будто обретала надежду, а с другой, сомневалась в словах гадалки о судьбе отца.

Пророческие слова Айвазиди об успешной судьбе старшего сына напомнили ей, как переживал Торекул из-за того, что Чингиз очень впечатлительный, жалостливый по отношению к людям, терпящим насилие и несправедливость, а мужчине надо бы быть более мужественным.

Помолчав, мама добавила:

– А Айвазита говорит, мол, Чингиз будет известен на весь мир... Ай не знаю... Сейчас еам лишь бы выжить до возвращения Торекула. Когда вернется отец, станет легче, тогда будем думать об остальном...

Позже, когда Чингиз начал печататься не только в Союзе, но и за границей, мы всегда удивлялись, как гречанка все верно предсказала. Действительно, мама из тех мест уехала через десять лет, действительно, нашу семью увез оттуда ее старший, как оказалось, совсем даже не слабый (!) сын Чингиз, и действительно он стал известным человеком. Единственное, в чем ошиблась гадалка – отец не вернулся. Сейчас я думаю, может быть, она и видела, что его уже не было в живых, да язык не повернулся сказать правду.

Тогда с нами вместе в Джийде проживала тетя Гульша, мамина старшая сестра. В 1944 году старший брат мамы Шариф-абзий¹, постоянно живший в Ташкенте, был призван в армию. По пути из Ташкента на фронт проездом он оказался в городе Джамбуле, всего в двадцати пяти километрах от Нагимы с Гульшой. Но встретиться им не удалось, поэтому он прислал письмо, которое и поныне хранится в семейном архиве. Оно написано на татарском языке арабской вязью:

«Дорогие мои родственники!

Сегодня, 6 марта 1944 года, я прибыл в Джамбул. Я в отчаянии, что в этом возрасте² мне приходится отправляться в неизвестность. Что делать, против судьбы не пойдешь. Все надежды возлагаю на бога.

Сами как живете? Дети здоровы? Мне так хочется вас увидеть, я очень скучаю. К сожалению, времена такие тяжелые, что нет возможности к вам съездить. Но самое главное, чтобы вы были живы - здоровы, чтобы болезни и напасти прошли мимо вас. Пусть бог вас бережет.

От Мухамета³ регулярно приходят письма.

Сарвар⁴, Галия, Зайнаб⁵, Фарид, Рустам, Ринат⁶ - все живы и здоровы. Они были очень расстроены и подавлены, провожая меня на фронт. Ну, что поделать, на то и воля божья, что предопределено судьбой, того не миновать.

Ну, дорогие мои, будьте счастливы и здоровы. Желаю всего наилучшего. Надеюсь, что бог будет милостив к вам. Прощайте. Всех крепко обнимаю и целую. Молюсь за каждого из вас - мы ведь не знаем, как сложится судьба наша, и, отправляясь туда, в самое пекло,

1 Айвазита – гадалка. По национальности она была гречанка, в наших краях оказалась в результате депортации малых народностей с Кавказа.

2 Ему было 56 лет, он участвовал в Первой мировой войне.

3 Их старший брат, который к тому моменту уже воевал.

4 Жена старшего маминного брата Сабира.

5 Жена Шарифа-абзиза.

6 Дети Шарифа-абзиза.

я возлагаю надежды только на бога.. Передаю привет Асфандияру¹, Чингизу, Ильгизу и малюткам – Люсе с Розой. Поцелуйте их всех от меня.

Шариф, 6.III-44

После того, как мы получили это письмо, из Ташкента пришла печальная весть о смерти Зайнаб-апы. Оказалось, что после отъезда Шарифа на фронт она слегла и вскоре умерла.

Однажды мама получила письмо от своих родственников и горько заплакала. Оказывается, через полгода после того, как Шариф-абзий прислал письмо из Джамбула, он погиб на войне.

Наши соседки собрались и пришли выразить соболезнование маме и тете Гульше. Приготовили кульчатай² и заправили маслом - это было блюдо, посвященное памяти погибшего. После чая мама сама прочитала молитву и просила бога, чтобы он был благосклонен к оставшимся трем сиротам, детям Шарифа Фариду, Рустаму и Ринату³. Ведь они остались круглыми сиротами.

– А я не могу помочь своим племянникам, – говорила мама и горько плакала.

– Ну а что, у вас нет других родственников, чтобы им помочь?

– Родители, старший брат и старшая сестра умерли, еще один брат на войне. Такое время - у каждого свое горе. Самый младший брат – Абдулла, который живет в Караколе, забирает детей Шарифа к себе. А у него очень маленький дом, своя семья еле помещается.

– Ой, как вам тяжело, за всех переживаете: и за мужа, и за братьев своих. А мы пришли и голову вам морочим, о своем горе говорим...

– Что вы, спасибо вам за все. Дай бог, чтобы мужья ваши вернулись целыми и невредимыми с войны.

– Еще и хворь к вам прицепилась. А все из-за потрясений. За короткое время пережить столько невзгод!

1 Сын Гульши.

2 Кульчатай – почетное блюдо, которое готовят и в торжественных случаях, так и в поминальных обрядах.

3 Дети Шарифа

– Ничего, я все перенесу, лишь бы Торекул вернулся, пусть хоть через десять лет. Да, болезнь мучает меня. Днем, в заботах и тревогах еще ничего. Но к вечеру начинаются нестерпимые боли. Уложив детей, допоздна не смыкаю глаз: разные мысли лезут. Иногда, засыпая, молю Бога:

«О Боже! Сделай так, чтобы завтра утром я не проснулась и тогда избавилась бы от этих мучений. Почему на мою голову свалилось столько горя?»

Но потом вдруг слышу, как мерно посапывают во сне мои дети, и мне становится стыдно:

«Прости меня, Боже! За мою слабость, за мои мысли. Умереть легче всего. Если я умру, что будет с детьми? Боже, помоги выдержать трудности, выпавшие на мою долю. Не дай умереть, я все вынесу, пока не вернется Торекул. На кого же я оставлю детей?..»

Тогда, в раннем детстве, я не могла оценить и понять страдания и боль, которые испытывала мама, степень ее самопожертвования ради нас. И только став взрослой женщиной, уже после смерти матери, оценила тот самый сложный период жизни нашей семьи и не перестаю удивляться ее стойкости, терпению, преданности семье и любви.

Да ведь такой неприметный подвиг совершала не она одна, а тысячи женщин – жен репрессированных и не вернувшихся с боев Великой Отечественной войны. И я подумала, что Чолпонбай¹ один раз решился на смерть и бросился на амбразуру ДЗОТа, а они – героини тыла – каждый день шли на смерть, затем вырывали себя из нее, чтобы завтра снова идти на смерть в муках и страданиях.

Кто оценит и отметит подвиг наших матерей? Официально – никто. Но мы, прямые потомки, должны быть достойными их подвига и донести его смысл до наших детей и внуков, до нового поколения.

Времена изменились...

Имя Нагимы Айтматовой присвоено центральной аллее Джалал-Абада, города, где в молодые годы, свято веря в идеи социализма, в лозунги советской власти, честно и праведно жили и трудились наши родители.

¹ Чолпонбай Тюлебердиев – герой Советского Союза, закрывший грудью амбразуру ДЗОТа во время ВОВ.

В Джалал-Абадской городской администрации я попала на собрание председателей квартальных комитетов. Среди них были кыргызы, узбеки, русские, татары. Простые, серьезные лица. Сначала боялась, что меня не поймут. Что им моя боль и личные воспоминания о маме, когда жизнь настолько усложнилась, что даже природа не щадит: одно за другим следуют стихийные бедствия! Я выразила благодарность от имени детей Нагимы Айтматовой за честь и уважение, которое оказали южане, увековечив ее имя:

– Эта аллея посвящена памяти не только Нагимы Айтматовой, но и всех наших женщин, прошедших через муки и испытания, выпавших на долю жен репрессированных.

В конце встречи я внесла денежный взнос в фонд пострадавших от землетрясения и наводнения, случившихся весной 1992 года. Один мужчина по-узбекски заметил:

– Спасибо за ваши искренние пожелания нам добра. Бог возвеличит ваш вклад во много раз.

Я была признательна южанам, понявшим мое душевное состояние:

– Пусть Бог дарует всем вам благополучие!

Думая об отце, я часто перебирала старые семейные фотографии. На них папа запечатлен и с Чингизом, и с Ильгизом, и с Люсей¹. Было странно и обидно, что на этих карточках нет меня. Особенно задевали те, где Люся находилась в центре: круглолицая, хорошенькая девочка в красивом платьице с шикарным белоснежным кружевным воротником. Образ счастливой баловницы, с довольным видом сидевшей между мамой и папой, – а они такие красивые! – до сих пор не покидает мое воображение. Я постоянно носила этот снимок с собой, часто рассматривала его, пока однажды не потеряла.

Много лет спустя, когда однажды решила навестить Люсю, уже бабушку, мне навстречу стремительно выбежала ее внучка Чолпон. Я вдруг увидела, что она совершенная копия той хорошенькой девочки с пропавшей фотографии.

¹ В свидетельстве о рождении она была записана как Люция, а в повседневной жизни мы ее называли Люся.

– Люся, сегодня же сними эту девчущку! Пока она не выросла и не изменилась!

Сейчас, когда моей сестры нет с нами, каждый раз, приходя в ее дом, подхожу к стене, на которой висит фотопортрет, увековечивший Люсю с внучкой, и долго-долго смотрю на них.

– Почему папа со мной ни разу не сфотографировался? Не любил меня? – постоянно спрашивала я маму.

– Как можно было тебя не любить? Просто не успели.

– Мам, а каким человеком был папа? Любил ли он детей? Или, работая на своей важной работе, не успевал заботиться о нас? – не унималась я.

– Отец очень любил детей. Куда бы ни поехал, оттуда своим ребятишкам всегда подарки, игрушки, книжки привозил, – и мама начинала свой очередной рассказ.

– Однажды, когда наша семья жила во Фрунзе на бульваре Дзержинского¹, мы пригласили гостей. Я привела весь дом в порядок. Тогда не знали гарнитуров, все предметы домашнего обихода были простенькими: кровать, стол, этажерка, шкаф, сундук. Самую крохотную комнатку приспособили под кладовку. В сундуке у меня всегда был запас сахара, чая, конфет, кураги. Обычно покрывала его тёшёком², чтобы удобно было сесть передохнуть или же заняться рукоделием. Здесь же в деревянных ящичках хранились крупы и мука. В тот день я приготовила для гостей аппетитный пирог, а сверху украсила его цветами и листьями из теста и поставила в кладовке на этажерку. Сама занялась другими делами. А Чингиз с Ильгизом шныряют туда-сюда, с улицы в дом и снова на улицу. От наведенной чистоты не осталось и следа: с их ботинок то и дело сыпался песок, да еще вдруг они поссорились из-за игрушек. Тогда я рассердилась, отругала хорошенько Чингиза и закрыла в кладовке. А Ильгиза рядом с собой на кухне посадила и продолжила готовиться к встрече гостей. Торекул вернулся с работы.

– Папа! – бросил ему навстречу Ильгиз. Подхватив младшего сынишку, Торекул удивленно спросил:

– Ой! А Чингиз где? Почему он меня не встречает?

1 Ныне это бульвар Эркидик.

2 Стеганое небольшое одеяло.

Я совсем про него забыла. Придя в кладовку, обнаружила, что наш старшенький, обкусав аппетитные цветы и листья с пирога, сладко спит на сундуке.

– Ах, он испортил мне пироги! Как их поставить теперь на стол? – сокрушалась я.

Торекул разбудил сына, приласкал, поцеловал. В мою сторону недовольно смотрит.

– Если детей нельзя наказывать, то как же их воспитывать?

– Неразумно – запирать ребенка в кладовке. Больше так не делай!

– Ты детям даешь слишком много свободы. Но их надо воспитывать в строгости. Хотя бы раз накажи, побей их, – сердилась я.

– Нагый¹, хочешь, сама побей ребят. У меня просто рука не поднимется. И вообще, я не сторонник воспитания битьем. У нас в семье детей никогда не били.

– Какой ты хитрый, хочешь, чтоб сыновья тебя любили, а меня ненавидели. Да?

– Ну, что ты, Нагый! Как можно ненавидеть такого человека, как ты? Мы все тебя любим! – превратив все в шутку, он закрыл тему.

– А уже когда мы жили в Москве, – продолжила свой рассказ мама, – пришла мода на военные рубашки. Все ребята мечтали их носить. Из куска ткани цвета хаки я сшила Чингизу одну, а про Ильгиза подумала – мал еще...

Тогда среди мальчишек модно было носить такие военные рубашки и играть в «войнушку»:



*Чингиз с другом,
с. Кировка, 1944 г.*

¹ Нагый – так ласкательно звал Торекул Нагиму.

...Если завтра война,

Мы так пели вчера,

А сегодня война началась... – всюду звучали эти слова

Ночью Ильгиз, переворачиваясь во сне, со вздохом прошептал:

– Ах! Военная рубашка...

– Нагима, почему же ты Илюше не сшила?

– Просто он не просил, и мне казалось, что ничего еще не понимает.

Да и ткани не хватало.

– Если нет ткани, завтра же распори мою рубашку и сшей Илюше.

А то он все молчит, и лишь во сне проговорился о своей мечте, золотой мой!

Позже, когда маме пришлось одной поднимать четверых детей, она старалась привить им чувство ответственности, воспитать их трудолюбивыми, рациональными, мужественными и в тоже время гуманными и заботливыми.

И время показало, что Нагима выполнила пожелание Торекула: дети выросли достойными людьми, ими гордилась и гордиться страна.

А пока в годы лихолетья единственной опорой ей был старший сын Чингиз.

В 1942 году в аиле Джийде мама работала колхозным бухгалтером и получала оплату в виде трудовой. В зависимости от дохода после различных вычетов начислялась определенная норма зерна разных культур, выращиваемых в колхозе. Для нашей большой семьи это был мизер. Поэтому родственники из Шекера старались помочь. Однажды они собрали семь пудов¹ пшеницы и кукурузы. Мама попросила у председателя колхоза телегу, в которую впрягались две лошади, и на рассвете выехала из Джийде вместе с Чингизом. Они торопились одолеть ущелье, а дальше их путь лежал в Шекер. Чингиз был за извозчика, мама сидела сзади.

Проехали они ущелье, а дальше путь лежал через безлюдное поле. И вдруг Чингиз замечает серую собаку. Уши у нее стояли торчком, и бежала она прямо на них.

¹ Один пуд составляет 16 килограмм.

– Мама, мама! Посмотри, собака за нами увязалась! – показывает Чингиз.

Мама обернулась с опаской, пригляделась:

– Сыночек, она не похожа на собаку.

– А кто же это?

– Волк!

Мама сильно испугалась.

Чингиз часто рассказывал эту историю и говорил, что он – почему-то не испугался, наоборот, стал успокаивать маму:

– Мы промчались мимо. Волк исчез из поля зрения. Однако километров через пять снова встретились с серым. Лошади, почувствовав запах волка, забеспокоились и понеслись. Но очень скоро устали и сбавили скорость. Тут хищник неожиданно быстро стал перебегать с одной стороны дороги на другую, исчезая и вновь появляясь. Удивительно, что зверь сопровождал нас на протяжении столь длинного пути. Я не мог в это поверить. А мама дрожит от страха, плачет:

– Что делать? Волки обычно стаями ходят и нападают на людей. Что с нами будет? – маму бросило в дрожь.

Но наш волк почему-то отстал.

Ночью доехали до Шекера. Рассказали родным о хищнике, преследовавшем их. Его странное поведение тоже удивило сельчан. Они все время повторяли:

– Бог сохранил вас! Что же стало бы с детьми, если, не дай бог, вас загрыз бы волк? Нагима, судьба тебя сберегла, а ты Чингиз, молодец, что не испугался волка!

После этой истории мама стала гордиться своим старшим сыном:

– Тогда впервые я почувствовала, что у меня есть защита и опора. Он вел себя спокойно, уверенно и поэтому смог уйти от преследовавшего хищника.

Я помню, как у нас украли корову. Это случилось в 1943 году. За именем сарая свою корову зимой мы держали в колхозном коровнике. Она должна была отелиться со дня на день. Как раз приехал Чингиз из Шекера. Вечером за чаем все говорили, что весну переживем легче, у нас будет свежее молоко и сметана. На другой день рано утром Чингиз за-

шел на скотный двор проведать Зухру. Стоило было пусто. Сначала он подумал, что корова отвязалась и бродит где-нибудь неподалеку, но не нашел – ни в сарае, ни во дворе. И тут он понял, что ее украли. Встревоженный, пришел он домой и рассказал маме о случившемся. С того часа для нашей семьи точно обрушился мир, день померк – не приходилось сомневаться: корову увели, украли. Все плакали и не понимали, как теперь быть. Тут прибежали наши соседки и тоже запричитали в голос, жалея нас, проклинали злодеев и молили бога, чтобы он наказал их «черным днем».

Вот как Чингиз вспоминает о чувстве, охватившем тогда его:

– В моей душе поднималась странная, яростная решимость. Я был старшим среди детей и должен был защищать маму и младших, должен был действовать – биться, бороться и отомстить за наше горе. В моем сознании тогда это означало единственное: убить воров. Я пошел к нашему соседу – трактористу Темирбеку за ружьем. Больной, он лежал в постели. Темирбек уже знал о произошедшем:

– Возьми, вон висит на стене, а патроны в сумке рядом на гвозде, – сказал сосед, тяжело дыша. – Будь я здоров, сам бы пошел, пристрелил бы этих гадов, – добавил он.

Я вышел от Темирбека с жаждой мести в груди. Это было всепоглощающее чувство горечи и злобы. Еще одна мысль терзала меня: похитители, наверное, считают, в нашей пришлой семье¹ нет никого, кто мог бы пуститься в погоню. Это возбуждало во мне ярость. Ни о чем другом думать я был не в состоянии. Лишь одна мысль прожигала мою стонущую от горя душу: во что бы то ни стало найти воров и наказать их беспощадно. Я не мог себе объяснить, как, каким образом сумел бы определить их, но не сомневался нисколько, что безошибочно узнаю злодеев. И они меня узнают. Но будет поздно, я пристрелю их тут же.

Так я шел, сжимая ружье, подгоняемый неутихающей жаждой мщения. Вот уже и большая дорога. Я не заметил, что навстречу со стороны

¹ В Джайде компактно проживали представители рода Саруу, колено – Маматбай, мы же – представители рода Кытай не имели с ними никаких родственных связей и были пришлой семьей.

заброшенного кладбища ехал седобородый старец на ослике. Пути наши пересеклись. Я даже не поздоровался, как полагалось. Душа была занята, переполнена гневом. Я прошел бы мимо, но старик остановил:

– Слушай, паренек, не идешь ли ты кого-то убить?

– Да, – меня ничуть не удивил его вопрос, – хочу убить!

Глаза наши встретились. Я увидел изможденное лицо и спокойный, понимающий взгляд. Он кивнул:

– Ну, раз такое дело, не торопись. Постой, поговорим. С чего ты это решил?

– Корову стельную увели. А нас четверо, я – самый старший, мать и тетка – больны.

– Вон оно как! Беда. Но послушай меня. Не изжигай себя мстью, даже в мыслях не убивай человека, даже вора проклятого.

Я молчал, едва сдерживаясь, чтобы не закричать.

– Понимаю тебя, – медленно продолжал старик. – Мне за тебя очень больно, кости мои заныли. Послушай старика. Не ходи убивать! Не держи такое на сердце. Возвращайся домой и запомни: жизнь сама накажет тех, кто учинил зло. Непременно, не сомневайся! Наказание будет вечно ходить за ними по пятам, вместе ложиться и вместе вставать. А тебя жизнь вознаградит. Вернись домой и перестань думать об убийстве. Счастье придет к тебе, не заметишь, как оно поселится в душе. Сейчас тебе кажется, что я говорю пустые слова. Но поверь мне, возвращайся. Когда-нибудь убедишься в правоте моих слов, вспомнишь. У тебя будет много коров, быть может, и сто. Иди домой сынок и скажи обо всем своей матери, иди, а я поеду своей дорогой.

И он мгновенно исчез.

Не знаю, что со мной приключилось, но я вдруг разрыдался. Плач сотрясал тело, а я все брел и брел в разбитых сапогах по безлюдному полю, неся на плече теперь уже ненужное ружье.

Вернулся домой. Мама не находила себе места. Она узнала от Темирбека, что я ушел убивать. Сразу спросила:

– Ты никого не убил, сыночек?

– Нет!

Она обняла меня и заплакала:

– Какое счастье, что ты не нашел воров. Бог с ней, с коровой. Как-нибудь проживем. Отнеси ружье Темирбеку, и больше не бери. Не надо никого убивать из-за коровы....

Осенью 1945 года мама, продав часть урожая на базаре в Джамбуле, купила сыновьям по паре сапог:

– Нам надо продержаться до следующего урожая, других купить не сможем, жизнь все дорожает и дорожает. Носите аккуратно, чтоб до следующей весны хватило.

Ребята понимающе кивнули. Вставали ни свет ни заря, брали торбы с учебниками, связанные парами сапоги перекидывали через плечо и шли пешком к «старому мосту»¹. Перейдя речку, ополаскивали ноги и обувались. В Покровскую школу они приходили в «полной амуниции», а с уроков – шли босиком до самого дома в Джийде. Так планировали продержаться до наступления холодов.

Однажды утром, подходя к мосту, Чингиз заметил, что Ильгиз обулся раньше:

– Почему ты нарушаешь договор, не бережешь сапоги?

– Я устал их на себе носить! Не хочу больше ходить босиком!

– Никаких, – снимай, – приказал Чингиз.

Упрямый братишка отказался выполнять его приказ. Они подрались...

– Ведь мама просила аккуратно носить вещи!.. Ведь мы обещали!..

Судьба нашей матери была удивительна: каждый период ее жизни отличался от предыдущего. Это – любовь родителей, достаток в детстве, отрочестве и юности, возможность учиться в лучших мусульманских и русских школах. Это – приход советской власти и экспроприация имущества ее родителей. Это – любовь с первого взгляда, счастливое замужество, хорошая семья и высокое положение в обществе. Это –

¹ Джийде (где мы жили) находится на левом берегу реки Талас, Покровка (где мы учились) – на правом, они расположены друг против друга. Каждый раз во время паводков бурное течение сносило вновь и вновь возведенный между этими селами мост. Ниже по течению в километрах пяти-семи от этого моста два берега реки соединял другой – старый, но надежный мост, построенный очень давно, который никогда не сносило и по которому можно было спокойно ходить круглый год.

репрессии, война, голод, холод, тяжелые послевоенные годы, болезни. Это – успехи сыновей и снова высокое положение в обществе благодаря сыну.

Есть женщины, которые не способны перенести тяжелое горе, они слабеют, становятся скандальными, злыми, зачастую начинают злоупотреблять алкоголем. И есть женщины, которые не выдерживают испытание почетом и славой, пришедшими благодаря положению мужа или родственников. Они возносятся, становятся высокомерными, считают, что им все позволено. Им ничего не стоит белое назвать черным и черное - белым. Они теряют облик человеческий.

И я благодарна судьбе, что она одарила нашу мать глубоким умом, благоразумием и великодушием характера. Что бы ни случилось, она оставалась интеллигентной, ровной и объективной. Никогда не возносилась и не унижала никого, не плела интриг и не лгала. Для нее все люди были хорошие, она не смотрела на их положение в обществе, на материальное состояние и на национальную принадлежность. Душа ее не очерствела и не озлобилась. Благодаря этому она с достоинством перенесла все испытания – и горем, и счастьем.

ПРОЩАНИЕ

В январе 1935 года Торекул Айтматов был освобожден от должности второго секретаря Киробкома ВКП(б) в связи с его выездом в Москву на учебу в историко- партийный институт Красной профессуры.

Обустроившись в общежитии института, через некоторое время, Торекул вызвал в Москву семью.

В семье Айтматовых в то время было трое детей: Чингиз, Ильгиз и Люция. Как вспоминает Чингиз, поездка в Москву была радостной, интересной и познавательной. В своих воспоминаниях он рассказывает так: *«Наступил день, когда мама объявила, что мы едем жить в Москву. Эти дни я помню хорошо. Из Фрунзе нас провожали все городские род-*

стенники, а когда поезд сделал остановку в Джамбуле,¹ мы увидели, что на остановке собрались все наши таласские родичи. Они снабдили нас продуктами питания.



Семья Айтматовых
г. Москва, 1933 г.

¹ Ныне Тараз.

Поезд в те времена ехал до Москвы ровно пять суток. Но для меня эта поездка была очень интересной, ведь я впервые ехал в поезде... А еще хотелось поделиться со всеми своей радостью, рассказать им, что я еду в Москву, буду там жить и учиться, там мой папа...

Это долгое путешествие было, пожалуй, самым романтическим в моей жизни. Мы едем в Москву!

Огромное впечатление на меня произвело Аральское море, оно не имело конца и края. Я впервые видел столько воды. Волны озера набегали на самые рельсы.

Здесь поезд останавливался несколько раз. Мы выходили на перрон вместе с мамой, одних нас она никуда не отпускала, да и сама без нас не делала ни единого шага...

...После Арала мы увидели великую Волгу. По сторонам железной дороги тянулись бескрайние поля, густые леса...

В Москве мы быстро привыкли к тамошним условиям, там же я проучился в первом и втором классах... Помню, отец очень интересовался моими успехами в учебе, помогал делать уроки.»

В Москве семье Айтматовых выделили квартиру в общежитии института по адресу ул. Воровского, дом 25, кв. 15. Мальчики поступили учиться в школу, все складывалось нормально.

Но тревожило то, что общая политическая обстановка становилась все более и более напряженной. Особенно после февральско – мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. положение в стране, в том числе и в Киргизии, усугубилось. По сведениям, полученным из Фрунзе, все видные руководители государства и известные представители интеллигенции уже были арестованы. Днем газеты давали негативную информацию об очередной группе неугодных, а ночью приезжали «черные воронки» и забирали их.

Как раз в это время у Айтматовых родился четвертый ребенок, дочь по имени Роза, по паспорту Розетта. Нагима после родов очень тяжело заболела, видимо, сказалось нервное напряжение (она очень переживала за судьбу мужа и будущее детей).

После выписки Нагимы из больницы между Торекулом и Нагимой состоялся серьезный разговор, который подсознательно все время от-

кладывался. Если до этого они открыто не говорили о событиях, беспокоивших их обоих (Торекул не хотел лишний раз тревожить Нагиму: ей предстояли роды, Нагима тоже щадила мужа, не хотела лишний раз его расстраивать), каждый внутри себя переживал, то теперь этот вопрос уже невозможно было откладывать.

Начала Нагима:

– С каждым днем арестов становится все больше. Многие известные, порядочные люди, которых мы с тобой хорошо знаем, расстреляны, объявлены врагами народа. Не понимаю, как могло произойти, что люди, устанавливавшие Советскую власть, стали ее врагами? Я боюсь за тебя, тебя тоже могут арестовать....

– Я тоже думаю об этом. Да, мои лучшие друзья, единомышленники объявлены врагами народа. Теперь после Пленума меня тоже могут арестовать. Но ты зря беспокоишься, я ни в чем не виноват. Я это докажу и меня освободят. И мы снова будем вместе. А сейчас надо тебе с детьми уехать в Шекер.

– Ты что? Оставить тебя одного в такой обстановке? Я не оставлю тебя одного! Что бы ни случилось, будем вместе, вместе все переживем.

– Ты же знаешь, сколько было случаев, когда арестовывали и мужа и жену. Нет, Нагима! Ты должна спасти детей. Детей «врагов народа» отдают в детские дома, изменяют им фамилии, разделяют родных братьев и сестер. Если нас с тобой схватят, что тогда с детьми будет? Я верю в справедливость и в то, что оправдаюсь и очень быстро освобожусь.



*Нагима Айтматова,
г. Москва, 1937 г.*

– Хорошо, вот ты говоришь, что докажешь свою невиновность. Как ты это сделаешь? Расскажи мне.

– Самое главное, чего мы, я имею в виду наше поколение, которое устанавливало советскую власть в Кыргызстане, добились – это восстановление государственности. Много веков тому назад кыргызы потеряли свою государственность, такова была судьба... А советская власть дала нам шанс восстановить нашу государственность: сначала мы обрели статус автономной области, затем автономной республики в рамках РСФСР, а в 36-м году наш Кыргызстан стал Союзной Республикой в составе СССР. Это очень важно, это судьбоносный вопрос для нашего народа. Я считаю, что мы совершили подвиг, создав на законных основаниях кыргызское государство, которое имеет свою территорию, конституцию, законно очерченную границу, государственный флаг и язык. Как мы можем быть врагами своего народа? А вопрос образования!?... Грамотность, образованность народа – это основа для будущего развития. Мы подняли промышленное и культурное строительство, сельское хозяйство, которые были в отсталом состоянии. А земельно-водная реформа? Я горжусь тем, что сделано нами во благо народа. Как можно меня назвать врагом народа? Мы стремились установить справедливость в своем обществе.

– Я все это понимаю. Но почему никто из арестованных не может доказать свою невиновность? Значит, ваша заслуга перед народом никого не волнует, цель советской власти только одна: уничтожить всех не угодных ей, думающих, грамотных людей, имеющих собственное мнение. Давай пока не поздно уедем куда-нибудь.

– Советская власть, Октябрьская революция спасла кыргызский народ от полного уничтожения. Ты же сама знаешь, какими могли быть последствия 16-го года. Мы потеряли больше трети своего населения, лишились 60 % скота, это, при том, что 93 % населения являются сельскими жителями и занимаются скотоводством. Я от души предан советской власти, и ты знаешь, как я работал, сколько сил и труда приложил для ее установления. Это была каждодневная, напряженная, кропотливая работа.

– Да, ты прав. Я сама была свидетельницей того, как ты трудился. Я помню, как ты ночами работал над документами, над проектом Декла-

рации, чтобы обосновать необходимость преобразования Автономной области в Автономную республику.

– Не только Декларацию, но и Конституцию надо было разработать. А для этого надо было изучать документы международного, Всесоюзного уровня. Мне помогало то, что я изучал труды Ленина и переводил их на кыргызский язык. Я был членом Комиссии по преобразованию Кыргызской Автономной области в Кыргызскую АССР. Целью Комиссии было подготовка проектов Декларации об образовании Кыргызской АССР и Конституции Кыргызской АССР. Одно дело написать, надо было все обосновать. Вообще, эта комиссия, была мозговым центром. Благодаря заложенным идеям в документах разработанных тогда, сейчас как продолжение той цели мы смогли образовать Союзную Республику. А это хороший результат для нашего народа. Если бы мы хотели навредить своему народу, разве стали бы так трудиться.

– Но то, что сейчас творится, не дает веры в то, что они примут это к сведению. Такое впечатление, что нынешней власти необходимо уничтожить всех мыслящих, преданных ей людей.

– Я тоже так думаю. Но в то же время я думаю, что это временное явление. Это ошибка. Вот посмотришь, придет время, когда нас оправдают, а те, кто творит сегодня вакханалию, будут обвинены, они будут названы врагами советской власти.

– Но какой толк от того, что вас убьют, а потом оправдают. Давай вместе уедем куда-нибудь, скроемся, переждем...

– Нет! Никуда я бежать не собираюсь! Во-первых, я ни в чем не виноват, во-вторых, какая-никакая, но я известная личность в республике. Что бы ни случилось, какое бы испытание бог ни послал мне, все вынесу. Если признают, что все, что я сделал – это во вред народу, стране, то я готов умереть. Пусть я паду жертвой своего народа. Но я не собираюсь куда-нибудь бежать, скрываться. Я чист перед своим народом, перед Советской властью. Когда-нибудь поймут и оправдают. А сейчас нужно думать о судьбе детей.

– Хорошо. Тогда я отвезу детей в Шекер, отниму Розу от груди, оставлю ее Карагыз, а сама вернусь обратно, чтобы быть с тобою рядом.



Железнодорожная станция Маймак. Зал ожидания

– Посмотрим. Теперь вот что: тебе нужны будут деньги: на дорогу, на первое время жизни в Шекере, и, если назад в Москву соберешься, опять на дорогу. Мне надо на что-то жить. Не обижайся, но приданое, которое дали твои родители, – персидский ковер и столовое серебро, – отнеси в скупку¹! Потом, когда все изменится, я подарю тебе подарки еще лучше.

– Ладно. Не подаришь, неважно, в коврах и серебре в повседневной жизни нет большой нужды. Сами были бы здоровы и сыты. А может быть, ты все-таки с нами вместе поедешь? – все пыталась она уговорить Торекула

¹ Скупка – магазин, который скупает у населения золото, серебро и другие дорогие товары по заниженной, дешевой цене, а затем продает по дорогой цене.

Нагима начала укладываться в дорогу. В чемоданы собрала детские вещи, потом подумала-подумала – и скатерть,¹ подаренную Торекулом, тоже положила... Глаза ее увлажнились, и слезы потекли по лицу.

Торекул провожал семью с Казанского вокзала: багаж занес в вагон, аккуратно разместил, затем усадил детей.

– Папа, куда мы поедем? – спросил Ильгиз.

– На дачу.

– А где она находится? И ты с нами поедешь?

– Дача в Таласе. Я приеду потом, а вы пока с мамой поезжайте. В дороге ведите себя хорошо. Маме помогайте, за Розой смотрите, чтобы она не плакала.

– Ура-а! Мы едем на дачу в Талас! – радостно закричал Ильгиз.

До отправления поезда осталось мгновение. Торекул, взяв детей на руки, в последний раз поцеловал их.

Об этих днях семьи Чингиз Торекулович вспоминает: *«В то время я не мог понять, почему и от кого мы бежим. Но мальчишечье сердце о чем-то смутно догадывалось, что-то чувствовало. Озабоченные лица родителей, их молчание, выражения глаз говорили о большой тревоге. Я знал, что отец с нами не поедет, что его не отпустят с работы... Настало время прощаться, я до сих пор помню слезы матери, помню героические попытки отца удержаться, помню как дрожали уголки его губ...»*

– Прощайте! Нагый, дорогая, в дороге за детьми хорошенько смотри.

– Прощай! Я детей довезу до Шекера и вернусь обратно. Если тебя схватят, где мне тебя искать?

– Если вернешься, будь осторожна. Звони, если не отвечу, тогда свяжись с Лидиной матерью. Если я перестану ей звонить, значит, меня арестовали. Хотя возвращаться сюда не имеет смысла. Меня тогда уже во Фрунзе доставят. Ну, прощай, за детьми смотри, себя береги. За меня не беспокойся, я должен скоро освободиться. Все будет хорошо.

1 Эта скатерть, подаренная Торекулом на её день рождения еще много лет «служила» нашей семье. Каждый раз мама не переставала вспоминать, что это последний подарок Торекула.

– Торекул, я не могу смириться, что мы тебя оставляем одного! – Нагима обняла Торекула и заплакала. – Поручаю тебя Богу, другого выхода, другой надежды нет.

...Раздались свистки, отец сошел на перрон, поезд постепенно набирал ход, Торекул вначале шел, а потом долго бежал наравне с вагоном, задыхаясь и махая рукой...

– Нагый, до скорой встречи! Береги детей! Будь им опорой... – Торекул остался на перроне один, продолжая махать руками.

Он стоял, не отводя глаз от вагона, увозившего его семью. Неожиданно к горлу подступил твердый комок, ему вдруг стало тревожно и беспокойно, он весь взмок...

А в вагоне Нагима с младенцем на руках буквально прилипла к окну. И, когда силуэт Торекула растворился в пространстве, она почувствовала: глаза ее полны слез. Нагима их быстро утерла, дети не должны видеть, что она плачет¹.

А старший сын, чувствуя неотвратимость происходящего, горько плакал: *«Я сразу при входе в купе занял место на верхней полке. Не знаю почему, но я знал, что больше мы не встретимся с отцом, что в последний раз я вижу его, вижу, как натываясь на людей он бежит в белой косоворотке по перрону вслед за поездом, уносящим навсегда его детей и жену. Уткнувшись в подушку, я горько рыдал, чувствуя в груди застывший комок, который казалось, никогда уже не растает, Этот твердый комочек не давал мне покоя. Быстро стемнело, за окнами – непроглядная мгла, только колеса стучат на стыках, а я все не могу унять слезы. Чувствую временами прикосновение теплых маминых рук к моим вздрагивающим детским плечам, слышу ее ласковый тихий успокаивающий голос.»*

¹ Из воспоминаний Чингиза Айтматова: *«Мне тогда шел девятый год, и поэтому я хорошо запомнил отца. Он, видимо, предвидел, предчувствовал, что репрессии коснутся и его... Поэтому решил спасти семью и успел отправить нас на поезде из Москвы на родину... Я тогда в душе уже понимал, что что-то необыкновенное и одновременно страшное происходит. Он посадил четверых детей и жену. Потом поезд набрал ход, а он все бежал, бежал рядом с окном и махал нам рукой. Таким было наше прощание с отцом. Больше мы его не видели»* (из интервью газете «Лица» 13 марта 2008 г.).

Назв

Senin 19/x1 - qazgan qatn, de aldom (25/x1)
 alojandan son, aman esendigiinderdi
 bilip qattun ~~qub~~ quvandem. Menin
 isim bolso asyrbnca otrkon qolu
 qibergen qattaq, yodaj qaraqat qasqo-
 nan qazroja muqtaqtoym qoq,
 qojnalop varaqatsam qabar qalamn,
 menen qabar bolboj estenke qiberibe.
 Silerge es qandaj paslke qiber-
 genim qoq, Kazekkenin padyške-
 sin ali qibergen qasmin ~~muqta~~
 qaloyan buyumdar qaqoloyon qoq
 lidanon enesinikinde. Roziska
 araqtaqan depson, nimne bolde
 orup qurobn, emike qolu baldardbn
 salamattoyo qonunon qazop qiber.
 Okum orup qurobn-depson, saqtana
 koq, entep baldaraja baq koq bol.
 tetrad emike qolu qiberem.
 baldardbn betterinen oqo qoj.
 Suraoqandur oq. Sa lam citop qoj.
 Nernicet qolbaq qaq 26 qur.
 26/x1 korazkonco toroqul.

Последнее письмо Торекула
 г. Москва, 1937 г.

Ночью, 30 августа 1937 года поезд прибыл на станцию Маймак. Здесь он обычно стоит всего 2-3 минуты. Соседи по купе помогли Нагиме высадить детей с поезда¹.

Поезд поехал дальше. Напротив станции – гора Кара-Тоо.

Она отбрасывает огромную страшную тень, погружая все пространство во тьму. В то время сюда электричество еще не было проведено, хотя были построены добротные здания вокзала². Зыбкий холод пронизывает тела только что проснувшихся детей, ими овладевал страх. Они прижались к матери с обеих сторон. Нагима впервые осознала, что осталась с детьми одна и сама за них несет ответственность.

Женщина, прижав к груди одну дочь, вторую ведет за руку, сыновья, еле-еле поднимая чемоданы, плетутся сзади. Нагима спешит дойти до зала ожидания.

Шестилетний Ильгиз заплакал:

– Мама, не уходи! Я боюсь! Темно очень!

– Не бойся, мой дорогой! Я вас не оставлю. Девочек устрою, и сразу вернусь.

– Чемодан тяжелый. Я не могу нести. Устал. ...

– Ладно, тогда веди Люсю, а мы с Чингизом возьмем вещи.

После перенесённой болезни в роддоме суставы рук Нагимы стали сильно болеть, ныть, она не могла поднимать тяжелый груз. Но сейчас не время для боли и усталости. С Чингизом они с трудом волочат сначала чемодан, через десять метров останавливаются, ставят на землю и возвращаются за сумками. Вот так с короткими передышками добрались до зала ожидания. Сморенные усталостью дети вмиг уснули. Вдруг заплакала Роза и разбудила других. Малыши принялись хныкать. Мать перепеленала крошку и положила ее на скамью. Потом подошла к дежурному станции:

1 Из воспоминаний Ч. Айтматова: *«Мы тогда с трудом в 12 часов ночи добрались до станции Маймак. Она и сейчас существует. ...Никто никого не знает, никто никого не встречает. Перрона тогда не было. Люди просто выпрыгивали из вагонов и куда-то уходили»* (из интервью газете «Лица» 13 марта 2008 г.).

2 Для постройки этих зданий были привлечены австрийские пленные (Первая мировая война). Эти здания, в том числе и зал ожидания, сохранились по сей день.

– Пять дней мы в пути. Если вам не трудно, вскипятите нам, пожалуйста, чай. Дети устали и проголодались.

Мужчина зажег примус, поставил на него чайник. Нагима этот русский человек показался добрым и отзывчивым:

– У меня к вам еще одна просьба. В Маймаке у нас есть родственник Кулжабай. Пожалуйста, завтра после смены сходите к нему, и скажите, что семья Айтматовых на вокзале ждет. Пусть он заберет нас.

– Хорошо. Фамилия Айтматов мне знакома – он занимал высокий пост?

– Да.

– Понятно...

Так жизнь в Москве, которая удивительно хорошо начиналась, для семьи Айтматовых закончилась трагедией.

И вот путешественники, удобно устроившись на телеге, которую в народе называли шады-араба, направляются в село Шекер, на свою малую родину, где им предстояло жить и расти. Нагима, обняв двух своих девчушек, горько задумалась о будущем...

Алымкул-ата,¹ вместе с семьей перейдя в юрту, поселил Нагиму с детьми в свой только что построенный дом.

Это было 30 августа 1937 года. В тот день в газете Правда вышла статья под названием «Буржуазные националисты», подписанная собственным корреспондентом газеты В. Овчаровым. В ней видные партийные советские руководители Киргизии были обвинены в «национализме».

Шекерский сельсовет, председателем которого был Алымкул, кроме кыргызских изданий обязательно получал газеты «Правда», «Известия» и другие. Алымкул приносил газеты домой, чтобы Нагима читала и была в курсе событий, происходящих в стране. Из этих газет Нагима узнала, что в ответ на статью Овчарова 5 сентября 1937 года бюро Центрального Комитета КП(б) Киргизии освободило от занимаемых должностей ряд ответственных работников.

Обстановка становилась все более напряженной, было ясно, что Торекула тоже арестуют.

¹ Алымкул – двоюродный брат Торекула.

Нагима и Торекул регулярно переписывались. Но все письма на почте проверялись и прочитывались. Нельзя было что-то писать открыто.

– У нас плохие вести, – сказал расстроенный Алымкул, протягивая Нагиме Правду от 13 сентября.

В ней была напечатана публикация В. Ходакова. В отношении Торекула там было написано: «...Так старались буржуазные националисты ввести в состав ЦК КП(б) Киргизии свои основные кадры. И в значительной мере это им удалось. Например, усиленно навязывали они партийному съезду кандидатуру националиста Т. Айтматова. В Киргизии его хорошо знают: когда он был секретарем Ошского райкома, то активно стягивал к себе в район и защищал других провалившихся. А тов. Аммосов¹ выступил на съезде в защиту т.Айтматова».

Аммосов был послан на работу в Киргизию сразу после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) СССР и должен был выполнять требования Москвы разоблачать «врагов народа», «троцкистов», «буржуазных националистов», «бухаринцев», «правых», «двурушников»... Но несмотря на это Аммосов защищал национальные кадры Кыргызстана. В частности, в своем докладе на I съезде партии большевиков (5 июня 1937 года) он подробно остановился на нездоровой обстановке при его предшественнике Белоцком. Между Айтматовым и Белоцким были недопонимание и разногласия. Этим объяснил Аммосов то, что «благородным образом услали на учебу второго секретаря т. Айтматова, который не пришелся ко двору»... Республиканская газета «Советская Киргизия» в сентябре 1937 года писала об Аммосове: «...Он брал под защиту националиста Айтматова, пытался протащить его в состав ЦК. Замазывал факты обвинения, предъявленные врагу народа Исакееву, и также защищал его». Позже он был назван врагом народа и расстрелян в Москве.

¹ М. К. Аммосов – возглавлял партийную организацию Кыргызстана с марта по ноябрь 1937 года.

Нагиму охватил ужас:

– Что делать?!.. Это неминуемый арест! Как помочь Торекулу? Каково ему там одному?!.. Зачем я послушалась и уехала, оставила его одного?

...Торекул писал Нагиме спокойные письма: он был уверен в своей невиновности.

10 ноября 1937 года партбюро Института Красной Профессуры по ходатайству Кыргызстана, исключает Т. Айтматова из членов партии.

Идя с собрания, Торекул заходит на почту написать Нагиме письмо. Кратко, в завуалированной форме, но понятными для Нагимы словами, написал о том, что случилось. И предупредил, что, скорее всего, его очень скоро арестуют и увезут в Киргизию.

В раздумьях проходят дни и ночи Торекула. Так пролетают еще 2 недели. Обстановка становилась все напряженной. Все знакомые боятся с ним здороваться, разговаривать. Перекинуться словом не с кем, он один... И вдруг телефонный звонок от Сагита¹. Они договариваются о встрече. Во время встречи Сагит предупреждает Торекула, что на днях его должны арестовать: откуда-то у него была такая информация, Сагит предлагает ему бежать. Но Торекул наотрез отказывается.

Получив очередное письмо от Нагимы, он пошел на почту, чтобы ответить ей. Торекул метался, не знал, что делать, в какой-то момент хотел телеграмму дать, взял бланк... Но подумав, зачем оглашать эти события, раз это только навредит семье, на обратной стороне бланка пишет краткое, сдержанное письмо. Это было последнее послание, которое получила Нагима от Торекула:

«Нагый!

Написанное тобой письмо от 19/XI получил 25/XI. Прочитав и узнав, что вы все в здравии, я был очень рад. Что касается состояния моих дел, то они такие же, как я описывал в предыдущем письме. В средствах я пока не нуждаюсь, если будет необходимость, то сообщу. Ничего не высылай, не согласовав со мной. Вам я не смог выслать никакой посылки. Я также не выслал еще Розочкину подушечку. Оставшиеся у меня вещи находятся у Лидиной матери.

¹ Сагит – двоюродный брат Нагимы.

Ты пишешь, что Розочка похудела, что случилось, здорова ли она? В следующем письме напиши подробно о здоровье детей. Пишешь, что сама болеешь, береги себя, держись, пожалуйста. Прошу тебя, будь опорой для детей.

Школьные тетради вышлю в следующий раз. Детей поцелуй. Всем, кто обо мне спрашивает, передавай привет. Не нервничай, будь здорова.

*До встречи – Торекул.
26/XI»*

Последнюю весточку от Торекула Нагима всю жизнь берегла как зеницу ока. Это письмо и теперь хранится в семейном архиве (ему 76 лет). Неизвестно, писал ли он еще, даже если и писал, то семья тех писем не получила.

Через 5 дней – 1 декабря 1937 года его арестовали.

Однако Торекулу выпала еще одна возможность проститься с семьей и со своим аилом... Но это можно только предположить...

Ветка Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали, связывавшей Киргизию с Москвой, Уралом и Сибирью проходила как раз через тот тоннель в районе станции Маймак, который много лет тому назад строили Торекул с отцом Айтматом. Повзрослев, учась в Москве¹, бывая в командировках, он часто проезжал через этот тоннель и всегда гордился тем, что принимал участие в его строительстве.

Тогда Торекул не мог себе даже и представить, что жизнь промчит его снова здесь... в арестантском вагоне. Кто знает, но, может быть, при приближении к станции Маймак, он подошел к зарешеченному окну, вглядываясь в темноту маймакской ночи, в надежде увидеть хоть кого-то из родных или знакомых. Но в кромешной тьме Торекул не увидел никого.

– Как там вы, мои родные, дети, Нагый, братья и сестры? Я проезжаю совсем близко от вас... Чувствуете ли вы это? Прощайте, мои

¹ Т. Айтматов учился в Москве в двух университетах: КУТВ и Институте Красной профессуры, а также – на курсах марксизма-ленинизма и различных других семинарах.

родные! Я люблю вас. Прощай, мой родимый айыл, прощай, земля Таласская – край мой родной. Где бы ни был, куда бы меня судьба не забрасывала, ты всегда оставался где-то в глубине сердца моего, ты всегда был для меня опорой и источником душевных сил... Я прошу тебя, будь опорой и для моих детей, сбереги их, не дай в обиду. Прощай, мой родимый Шекер!

В памяти проносились родные места, дом, дорогие сердцу любимые лица.

Поезд шел дальше.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:

«Без отца»

ПО СТРАНИЦАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА № 4418

Обвинение, которое инкриминировалось подавляющему большинству репрессированных в 1937-1938 годах в Кыргызстане, заключалось в причастности подследственных к Социал-Туранской партии (СТП). Это обвинение было трафаретным и дублировалось почти во всех следственных делах. Для того чтобы была понятна работа следственных органов тех лет, сначала вкратце остановимся на том, что это за партия, кто и когда ее создал и как использовали НКВД-шники миф о ее существовании.

СТП¹

Эйфория от идей и лозунгов, которые пропагандировались революцией, уже в начале тридцатых годов стала проходить, и начали появляться сомнения в правильности политики советской власти. Так, например, видный государственный деятель Ж. Абдрахманов² в своем дневнике писал:

«...9.IX.28 г.

Встретился с товарищами по совместной работе в ЦК (Центральном Комитете – Р. Т.). Говорили о «текущем моменте» и о

1 Информация об СТП взята из статьи В. Плоских в кн. «Торекул Айтматов», Б., 1993, ст. 58

2 Ж. Абдрахманов – был председателем СНК Кирг. ССР. Он вел дневник, в котором откровенно писал все свои мысли и взгляды на события, происходящие в стране. (В 1937 году дневник попал в руки НКВД).

политике ЦК. Никто не уверен в правильности проводимой линии и долговечности взятого курса. В результате этого – демобилизационное настроение среди среднего партактива. Увиливание от ответственной работы, нежелание быть ответственным за дело – стало законом для среднего партактива. От Москвы у меня самое скверное настроение. Бюрократизм госаппарата, безнадежный пессимизм среди актива – вот, что бросается в глаза провинциалам...»¹. Обсуждая между собой и анализируя результаты политики большевиков ряд кыргызских интеллектуалов приходит к выводу: «...Практика построения социализма в стране показала, что она привела к еще большему обнищанию населения...».

В связи с этим они задумались о правильности курса партии по социалистическому переустройству колониальных царских окраин, в частности, Кыргызстана. Стихийно организовалась группа единомышленников – А. Сыдыков, И. Арабаев, А. Шабданов, Т. Сопиев и другие. Они устно обговорили свою программу, которую мы сегодня назвали бы альтернативной официальному направлению, и даже написали «Манифест-воззвание». Но оба документа в 1933 году при загадочных обстоятельствах, как раз накануне их ареста, исчезли. Арест был неминуем, так как в 1931 году в стан единомышленников затесался наушник. А. Сыдыков с товарищами оказались под контролем ОГПУ – НКВД, что и дало повод всех арестовать, как только началось «организационное оформление партии»².

Позже Программа была восстановлена по памяти при допросах в застенках НКВД³. В изложении лидера группы Абдыкерима Сыдыкова она представляла собой следующее:

1. Построение социализма в одной стране невозможно. Социализм может быть успешно построен только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Отсюда логически следует, что попытка построения социализма в СССР неизбежно повлечет обнищание населения,

1 Ю. Абдрахманов, Дневники, Фрунзе, «Кыргызстан», 1991.

2 В. Плоских, в кн. «Торекул Айтматов», Б. 1993, с. 58

3 По свидетельству провокатора, СТП имела программу и манифест.

особенно в бывших колониях царской России как культурно отсталых, не владеющих новой техникой.

2. Крупные мероприятия политического и экономического характера, проводимые советской властью по отношению к байманапству влекут за собой хозяйственную разруху в стране.

3. Выдвижение на государственные должности дехкан, рабочих, технически малограмотных и теоретически не подготовленных к управлению государством влечет за собой развал и хаос в управлении.

На сегодняшний день, не имея достаточных кадров, необходимо отказать от принципа выдвижения.

4. Ленинская политика в национальном вопросе является по существу правильной и приемлемой, но в Киргизии она искажается Коммунистической партией...

Все, проходящие по делу СТП, были осуждены в 1934 году: А. Шабданов приговорен к расстрелу, другие, в том числе А. Сыдыков и А. Сопиев, к 10 годам лишения свободы. Фактически вопрос об СТП на этом был исчерпан, но в 1937-38 годах опять вспомнили об этой партии. Для обоснования тотальной репрессии, проводимой в стране, после февральско-мартовского Пленума, миф о существовании СТП был очень удобен. Поэтому тех членов СТП, которые не были расстреляны в 1934 году (А. Сыдыков, А. Сопиев и др.) вернули из заключения, пересмотрели их дела и приговорили к расстрелу. Ж. Абдрахманов, ученик и друг А. Сыдыкова, был исключен из партии, снят с работы и арестован. Сейчас прах его покоится на кладбище Ата-Бейит.

Согласно мифу, партия имела разветвленную структуру. Для придания достоверности этому мифу сотрудники НКВД «установили» ее руководителей, рядовой состав, а также расстановку сил во всех партийных и государственных учреждениях страны.

В книге «Тайна Большого камня» Р. Хелимская пишет, что согласно схеме, разработанной сотрудниками НКВД, враги народа (члены СТП, троцкисты, бухаринцы и др.) окопались «в аппаратах ЦК КП(б), ЦИКа, Совнаркома, НКВД, наркоматах юстиции, земледелия, просвещения, здравоохранения, редакциях, артелях, жилищуправлениях, техникумах...

И везде – первые лица! В Киргизии, как и повсюду в стране, враги трудящихся шли на захват завоеваний октября».¹

Следственное дело № 4418

Т. Айтматов не имел к СТП абсолютно никакого отношения, его имя нигде в следственных делах не упоминалось, однако...

В конце ноября 1937 года в НКВД СССР поступает запрос от наркома Внутренних дел Киргизской ССР полковника И. П. Лоцманова, в котором говорится:

«Айтматов Тюрякул, 1903 года рождения, киргиз, гр-н СССР, уроженец Шекеровского сельского совета Кировского района Кирг. ССР, происходит из семьи крупного бая-манана, член ВКП(б), грамотен, не судим, учится в Институте Красной профессуры в г. Москве.

1. Является видным деятелем вскрытой и ликвидированной к-р² националистической «Социал-Туранской партии» в Киргизии, ставившей своей целью вооруженное свержение сов.³ власти и создание буржуазно-националистического государства под протекторатом Англии.

2. В своей практической работе по заданию руководящего центра к-р. организации проводил широкую вредительскую деятельность в области народного хозяйства Киргизии...

На основании изложенного Айтматов Т. подлежит аресту и привлечению к ответственности по статье 58 п. 4-10, 11ст. УК РСФСР».

Ордер № 198, подписанный заместителем наркома Внутренних дел СССР комкором М. Фриновским, был выдан представителю Главного Управления Государственной Безопасности НКВД тов. Гусеву «на производство ареста и обыска Айтматова Тюрякула, адрес ул. Воровского,

1 Р. Хелимская., « Тайна Большого камня», 1994, с. 56.

2 То есть «контрреволюционной».

3 То есть «советской»..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: «Без отца»

д. 25, кв.15». При обыске изъята лишь одна папка с перепиской, конфискованы деньги в сумме 582 рубля 85 коп. и 2 % облигации на сумму 40 рублей¹.

С. С. С. Р.

РОДНОЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № В198

Декабрь дня 1937 г.

Выдан _____

Главного

явления Государственной Безопасности НКВД

на производство

Ареста и обыска

Айтматова

Плюракула

по адресу *Воровского Д. 25 кв. 15.*

[Signature]

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР

Начальник Второго Отдела ГУГБ

Копия: *30*

В деле есть анкета арестованного, которую Т. Айтматов заполнил собственноручно:

¹ В 1957 году Нагиме Айтматовой было выдано «Свидетельство о праве наследования» на эту сумму.

1. *Фамилия: Айтматов.*
 2. *Имя и отчество: Тюрякул.*
 3. *Год рождения: 1903.*
 4. *Место рождения: Кировский район (Киргизия), Шекерский сельсовет.*
 5. *Место жительства: (адрес) улица Воровского, дом №25, гор. Москва.*
 6. *Место последней работы, занимаемая должность, звание: слушатель историко-партийного института Красной профессуры.*
 7. *К какой общественной группе принадлежал к моменту ареста: служащий.*
 8. *Паспорт: получал в Советском районе города Москва, отдел милиции не помню.*
 9. *Партийность в прошлом и настоящем: бывший член партии, член с 1925 г. Исключен 10.11.37.*
 10. *Гражданство (подданство): гражданин Советского Союза.*
 11. *Каким репрессиям подвергался при Советской власти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что): Никогда не был подсудимым, не подвергался до сих пор аресту.*
- Подпись арестованного – Айтматов».*

На обратной стороне анкеты он перечислил состав семьи:

- жена: Нагима Айтматова,*
сыновья: Чингиз, Ильгиз,
дочери: Люция, Роза,
брат: Рыскул Айтматов,
сестры замужние: Аимкуль Урманова, Карагыз Кулбаева, Куляим (фамилию мужа не знаю),
место проживания: Шекерский сельсовет».

Т. Айтматова этапируют из Москвы во Фрунзе в арестантском вагоне поезда, идущего в Киргизию. 14 января 1938 года он доставлен во Фрунзенскую тюрьму. На другой день ему предъявляют официальное обвинение в том, что он якобы «является активным участником кон-

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: «Без отца»

трреволюционной националистической организации «СТП», ставившей своей целью вооруженное свержение советской власти, насильственное отторжение Кирг. ССР от Союза ССР и образование буржуазно-националистического государства под протекторатом одного из иностранных буржуазных государств.

В своей практической работе проводил организационную подрывную, вредительскую деятельность в Киргизии. Завербовал в к-р. организацию ряд лиц».

На основании вышеизложенного Торекул был привлечен к уголовной ответственности по статье 58, пункты: 1, 4, 7, 10, 11 Уголовного Кодекса.

Новому следственному делу был дан номер – **№ 4418.**

«...Допрос вели мл. лейтенант госбезопасности Климанов и сотрудник Трубников. Первый протокол датируется 16 января 1938 года. Согласно протоколу в первый же день Т. Айтматов начал «давать показания» и признал свою «вину»...

Такое «успешное» расследование дела, видимо, можно объяснить, теми методами допроса, которые применялись сотрудниками НКВД в то время.

Мне рассказывала мама (Нагима Айтматова), что слышала от жен репрессированных, которые через свои каналы узнавали и тайно рассказывали друг другу о том, что их мужья подвергались страшным пыткам: их выводили раздетыми на мороз и держали до окоченения, а затем с издевкой обращались:

– Ну что, замерз? Давай шагай, сейчас согреешься...

И заставляли садиться на раскаленную докрасна плиту.

Эти слухи совпадают с воспоминаниями бывшего наркома просвещения Акуна Мыктыбекова. Он в свое время прошел через мрачные застенки Ежова-Берии, но чудом, остался в живых и умер в 1988 году в селе «Урюкты» Иссык-Кульской области. Он рассказывал, что «...в тюрьмах с политзаключенными обходились очень жестоко, избивая, уродуя, ломая конечности в створах дверей, постепенно перемалывая кости. Наиболее «трудных» подследственных жгли в печах, просовывали головами внутрь раскаленных контрамарок... После таких мер воздействия они призна-

вались в несуществующих грехах, в принадлежности к СТП, в шпионаже в пользу Турции, Ирана, в Пантюркизме, Панисламизме и массе других преступлений»¹.

Протокол допроса «с пристрастием» Т. Айтматова сохранился. В 1991 году я держала его в руках и читала в кабинете председателя КГБ Киргизии Ж. Асанкулова. Протокол напечатан на машинке, каждая страница завизирована собственноручно Айтматовым слабой подписью чернилами. Подписи на этих страницах очень сильно отличаются от подписей на других документах. Скорее всего, это результат применения специальных мер воздействия, которые доводили допрашиваемых до неменяемого состояния, после чего вынуждали подписать заранее написанный следователями протокол. При чтении протокола виден самоговор обвиняемого и неправдоподобность ответов. Они очень хорошо согласуются со схемой, запрограммированной следователем.

Так, на вопрос о том, как Т. Айтматов участвовал в контрреволюционной деятельности националистической организации, он отвечает:

«В контрреволюционную националистическую организацию я был завербован в 1926 году в Кара-Коле, в период моей работы секретарем Каракольского Округкома ВКП(б)... С этого времени мне известно, что наша к-р. националистическая организация поставила своей целью отторжение Киргизии от Советского Союза и образование самостоятельного буржуазно-националистического государства путем вооруженного восстания – вооруженное свержение советской власти».

Далее он дал показания о своей трудовой деятельности:

«В Караколе работал 6 месяцев. В декабре 1926 года после I учредительного съезда Советов был направлен секретарем Джалал-Абадского канткома ВКП(б), где находился до конца 1929 года.

В 1930 г. – нарком торговли, все время в командировках. В марте 1931 г. – секретарь Ошского РК ВКП(б), где проработал до конца 1933 г., «т. е. до снятия с работы пред. СНК Абдурахманова,

¹ З. Курманов. «Возвращение из политического небытия». Газета «Комсомолец Киргизии», 12.04.89

после снятия которого Исакеев занял пост Пред. СНК Кир. АССР, а я вместо него был выдвинут на должность второго секретаря Кир. ОК ВКП (б)».

Весь 1934 год Т. Айтматов работал вторым секретарем Киробкома ВКП(б), а в январе 1935 г. выехал на учебу в Москву.

Рассказал Т. Айтматов и о том, какую «вредительскую работу» он проводил. Причем из записанных ответов видно, что показания даны под диктовку или заранее подготовлены самими безграмотными следователями. Например, вот как сформулированы эти так называемые признания: «мною насильственным путем вытеснялись с поливных земель рис, бакчи, огороды и вместо них засевался хлопок...» или «в 1932 г. по моему заданию Рахмановым¹ была написана и протащена на сцену пьеса «Рапорт с юга», насыщенная и пропитанная к-р. националистическим содержанием, восхвалявшая ныне разоблаченных врагов народа, членов нашей к-р. организации Абдурахманова и Уразбекова, как вождей Кир. Республики. Эта пьеса по моему же указанию была поставлена в Кир. Национальном театре г. Фрунзе».

В протоколе также приводится такое «самообвинение»:

«В одной из бесед у себя на квартире Исакеев рассказал мне, что наша организация «СТП» ставит своей ближайшей целью вооруженное свержение советской власти в Киргизии, отторжение ее от остальной части Советского Союза и образование буржуазно-националистического государства под протекторатом Японии. Я был целиком и полностью согласен с этими задачами»².

По замыслу и схеме, разработанной сотрудниками НКВД, Т. Айтматов должен был продолжить «вредительскую» работу, находясь в Москве. В течение трех лет скольких новых «врагов» советской власти он мог завербовать и конкретно кого? Это была бы новая ветвь в структуре СТП. Поэтому допросы Т. Айтматова и лиц, связанных с ним, вел сам руководитель НКВД Киргизской ССР полковник И. П. Лоцманов.

1 Рахманов – руководитель узбекского национального театра в Оше.

2 В. Плоских, «Торекул Айтматов», Б., 1993, «Илим», с. 58.

В течение целого года велись допросы, очные ставки, пытки, истязания. Т. Айтматов во Фрунзенской тюрьме оказался позже всех. К тому моменту, когда его привезли из Москвы, уже все арестованные под пытками признались, в несовершеннолетних ими преступлениях и дали показания друг на друга, в том числе и на Айтматова. По известным причинам он также вынужден был признаться в несовершеннолетних им преступлениях и дать показания на тех, кто уже находился в тюрьме и уже «сознался». Но все же основная цель НКВД-шников заключалась в том, чтобы он назвал новые имена. Это дало бы возможность увеличить число осужденных и казненных, и лишней раз выслужиться перед Москвой. Однако, вопреки их ожиданиям, Т. Айтматов не назвал ни одного нового имени.

– В Москве я никакой к-р. работы не вел, – отвечал он категорическим отказом на требование назвать новых сообщников из Москвы.

Несмотря на допросы с особым «пристрастием», которым подвергался Т. Айтматов, он не назвал ни одного человека с «воли», **ни один по его вине не был арестован.**

4 ноября 1938 года Т. Айтматова знакомят с содержанием обвинительного заключения, которое было утверждено лично самим наркомом Внутренних дел Киргизской ССР полковником Лоцмановым и помощником Главного военного прокурора РККА военюристом I ранга Шульцем. Ниже приводится этот кощунственный документ (это его копия была найдена при раскопках в Чонташской могиле):

«Органами НКВД Киргизской республики ликвидирована анти-советская, националистическая, террористическая, диверсионно-вредительская организация, существовавшая в блоке с правотроцкистской террористической организацией.

Указанная организация, так называемая «Социал-туранская партия», ставила целью путем вооруженного восстания, террора, вредительства и диверсии свержение соввласти, отторжение Киргизии от Сов. Союза и создание буржуазно-националистического государства с ориентацией на Англию¹.

¹ Ранее в деле речь шла о **Японии.**

Следствием в отношении преступной деятельности Айтматова Тюрякула установлено:

1. Обвиняемый Айтматов, являясь выходцем из антисоветской бай-манапской среды, в 1926 году был завербован в «Социал-туранскую партию» Исакеевым Баялы¹, работавшим в то время в Каракольском ВКП (б).

2. Айтматов был осведомлен Исакеевым и другими участниками организации о проводимой контрреволюционно-террористической, шпионской деятельности «Социал-туранской партии», и он разделял эти формы и методы борьбы.

3. По заданию Исакеева обвиняемый вербовал из среды антисоветски настроенных лиц новых участников организации...

4. По указаниям руководящего центра организации в лице бывшего председателя СНК Киргизской ССР Исакеева, обвиняемый, работая на ответственных постах в районах и Республике, проводил вредительство в сельском хозяйстве, в особенности в области хлопководства и оседания кочевых хозяйств».

Ознакомившись с этим документом, Торекул сразу же заявил о том, что он отказывается от своих показаний, данных на предварительном следствии. Сейчас можно предполагать, что он взял копию обвинительного заключения и готовился к своей защите на суде, который должен был проходить на другой день.

5 ноября 1938 года в 23 часа 05 минут под председательством бригаденюриста Алексева на закрытом судебном заседании Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР началось рассмотрение следственного дела № 4418.

В зале находились только суд и обвиняемый. Свидетелей по делу на суд не вызывали. Вещественных доказательств по делу нет.

Т. Айтматов заявил, что виновным себя не признает и от своих показаний, данных ранее, отказывается. Но на вопрос, почему же на него дали показания другие заключенные, ответить не смог.

¹ Б. Исакеев также, как и Т. Айтматов, не был членом СТП.

Заседание объявляется законченным. В последнем слове подсудимый просит вынести справедливое решение. Суд удаляется на совещание.

В 23 часа 25 минут оглашается приговор: Торекул Айтматов приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества. Заседание закрылось.

Всего 20 минут потребовалось судьям, чтобы приговорить «врага народа» к расстрелу. До конца суток еще оставалось 35 минут. Этого вполне хватило для приведения приговора в исполнение. В архивных материалах есть справка о том, что «Приговор о расстреле Айтматова Тюрюкула приведен в исполнение в г. Фрунзе 5.XI.1938 г.».

Так оборвалась жизнь одного из выдающихся сыновей кыргызского народа.

В «Дневнике» Ж. Абдрахманова¹ есть запись его беседы с Т. Айтматовым: «2.V.31... Сказал Айтматову, что *«хочу подать в отставку»*. Он говорит, что это *«самый легкий способ быть безответственным, т. е. не отвечать за судьбу своей родины. Можно отказаться от поста ПредСНК, но нельзя отказаться от долга. Можно и нужно ненавидеть (нерадивых – Р. Т.) чиновников, которые, к сожалению, пока что руководят Киргизией, но нельзя и невозможно ненавидеть Киргизию...»*. Торекулу тогда было всего 28 лет. Эти слова он сказал не на каком-нибудь собрании или агитационном митинге, а во время доверительной беседы с товарищем. Каким убежденным патриотом, искренне преданным родине и народу гражданином надо быть, чтобы сказать такие слова!

В 2007 году, как раз когда я работала над этой книгой, совершенно случайно я встретила с Мирой Махмудовой Ботбаевой². Она тоже ра-

1 Ж. Абдрахманов в то время работал Председателем Совета Народных Комиссаров Киргизии, а Т. Айтматов – секретарем Ошского райкома партии. После окончания командировки на юге республики Абдрахманов должен был улететь обратно, но «самолет не прибыл и пришлось остаться в Оше». В тот день, видимо, товарищам удалось поговорить по душам.

2 Ботбаева М. М. – известный в Кыргызстане ученый, профессор, заслуженный работник народного образования КР.

ботала с архивом отца – Ботбаева Махмуда – и обнаружила документ, в котором приводится ответ Айтматова на посланный ему в Москву запрос. История этого документа такова:

7 октября 1936 года Партколлегия КПК по Киргизии посылает запрос на имя Т. Айтматова в институт Красной профессуры. Судя по ответам, данным Т. Айтматовым, в нем запрашивались некоторые сведения о деятельности М. Ботбаева в 1927-29 гг.¹ Видимо, в запросе сообщалось о том, что фамилия Ботбаева значится в списках троцкистов. Что может сообщить Айтматов, длительное время работавший вместе с Ботбаевым, о его связях с троцкистами? Где, когда и как он выступал в защиту троцкистов. Было понятно, что Ботбаев заключен под стражу и его обвиняют в причастности к троцкистской группе как «врага народа». В те времена идеологией советского государства доноительство особенно поощрялось, оно было возведено в ранг священной обязанности коммунистов и всех граждан. В такой обстановке можно было бы и выслужиться перед ОГПУ: написать неправду, домыслы или выразить свои подозрения и таким образом отвести от себя внимание. Но Торекул написал правду:

«В 1927-29 годах в Джалал-Абаде существовала троцкистская группа во главе с Левиным (тогда заворготделом канткома). Контрреволюционная деятельность этой группы была разоблачена под руководством Кир ОК партии. Из аппарата КИКа двое были троцкистами (Попов и Колчин), они состояли в группе Левина.

...Не распространяясь на другие стороны этого дела, отвечаю на заданный мне вопрос, в отношении участия М. Ботбаева в деятельности группы троцкистов...

Насколько мне помнится, Левин² делал попытку через указанных лиц вовлечь в свою группу и Ботбаева. Я помню, что Ботбаев тогда говорил мне об этом. Однако он тогда никаких материалов не передавал. Вместе с тем не могу что-либо утвердительно сказать о том, каким путем Ботбаев попал в список троцкистов,

1 Тогда Т. Айтматов работал секретарем Джалал-Абадского кантонного Комитета партии, а М. Ботбаев – председателем КИКа (кантонный исполнительный комитет).

2 Левин и его группа к тому времени уже были осуждены и расстреляны.

т.е. был ли он (Ботбаев) записан в их список заочно или по его инициативе. Тогда Ботбаев говорил, что его фамилия в список Левинской группы была занесена заочно. Кроме словесного заявления о вышесказанном, я не помню случаев выступления Ботбаева на собраниях с разоблачением Левинской группы. Также не помню случаев выступления Ботбаева с защитой линии троцкистов.

25/X-1936 г. Айтматов (подпись).

Мира Махмудовна сказала мне:

- Спасибо твоему отцу, что он написал правду, спасибо всем честным людям. Ведь это при тех обстоятельствах было проявлением смелости. Я понимаю, они оказались заложниками системы и не могли противодействовать ей, поэтому не могли более действенно защитить друг друга и себя. И все же в условиях тоталитарного режима сохранять принципиальность, справедливость, не предавать – это мужество. Быть может, благодаря таким людям, как Торекул, нашего отца не расстреляли. Его осудили на 10 лет. После отбывания 10-летнего тюремного заключения он вернулся и еще долго жил. Мы были счастливы с ним...

ВРЕМЯ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

Когда мы приехали из Москвы в Шекер, нас поселили в доме двоюродного брата отца Алымкула. Его семья выселилась в юрту. Узнав о нашей беде, все близкие родственники, сестры отца, сестры и племянницы бабушки Аимкан, без лишнего шума и суматохи пришли поздороваться с нашей мамой. Все они были в смятении.

Муж тети Аимкуль, Момбек-жезде, привел дойную корову, привязал к стойлу и сказал:

– Нагима, дорогая, детям нужно молоко. Вот... доите корову, поите молоком детей, пожалуйста!

Примерно через месяц, из районного центра сотрудники НКВД приехали ночью на конях и арестовали Алымкула. Посадили его со связан-

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: «Без отца»

ными руками на коня и увезли на станцию Маймак, там его пересадили в арестантский вагон поезда, следовавшего из Москвы во Фрунзе. Подоплека была понятна: как это он посмел помогать семье врага?!

Вот как рассказывала об этом Гуляим-апа:

– Рано утром я встала, убрала в комнате и уже заканчивала складывать жук Вдруг кто-то зашел и сказал, что ночью арестовали Алыке. Я как стояла, так и сползла, облачаясь о жук, упала на пол без сознания. Долго потом приводили меня в чувство. Так и осталась со мной эта болезнь: как только какая беда, падаю в обморок. Ведь это был сильнейший шок!

Каким он был прекрасным братом, ты не представляешь себе! Торекул смолоду всегда был в разъездах, жил в других областях, поэтому мы мало общались с ним. А Алымкул-аке всегда был с нами. Он был таким приветливым и внимательным, с ним и поговорить, и посоветоваться можно было. И вообще не только для нас, но и для всего рода Шекер он был надежной и крепкой опорой, как гора.

Видимо, сам Алымкул чувствовал, что его должны арестовать, потому что накануне он обратился к Керимбеку и поинтересовался:

– Как там в горах? Какой в этом году курай? Как отары, табуны?.. Может, вместе съездим?

– Алыке, вам, что курая не хватает или мяса? Так я сам привезу вам все, только скажите, – удивился Керимбек.

Позже он часто вспоминал этот странный разговор со старшим братом:

– Вот ведь какой я дурак! А?.. Нет бы, забрать его в горы и спрятать. Я ведь там знаю каждую тропиночку, ложбинку, пещеру, каждый камешек... Наверное, он сомневался, боялся навредить мне. А я не понял его намека.

НКВД-шники не переставали приходить в дом председателя сельского Совета проводить обыски. Забирали все: и мало-мальски приметные вещи, и дорогие ковры, туш-кийизы, ширдаки, собственноручно изготовленные женой Алымкула Ажар-апой.

Теперь перед родственниками стоял вопрос: куда перевезти нашу семью?

Карагыз-апа взяла нас к себе, это был нейтральный дом. Досалы – охотник, никакой должности не занимает, никто на него доносы писать не будет.

Дом Досалы-жезде был в форме куржуна: по центру – прихожая, с двух сторон от нее – две комнаты. В одной жили хозяева, в другой – мы. Прихожая одновременно служила кухней, в ней находился очаг с большим казаном. В нем готовили еду для обеих семей. Мама приобрела примус и на него ставили чайник и кипятили воду. Столов и стульев не было. Перед трапезой поверх напольного войлочного ковра по центру стелили скатерть-дасторкон и все вместе садились вокруг нее. Позднее Чингиз, Жапарбек и Баизбек,¹ встречаясь при мне, всегда вспоминали, как пили чай с моим ботинком. Это случилось, когда я еще не ходила, а ползала. Чайник, видимо стоял на полу. Я открыла его и кинула внутрь свой ботиночек. Закрыла чайник крышкой и отползла в сторону. Никто ничего не заметил. А перед приходом ребят из школы, кто-то из домашних поставил чайник на примус, чтобы вскипятить воду. И вот расстелили дасторкон, разложили лепешки, разлили чай. Мальчики выпили по пиалке:

– Что-то чай не вкусный, не такой, как обычно, – заметил Чингиз.

– Он чем-то пахнет. Кожей что ли? Я не буду пить, – отказался Жапарбек.

– Я тоже. Надо посмотреть, наверно в чайнике что-то есть...

Откинули крышку чайника, а там – детский ботинок! Все хототали до упаду...

¹ Баизбек – наш двоюродный брат, сын Аимкуль-апы. Он был не только братом, но и самым верным и близким другом Чингиза.

Не забывайте Рыскулбека!

*В худых залатанных бушлатах,
В сугробах на краю страны...
Здесь было мало виноватых,
Здесь было больше без вины.*

Анатолий Жигулин

Арестом Алымкула наши беды не закончились. Рыскулбека, младшего брата Торекула, исключили из Фрунзенского педагогического техникума как близкого родственника «врага». Он вернулся в Шекер и стал жить с нами у тетушки Карагыз. Вскоре, опять-таки ночью, пришли НКВД-шники и арестовали Рыскулбека.



Слева направо: Рыскулбек, Асия (племянница Нагимы) и Торекул

Мама часто вспоминала этого доброго, прямодушного юношу:

– Какой из него враг? Он был открытым, веселым, умным. Он любил своих племянников и всегда заботился о вас. Ах, если бы хоть он остался с нами, какой опорой был бы для нас!

Из заключения Рыскулбек часто писал содержательные, – поддерживающие нас письма. В мамином архиве сохранилось одно из них, видимо, последнее. И хотя оно потерялось, я помню его наизусть, так как читала и перечитывала много раз. Каждый раз после прочтения мое сердце сжималось и обливалось кровью: читать его спокойно было невозможно. Сначала он осведомлялся о каждом из нас, справлялся о здоровье, особенно тревожился о брате Торекуле. И далее продолжал о себе:

«...Нас отправили на границу с Манчжурией, на строительство дороги. Холодно, пронизывающие ветры. Я застудил обе почки. Поэтому, когда на работе поднимаю тяжести, почки начинают нестерпимо ныть. А кормят здесь в зависимости от того, как выполняешь норму выработки. Тех, кто не может выполнить эту норму, почти не кормят. Из-за болезни почек я, естественно, не могу выполнить положенный объем работы. От недоедания я сильно исхудал и ослабел. Понимаю ваше положение, но, если вы сможете, пришлите полпуда талкана¹. Не думайте, что буду постоянно просить. Мне этого надолго хватит, я растяну на пять-шесть месяцев. А там посмотрим. Как бог покажет...»

Известно, что в СССР на всех великих стройках использовался бесплатный труд заключенных. Зеков было так много, что на всех не хватало лагерей. Для уменьшения количества заключенных просто уничтожали физически слабых. Поэтому был издан приказ по ГУЛАГу², согласно которому тем, кто выполнял норму с превышением – выдавался паек ударника, кто выполнял требуемую норму – обычный паек, а тем, кто не мог осилить работу, штрафной паек. Штрафной паек был настолько мизерным, низкокалорийным, что штрафники быстро теряли

1 Толкно.

2 ГУЛАГ – Государственное Управление лагерей.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: «Без отца»

силы, слабели и умирали. Видимо, дядя Рыскулбек попал в категорию штрафников.

Тяжкая доля Рыскулбека до глубины души пронзила всех членов нашей семьи. Без промедления мама и Карагыз-апа принялись жарить пшеницу и кукурузу для приготовления талкана двух видов. Чуть свет мама оседлала коня Досалы-жезде и поехала в райцентр, чтобы отправить посылку по указанному адресу.

Неизвестно, получил ли Рыскулбек ту посылку. Ответа не дождалось. Так молодой и веселый, ни в чем не повинный, добрейшей души кыргызский юноша погиб на чужбине. Карагыз-апа всегда говорила:

– От Торекула осталось четверо детей, и все четверо выросли, и стало, пусть божий слух радуется, четыре Торекула. А у Рыскулбека не было детей, он не успел жениться. Поэтому о нем мало кто вспоминает, мало, кто говорит, а если б были дети, то память о нем еще долго жила. Не забывайте о Рыскулбеке, когда поминаете своего отца, посвящайте ему тоже молитву.

Последнее письмо от Алымкула, было получено в 1941 году из Кеминского района, там он работал вместе со всеми зеками на руднике Ак-Туз. На одной стороне листа он написал письмо своей жене Ажар. Он сообщал, что дела его неплохи, по крайней мере, наравне со всеми другими. Единственное его страдание – это они (скучает по семье). Письмо, написанное на другой стороне листа, было адресовано Досалы. В нем он также беспокоился о судьбе Торекула, просил написать последнюю информацию о его делах. Алымкул так же, как Рыскулбек, не вернулся домой.

Озубек, второй сын Биримкула, после ареста Алымкула и Рыскулбека вынужден был бежать из Шекера, боясь, что его тоже могут взять в заключение. Первое время от него приходили письма, в которых он сообщал, что работает на руднике Ак-Туз. Но вскоре письма перестали приходить. Озубека постигла та же участь: он погиб на чужбине.

В 1937 году проходили выборы в Верховный Совет Киргизской ССР. Нагиме надо было идти голосовать, иначе ее обвинят: мол, «вражеская» жена не поддерживает и даже игнорирует политику советского государства. В те времена выборы проводились очень шумно, помпезно, людей

зазывали музыкой, концертными номерами, распродажей дефицитного товара. Поэтому на избирательных участках всегда было многолюдно.

Нагима пробиравась сквозь толпу глазающих недоброжелателей, когда ее заметил председатель колхоза¹. Он был в роскошном куньем тебетее, на коне сидел подбоченясь, в руках красивая - плетеная камча. Указывая в сторону Нагимы своей красивой плеткой, он громко сказал:

– А этой-то, жене врага народа, что здесь надо? Она же против Советской власти!

Нагима подошла к нему ближе и так же громко ответила:

– Я – гражданка СССР и по Конституции имею право голосовать!

Маме было неудобно сидеть на шее родственников, и она начала искать работу. В аиле, кроме как на табачной плантации, другого рабочего места не было. Но из-за сильных стрессов и переживаний мама страдала астмой, поэтому труд на табаке для нее исключался. Но в то же время она была образованной женщиной со знанием русского и кыргызского языков, имела значительный опыт в делопроизводстве, приобретенный в годы службы в государственных учреждениях. Тогда требовались такие грамотные специалисты. Кроме того, мама хотела уехать из Шекера, чтобы не навлекать беды на родных и близких людей.

...В былые годы, когда они с Торекулом, занимавшим высокие государственные посты, приезжали в Талас, чтобы навестить его маму Аимкан, их всегда радушно встречал один молодой человек, который работал в Кировском райкоме партии. Он так подобострастно льстил, буквально надоедал своим излишним вниманием. Как говорится, «на безрыбье и рак – рыба», и теперь, когда все компетентные работники оказались арестованными, этот парень быстро продвинулся по служебной лестнице и уже занимал пост одного из руководителей района. А у мамы ситуация безвыходная, она вынуждена была обратиться к этому новоиспеченному начальнику. На ее просьбу он ответил:

-- Вы знаете, сейчас нет подходящей работы. Приходите через месяц.

В следующий раз – «через месяц», и опять «через неделю»...

1 Между прочим, наш родственник, из рода Шекер.

Куда бы мама ни обращалась по поводу трудоустройства, как только услышат ее фамилию – сразу отказ. Конечно, Нагима понимала положение районного руководителя, но у нее не было иного выхода, и к тому же она ведь не просила высокую должность. И вот она решает еще раз зайти к нему, если откажет опять, то все...

С тяжелыми мыслями она подъехала к административному зданию района, спешила, привязала коня к дереву, что росло около администрации. Зашла в приемную – никого, видимо, секретарша отлучилась, и мама заглянула в кабинет руководителя. У него был посетитель – мужчина-европеец. Нагима быстренько прикрыла дверь, чтобы не мешать, а подождать и зайти после него. Тут вернулась секретарша, начальник вызвал ее и громко сказал, чтобы к нему зашла Айтматова. В присутствии посетителя (видимо, ему хотелось показать, какой он преданный советской власти человек) он начал кричать на Нагиму:

– Тебе не надоело ходить сюда? Нет у меня работы для жены врага, будь ты хоть трижды грамотной!

– Но у меня четверо детей, я должна их кормить, растить. Ну, хорошо, пусть Торекул, пусть я – мы враги, а дети причем? Дайте мне рядовую работу, я хороший исполнитель, уверяю вас.

– А мне плевать, будешь ты растить детей врага народа или голодом их уморишь. Не можешь прокормить – раздай по родственникам, сдай в детский дом.

– Чтобы я бросила своих детей?! Пока жива, этому не бывать!

Ей не хотелось, чтобы кто-то видел ее слезы, тем более такой двуличный человек, этот начальничек. Хлопнув дверью, Нагима выскочила из его кабинета. Внутри у нее все клокотало, голова кружилась, к горлу подкатил комок... Чтобы не упасть, она обхватила дерево, к которому привязала коня, и горько заплакала. Она выплакивала все, что в ней накопилось: безысходность, обиду, страх перед будущим детей...

В это время кто-то тронул ее за плечо. Оказалось, тот самый человек, сидевший в кабинете руководителя района.

– Вы можете работать счетоводом?

– Да.

– Успокойтесь, приходите завтра в 9.00 в уполминзаг, – и назвал адрес.

Это был районный уполномоченный министерства заготовок республики Отто Зюдерман, немец по национальности.

Так мама стала счетоводом. Позже она рассказывала:

– В первые дни мне, не знающей даже, что такое дебет и кредит, было очень трудно, хотя я уверенно ему сказала, что смогу работать. Однажды я допустила какую-то ошибку в расчетах, итог не сходился, и тогда я обратилась к старшему специалисту, моей непосредственной начальнице. Она сердито схватила из моих рук бумагу и повела к Зюдерману:

– Вот, берете на работу кого попало, а они ошибки допускают!

Начальник посмотрел расчеты, сделанные Нагимой, и сказал своей сотруднице:

– Это же элементарная вещь, вам стоит объяснить, и она все сразу поймет. Она нуждается в помощи! Вы же женщина, вы должны быть более сострадательной. Почему не можете понять, что она находится в тяжелом, безвыходном положении. Я врагу своему не пожелаю такого!

Маме предоставили квартиру в доме барачного типа, и наша семья из Шекера переехала в Кировку – районный центр¹. Это было в конце 1939-го или начале 1940-го. Вскоре Зюдерман уехал из Кировки в связи с переходом на другую работу. Мама всегда вспоминала его добрым словом.

В это время старшая сестра Нагимы, Гульша с сыном Асфандияром переехала к нам в Кировку из Казахстана. Так две родные сестры, жены репрессированных, решили вместе растить своих детей, помогать друг другу. Мама была «добытчицей», а Гульша-апай занималась детьми и домом.

В 1941 году началась война, и жизнь резко ухудшилась. Жить в районном центре стало невозможно: как вспоминает Ильгиз, на мамину зарплату можно было купить всего одну буханку хлеба. В 1942 году, когда Чингизу шел четырнадцатый год, его взяли на работу в Шекерский Сельский Совет – секретарем. Потом он работал финагентом, прицепщиком трактора, в общем, до конца войны учебу в школе пришлось приостановить. Нагиме предложили работу бухгалтера в колхозе Жийде Покровского района². В марте 1942 года наша семья переехала на жи-

1 Ныне село Кызыл-Адыр.

2 Ныне это Манасский район.

тельство в село Жийде. Жили мы вначале в домике чабана, который с семьей находился в горах, пас колхозный скот, потом у Толгонай-апы. Ее дом тоже был куржунобразный: в одной комнате она жила со своей семьей, в другой – мы. Сын Толгонай Суванбек был председателем колхоза, но его призвали в армию... (Суванбек с войны не вернулся).

Когда война закончилась, жизнь еще долго оставалась тяжелой. Как бы ни было трудно, надо было думать об образовании Чингиза: ведь он пропустил три года школьного обучения из-за работы в Сельсовете. Мама настояла на том, чтобы его освободили от работы и он смог продолжить учебу в школе. Она понимала, что детям «врага народа» необходимо иметь не только документ об окончании школы, но и хорошие знания. Тогда в Таласской области самой сильной по уровню преподавательского состава считалась Покровская школа. Поэтому Чингиз с Ильгизом ходили учиться не в соседнее село, а «за тридевять земель» – в районный центр – Покровку. После восьмого класса Чингиз поступил в Джамбульский зооветеринарный техникум, который закончил в 1948 году.

1949 год. Теперь Нагима считалась квалифицированным специалистом, добросовестным работником, поэтому ее взяли на работу бухгалтером в райсельхозотдел. В Покровке мы поселились на квартире у женщины по имени Катей. Ее муж и сын не вернулись с войны. Она была одинока.

Чингиз закончил техникум, получил диплом с отличием, что давало возможность поступить в высшее учебное заведение через собеседование, без сдачи экзаменов. Однако, видя тяжелое положение семьи, он сказал маме:

– Все, мама, я буду работать! Мы построим дом, купим корову... Сколько можно? Надоело по квартирам скитаться!

– Что ты, сынок! Если ты сейчас начнешь работать, то тебя сразу в армию заберут. В армии надо служить три года. За это время ты потеряешь тягу к учебе. А сейчас у тебя есть возможность поступить без экзаменов! Мы потерпим, главное, чтобы ты получил высшее образование.

Так и сделали. Чингиз поступил в Киргизский сельскохозяйственный институт. Теперь он жил в общежитии института во Фрунзе.

Ильгиз закончил Покровскую школу с золотой медалью, однако, по понятным причинам, медаль ему вручена не была: «Как это детям врага народа золотые медали выдавать?»

Между прочим, в годы школьной учебы он с 1943 года параллельно работал почтальоном колхоза Жийде. Ему одиннадцатилетнему мальчику было поручено собирать письма, которые жены писали мужьям-солдатам, и относить в районную почту. Возвращаясь с учебы, он вновь заходил на почту и забирал корреспонденцию – газеты и фронтовые письма-треугольники для жителей Жийде. К работе своей Ильгиз относился аккуратно и добросовестно. А когда в 1945 году после победы на общем собрании сельчане обсуждали вопрос о награждении достойных тружеников тыла, то первым был назван Ильгиз Айтматов. Так в четырнадцатилетнем возрасте он был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». В 1949 году Ильгиз поступил учиться в Московский геолого-разведочный институт.

В Покровке мы остались втроем: мама, Люся и я.

В 1953 году Чингиз закончил институт, устроился работать зоотехником на экспериментальную ферму Киргизского Научно-исследовательского института животноводства (КирНИИЖ). Как молодому специалисту, ему предоставили квартиру, и он перевез нас из Таласа в село Чон-Арык, что находилось в пригороде Фрунзе.

Это был год смерти Сталина...

Люся была кандидатом на золотую медаль в Покровской школе, в Таласе. Но в связи с переездом нашей семьи ей пришлось последний год учиться в столичной школе № 12. Она закончила десятый класс очень хорошо.

В те годы набор абитуриентов в центральные вузы выпускников из Кыргызстана проводился во Фрунзе. Создавалась специальная приемная комиссия, которая оценивала знания абитуриентов, затем заседала мандатная комиссия, которая решала кому можно, а кому нельзя учиться в Москве или Ленинграде. Это был пятьдесят четвертый год. Люся решила поступить в Московский Электротехнический институт связи.

Она была очень сильна в математике и физике, да и сочинения писала отлично. В общем, она сдала все экзамены на пятерки. Каждый раз, когда Люся приходила и сообщала свои результаты, мы все радовались, особенно – мама. Мы сшили ей новое платье, купили чемодан и уже начали в него упаковывать вещи.

...Люся утром уехала из Чон-Арыка во Фрунзе на заседание мандатной комиссии, чтобы получить направление в московский вуз. Мы с мамой начали готовить ей в дорогу боорсоки, варить курицу. Вся группа, студентов, поступивших в центральные вузы, должна была завтра выехать поездом в Москву. Но Люся почему-то задерживалась, и только под вечер она пришла вся заплаканная.

Оказалось, мандатная комиссия решила отказать ей в учебе в Москве.

– Но почему?! Ведь я лучше всех сдала экзамены?

– Потому что вы – дочь врага народа. Знайте своё место!

– Ты посмотри, они (*дети врагов народа – Авт.*) ещё и учатся хорошо, нахватала пятерок, – между собой переговаривались члены мандатной комиссии.

– Ещё неизвестно, враг мой отец или нет, – и хлопнув дверью, Люся выскочила на улицу.

– Что же делать? Лучше умереть! – решила она и побежала в сторону железной дороги.

Тогда железная дорога была окраиной города.

– Брошусь под поезд и умру, чем терпеть такую несправедливость, такое унижение, ведь зачислили даже тех, кто на тройки сдал экзамены – думала и бежала она по нынешней улице Логвиненко в сторону шлагбаума.

– Но чем более я приближалась к железнодорожному пути, тем больше стала думать, мамочка, о тебе. Ты же переживать будешь из-за меня! – бросилась она в объятие мамы.

Обнявшись, они долго плакали.

Пришёл с работы Чингиз и всех успокоил. Он строго запретил кому-либо плакать и расстраиваться и сказал, что завтра сам поедет в Министерство образования и выяснит, что дальше делать. Ничего страшного, если не приняли в московский вуз, можно и во Фрунзе учиться.

В Министерстве образования Люсе предложили выбрать любой ВУЗ во Фрунзе по профилю и учиться. В тот год открылся новый институт – Политехнический. Моя сестра поступила на энергетический факультет этого института. На потоке было всего две девушки: Дамира Орозова и Люция Айтматова. Они были первыми девушками, закончившими энергетический факультет Политехнического института.

В Чон-Арыке нашим соседом был агроном. У нас была общая веранда, по центру разделенная на две части. Все, что делалось и обсуждалось на веранде, было видно и слышно соседям. Однажды к нашему соседу пришли друзья-коллеги. Перекуривая на веранде, они вдруг стали громко разговаривать. Один гость возмущался:

– Я знаю, чей он сын! Я ему покажу, как выступать против меня на общем собрании, сомневаться в моём профессионализме, наводить тень на мой авторитет. Я – герой социалистического труда, известный человек в республике! Я сделаю с ним то же, что было сделано с его отцом!

Мама вся побелела:

– Да что же это такое? Что, теперь моим детям нельзя говорить, выражать своё мнение? – мама остро переживала такие выпады в отношении ее детей.

Оказывается, на собрании обсуждали какой-то важный производственный вопрос. Позиция Чингиза и этого коллеги, который как раз был в гостях у нашего соседа, разошлись. Чингиз сумел научно обосновать свою идею и участники собрания поддержали его. Для Героя соцтруда, конечно, это было сильным поражением.

Чингиз и мама очень сильно переживали за наше будущее. Они говорили, что нам всем надо обязательно иметь хорошие знания, чтобы в будущем мы стали профессионалами в своем деле.

Год смерти Сталина уже был позади. Наступила «хрущевская оттепель». Благодаря целеустремленности и мудрости мамы и взаимопониманию между мамой и Чингизом наша семья выжила, достойно пережила тяжелые времена.

МНЕ ПРИСНИЛСЯ ОТЕЦ

Рабочий день закончился. Я подошла к автобусной остановке, что у фабрики «Ильбирс». Вдруг ко мне подходит молодая женщина и говорит:

– Эже, здравствуйте, можно обратиться к вам со своим вопросом? – сказала и как-то сжалась вся.

– Да, конечно!

– Я с утра заглядывала к вам в кабинет, Вы были заняты, да и никак решиться не могла.

– Ты наша студентка? С какого факультета?

– Да. Я заканчиваю – на пятом курсе. Я вышла замуж, моему сыночку уже три года, – показала она на большеглазого смугленького симпатичного мальчика, которого держала за руку.

Он уже обратил внимание на блестящую металлическую пластинку, прикрепленную к моей сумке для украшения, и своими маленькими пальчиками пытался ее потрогать со всех сторон.

Я ощутила на себе какой-то безысходный, печальный взгляд и внимательно посмотрела на нее. Эту женщину бог не обидел: красивое лицо с большими выразительными глазами, гладкая смуглая кожа и стройная фигура.

– Мы с мужем из одного аила, учились вместе, за одной партой сидели. Вместе приехали поступать в вуз: я – на «инфак» Женского педагогического института, а он – в «политех». Так получилось, что он не прошел по конкурсу, а я поступила. Мой друг не уехал обратно в аил, а остался работать на заводе сельскохозяйственных машин рабочим. Мы продолжали дружить и вскоре поженились. Все было хорошо, мы жили дружно. Ему дали однокомнатную секцию в общежитии, ребенка устроили в детский сад. Зарплата у него хорошая, нам хватает.

Но в последнее время, эже, наша жизнь превратилась в ад. Каждый божий день приходит ужасно пьяным, поднимает на меня руку, всю ночь воюем, покоя нет. А в последнее время стал приводить таких же, как сам, пьяных друзей. Они пьют, сквернословят, играют в карты, а потом начинают между собой драться. Когда выпивка заканчивается, требуют,

чтобы я еще нашла им выпить. Я хватаю спящего ребенка и тайком выскакиваю из комнаты. Если он не успеет заметить, то прячусь у соседей. До утра ни покоя, ни сна нет, перед соседями стыдно. И так каждый день, – тяжело вздохнула моя собеседница.

– Я заканчиваю учебу, надо писать дипломную работу. Но я не в состоянии работать над ней. Сажу на занятия, а сама думаю, что будет вечером, в каком состоянии он придет? На нашем курсе я же была на хорошем счету. Училась отлично, а теперь... – на глаза навернулись слезы. Ее большеглазый мальчик, словно почувствовав состояние матери, стал ее дергать за руку и что-то лопотать на своем языке, понятном только для них обоих.

– Я в безвыходном положении, эже, вот решила с вами посоветоваться¹. Раз уж я дошла до выпускного курса, то хочу закончить, получить диплом. Вчера вызвала свою маму, чтобы она забрала ребенка. Прошу вас дать мне место в общежитии, чтобы я спокойно вдали от мужа написала дипломную работу и закончила свою учебу.

– Ты, хочешь развестись? Твои родители, его родители знают об этом?

– Нет, никто не знает. Мама приедет, ей объясню. Сейчас мне надо учебу закончить, условия нужны. Помогите, пожалуйста.

Между тем подошел автобус, которого я ждала. Он очень редко ходит, следующего ждать придется допоздна.

– Завтра приди ко мне в кабинет. Есть одно свободное место, я тебе его предоставлю, – сказала я.

Я вошла в автобус, пассажиров много, стоять было тесно. Держась за поручень, я думала. Перед глазами тот маленький большеглазый мальчик. А потом, удивительно, я вспомнила сон, который когда-то давно-о-о, в детстве видела.

...1944 год. Мы живем в Джийде. Это маленький аил, состоящий всего из одной улицы. Летом на ней пыль по колено. В нижней части ули-

¹ Я в то время работала проректором по воспитательной работе в Кыргызском педагогическом институте.

цу пересекает большой арык. Через него перекинут дугообразный мост. Если смотреть от нашего дома, то выпуклая часть кажется высоко-о-кой. Справа от моста на берегу арыка есть удобное место, чтобы набирать воду в ведра. Мы с подружками – Джамилей, Кубурой и Дамирой – берем маленькие ведерки или чайники и ходим туда за водой. В жару мы сначала ложимся на живот, головой к берегу, и пьем воду прямо из арыка: утоляем жажду. А потом набираем воду и идем домой – мамыны помощницы!

Там же, справа, но ниже моста – дом старика Ысмана, дедушки Джамили и Дамиры. Маленький старичок Ысман, ходит с палочкой, едва передвигается, всегда сидит на топчане, который поставлен под тень развесистой яблони. Он гоняет нас палкой, когда мы хотим нарвать зеленых, неспелых яблок.

В 1944 году весной с войны вернулся Сыдык – отец Джамили и Дамиры. Мужчина в солдатской форме, пилотке, с рюкзаком за плечами прошел через мост и свернул во двор старика Ысмана.

– Девочки! Миленькие! Отец ваш вернулся с войны!!! – что было мочи, закричала бабушка, выходявшая в это время из дома во двор.

Сыдык напрямую пришел домой, но там никого не было. Зная, что все на колхозном поле, он пошел к родителям жены. Отец сел на пенек, посадил дочерей на колени, обнял их и заплакал. Между тем таене¹ набрала чистую воду в деревянную с узорами чашку, покружила над головой Сыдыка, что-то приговаривая, и потом дала дунуть Сыдыку на воду: су-ф, су-ф! Вылила и обратилась к внучкам:

– Все! Девочки, отпустите отца, пусть и другие поздороваются.

Как узнали и когда успели прийти, не знаю: двор был полон людей. А Сыдык взял на руки младшенькую Дамиру и стал подбрасывать ее высоко-о-о, высоко. Дамира хохочет:

– Ата, подбрось еще, еще раз!

Но таене была непреклонна. Она дала нам по кусочку лепешки и вы проводила со двора поиграть, хотя обычно со двора выходить не разрешалось. Потом стали возвращаться отцы других моих подружек. Но эта

¹ Бабушка по материнской линии.

первая яркая картина возвращения отца моих любимых Джамили и Дамиры, видимо, произвела на меня сильное впечатление.

В конце 1944 года мне приснился отец.

Я отца не знала, видела его только на фотографиях. Причем рассматривала его очень внимательно, он мне казался необыкновенно красивым и хорошим человеком.

И вот во сне... Мы с подружками расположились под большим деревом, что росло на обочине около нашего дома, и играем в самодельные куклы из чия. Я посмотрела в сторону дороги и вдруг увидела идущего в нашу сторону мужчину. Я его сразу узнала – это был мой отец. Высокий, стройный, точь-в-точь, как на фотографиях: волосы волнистые, глаза черные, блестят, одним словом, красавец. Он шел в солдатской форме, с рюкзаком за плечами, только без пилотки. Я побежала ему навстречу босиком. Пыль, поднявшаяся от моих ног, затмила его образ. Я боюсь, что потеряю его и кричу, зову его:

– Папа! Па-а-па!

А сама бегу что есть мочи. Наконец, я добежала до моста, и мы с папой встретились. Он взял меня на руки и подбросил высоко-о-о, высоко! Ах, какое счастье! От радости у меня, видимо, остановилось сердце...

Но мама меня разбудила:

– Что с тобой, доченька? Ты что кричала?

Я ей рассказала свой сон. Мама обрадовалась и говорит:

– Очень хороший сон ты увидела. Видимо, папа думал о тебе. Значит, он живой, бог даст – скоро вернется.

– Мама, а как ты думаешь, он действительно обо мне думает или забыл, я же маленькая была?

– Ну, конечно, думает. Ты же самая младшенькая у нас. О тебе он больше всех думает. Думает, а какая она стала, а насколько она выросла... Лучше усни. Спи, золотце мое...

Я уснула. Но почему-то утром рано проснулась и открыла глаза. Мама сидела у очага, видимо, на завтрак нам готовила похлебку, чтобы покормить нас горячим, зима ведь. В комнате темно. Только свет от горящих в печи дров падал на лицо мамы. Из глаз ее струями лились слезы, они стекали с ее щек на подол платья, а ей было безразлично, Она

даже не пыталась вытереть слезы или убрать подол платья так, чтобы не пачкать его (она всегда была человеком аккуратным), а была погружена в глубокую печаль.

– Мама, не плачь! Зря я тебе рассказала свой сон, – хотела сказать я, но почему-то передумала. Своим детским чутьем я поняла ту глубину горя, пронизывающего ее сердце. Ей надо было остаться одной. У кыргызов говорят: *«У смеющегося легко выпытать его тайну. Труднее узнать причину печали у горющего»*. Печаль и скорбь тоже имеют свое предназначение: они обладают свойством очищения и обновления. Поэтому человеку надо дать возможность суметь это пережить и выйти из этого состояния достойно, не сломиться.

С тех пор, оказывается, прошло 48 лет... Странно, что бы это значило? Почему сон, который я видела так давно, в детстве, представился мне так, как будто бы я его увидела сегодня? С тех пор я выросла, обзавелась семьей, детьми, сейчас внуков вожу в школу.

Значит, моя тоска по отцу до сих пор не прошла. Значит, в моем сознании навечно сохранилась обделенность ребенка, выросшего без отца.

Если сравнивать со мной, то этот маленький большеглазый мальчик тоже будет лишен полноценного детства. И он тоже до старости лет будет мечтать, чтобы отец хоть раз в жизни подбросил его высоко-высоко и снова поймал его. Но почему? У меня, ладно, было безвыходное положение, а у этого мальчика и мать, и отец живы, они молоды, и все у них впереди, все зависит от них самих.

Почему их ребенок должен быть чем-то обделен? Чувствовать себя ущемленным в сравнении с другими? Почему алкоголизм, порок, который никогда не был свойственен кыргызам, должен превращать жизнь наших детей в ад? Эти вопросы не выходят из головы, сердце сжимают. Боже, прошу тебя, дай разум отцу ребенка, помоги ему! Жизнь, которая не дает познать ласку и заботу, строгость и любовь отца – неполноценна. Эта несбывшаяся мечта останется до конца жизни, – думала я и ждала завтрашней встречи.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: «Время перемен»

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Прошло уже десять лет с тех пор, как мама получила извещение о том, что *«Т. Айтматов осужден на десять лет и выслан в дальние лагеря без права переписки»*. Многие из тех, кто был осуждён по такой же статье, давали о себе знать через какие-то каналы. Например, через освободившихся из тюрьмы и возвращающихся домой людей передавали записки, письма или устные сообщения. Мама постоянно следила за слухами о том, кто, где, откуда вернулся из заключения. И если до неё доходила такая информация, она тут же бежала, чтобы встретиться, чтобы спросить, а не слышал ли он что-нибудь о Торекуле. Но не было никаких вестей. Не может быть, чтобы Торекул не смог найти способ сообщить о себе. Она начинала сомневаться, жив ли он. Поэтому много раз Нагима обращалась в НКВД с просьбой прояснить судьбу мужа.

В архивах НКВД сохранилось письмо, которое она написала в октябре 1939 года наркому, товарищу Берия. В нём Нагима сначала заверяет, что, прожив с Торекулом Айтматовым вместе 12 лет, знает точно, что он был искренне предан своему народу, стране и делу, которому служил. Она, Нагима Айтматова, может свидетельствовать, что её муж не враг, народа и поэтому просит пересмотреть его дело:

«...По сведениям, полученным мной из НКВД Киргизской ССР, мой муж в ноябре месяце 1938 года осуждён тройкой на 10 лет с высылкой на Дальний Восток без права переписки. Кроме вышеуказанных, никаких сведений о муже не могу получить, и его судьба мне совершенно неизвестна, жив он или нет. Так как в последнее

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: «Время перемен»

время многие лица, обвиненные, как враги народа, оказались невиновными, я решила обратиться к вам и прошу пересмотреть дело моего мужа.

1939, 24 октября»

На это письмо Нагима Айтматова получила ответ¹:

*«22 ноября 1939 года
Начальнику Кировского РО НКВД Киргизской ССР
Объявите гражданке Айтматовой Нагиме... что её муж осуждён правильно и выслан в дальние лагеря без права переписки.*

*Начальник I спецотдела НКВД Киргизской ССР,
лейтенант госбезопасности Сааков»*

В ожиданиях и тревоге прошли эти десять лет. Теперь отец должен освободиться! Мы ждали, прислушивались к шагам с улицы, к каждому стуку в дверь днём и ночью. Но никаких вестей.

Прошло ещё десять лет...

Мама всё продолжала верить в то, что Торекул жив и продолжала искать его. Теперь к поискам отца подключился уже ставший самостоятельным Чингиз.

10 ноября 1956 года Нагима Айтматова обращается с письмом к прокурору Киргизской ССР с просьбой выяснить судьбу мужа. Ей сообщили, что дело рассматривается. Тогда Чингиз собственноручно пишет письмо в прокуратуру СССР:

***Главной Военной прокуратуре СССР
От Айтматова Чингиза, проживающего
в Киргизской ССР, Фрунзенской области,
Кызыл-Аскерском районе, с. Чон-Арык,
на экспериментальной ферме КирНИИЖа***

¹ В это время наша семья уже жила в селе Кировка (сейчас Кызыл Адыр) Кировского района Таласской области.

ЖАЛОБА

Вот уже 20 лет мы не имеем никаких вестей о судьбе отца, не знаем, жив он или нет, когда осуждён, кем осуждён, не знаем, действительно ли он виноват перед родиной. Эти вопросы возникают у нас потому, что на протяжении всего этого времени мы всегда мучительно переживали свершившееся событие и в душе никак не могли поверить в преступность отца перед советской властью, за которую он боролся в самые тяжёлые годы установления и упрочения её в Средней Азии... Насколько мне известно, мой отец честно и добросовестно работал секретарем Кир.Обкома ВКП(б) и на других ответственных партийных и государственных постах. В последнее время он учился в Москве в институте Марксизма-ленинизма, оканчивал завершающий курс. Сейчас, когда партия приступила к справедливому пересмотру минувших событий 1937 года, мы с нетерпением ждём сообщений об участии отца. От этого зависит не только его личная судьба, но и нашей семьи... Например, по этой причине меня не приняли в аспирантуру, несмотря на то, что имел все данные для поступления. Точно так же поступили с моим младшим братом, окончившим Московский Геологоразведочный институт. А сестру, окончившую среднюю школу в 1954 году, не приняли на учёбу в Московский вуз, хотя по конкурсу, организованному у нас (в Киргизии) для отбора студентов в центральные вузы, она прошла с самыми лучшими результатами.

В конце концов, дело даже не в этом, может быть, это мелочи, о которых не следовало даже говорить, однако нам важно добиться истины, восстановить незапятнанную честь отца и нашей семьи перед народом.

Айтматов Чингиз

15 июля 1956

Киргизская ССР, с. Чон-Арык»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: «Время перемен»

В 1953 году Чингиз заканчивал зоотехнический факультет Киргизского сельскохозяйственного института. Все годы обучения в вузе он хорошо учился, проявлял интерес к общественной жизни и к науке. Его достижения в учебе были поощрены Сталинской стипендией. Теперь, разумно распоряжаясь деньгами, старший брат мог нам помогать. Помню, как они с мамой сидели и беседовали. Чингиз сказал:

– Девочки уже подросли, и надо бы их получше одевать...

Поближе к зиме на сэкономленные от повышенной стипендии деньги он прислал мне и Люсе зимнюю одежду красивые пальто московского пошива – серое и бордовое с цигейковыми воротниками.

Но нашёлся бдительный человек, который сообщил и предупредил руководство вуза: нельзя, мол, допускать, чтобы стипендию имени «вождя всех народов» получал сын врага народа. Дирекция была вынуждена отменить повышенную стипендию. Теперь, чтобы как-то поддержать нас в материальном отношении, ему приходилось вечерами, по выходным дням подрабатывать на разгрузке дров и угля на железнодорожном вокзале...

Чингиз продолжал хорошо учиться и активно заниматься наукой. Он написал отличную дипломную работу, и педагоги предрекали ему блестящее будущее в науке. Его научной работой руководил сам ректор института, знаменитый академик Михаил Николаевич Луцихин. Он был очень заинтересован в создании своей научной школы животноводства в Киргизии. И поэтому отбирал грамотных, способных научно мыслить, подающих надежды студентов в аспирантуру. В их числе был и Чингиз Айтматов, он уже сдал вступительные экзамены. Но опять поступила жалоба: *«Ч. Айтматов является сыном «врага» и руководство вуза неправильно подходит к подбору аспирантов»*. Может быть, это были люди, искренне верящие, что наш отец действительно «враг народа» и что его сын тоже «по наследству – враг». Тогда очень поощрялось доносительство, и дирекция не могла не реагировать на мнение «бдительных» представителей народа. И всё-таки Луцихину не хотелось терять способного и грамотного ученика, – он и предложил Чингизу работу на экспериментальной ферме Научно-исследовательского института животноводства и ветеринарии (Кир.НИИЖ). Это давало возможность брату продолжать

уже начатую со студенческих лет научную работу. Экспериментальная ферма находилась в селе Чоң-Арык, в пригороде столицы (сейчас оно уже вошло в черту города). Ему дали двухкомнатную квартиру в типовом доме, состоящем из четырёх квартир: вход в две квартиры с одной стороны и в две остальные – с другой стороны. Это были ведомственные квартиры для специалистов. Как говорят, нет худа без добра. Чингиз работал на этой ферме, и это, скорее всего, было лучшим выходом из положения, чем если бы он был аспирантом. Теперь он перевёз нас из Таласа в Чон-Арык. Это было в августе 1953-го года. В мамином архиве сохранился корешок квитанции о том, что Чингиз первого августа пятьдесят третьего года уплатил в кассу экспериментальной фермы триста рублей за «услуги по перевозке семьи из Таласской области».

В августе пятьдесят седьмого мы получили письмо из НКВД – ответ на многократные запросы, которые посылались мамой и Чингизом. Нас вызывали, чтобы получить ответ *«на ваше письмо в отношении судьбы Т. Айтматова»*.

Чингиз в это время тяжело болел, находился на постельном режиме. Ильгиз учился в Москве, в аспирантуре. Люся – тоже в Москве: она проходила практику на Шатурской и Каширской ГЭС. Приглашение в НКВД выписали на имя Нагимы, но, видимо, Чингиз боялся отпускать ее туда одну. Брат пригласил меня и сказал:

– Ты уже большая девочка¹ и потому пойдешь с мамой в НКВД. Я, как видишь, не могу.

Мама была инвалидом второй группы, ей было очень трудно ходить, передвигаться. Но тут она обо всем забыла. Быстро оделась, взяла все документы и стала торопить меня.

В последнее время муссировались различные слухи о том, будто чей-то отец передал весточку своим родным, что скоро вернется из Сибири или с севера...

1 Наверное, оттого, что я была самой младшей в семье, я долго продолжала оставаться «маленькой», не способной на какие-то серьезные поступки, а тут был безвыходный случай.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: «Время перемен»

Тогда я про себя думала, что если бы наш отец был жив, то нашел бы способ передать нам о себе какое-нибудь известие. Уж за двадцать лет мог бы это сделать... И сейчас, когда мы собирались в НКВД, эта мысль вновь и вновь возвращалась ко мне. Но маме я ничего не говорила.

Она вся преобразилась: у нее порозовели щеки, зеленоватые глаза ярко засияли, движения стали уверенными и бодрыми. Мама вмиг помолодела!

Мы быстро дошли до остановки и стали ждать автобус. Тогда между Чон-Арыком и Фрунзе курсировал один-единственный автобус № 11.

– Ты знаешь, наверное, отец ваш был в Сибири или на Дальнем Востоке. Сейчас же много людей возвращается оттуда. Может быть, он там женился и дети уже есть. Он же мужчина. А мужчины жить не могут одни, они не приспособлены. Пусть, лишь бы был жив! Если сейчас он увидит вас, представляешь, как обрадуется! Ведь как он любил детей! Жаль, не видел, как вы росли. А ведь видеть, как ребенок делает первый шаг, как начинает говорить, а потом радоваться успехам, которые он делает в подростковом возрасте, видеть юношество своих детей – это же счастье для человека. Не пришлось ему все это испытать. Вон Чингиз с Ильгизом уже стали взрослыми, женились, детей имеют, а вы с Люсей – юные девушки. Ничего, и сейчас не поздно. А если он увидит моего Сары¹... Внуки – это такое счастье, они слаще детей...

Тут подошел автобус, мы сели. Мама и в дороге без усталости говорила, она была уверена, что сейчас встретится с Торекулом:

– Интересно, каким он стал? Лишь бы был здоров. Ах, каким он был джигитом! И умница, и грамотный. А каким он был заботливым семьянином!

Чтобы как-то отвлечь ее, я спросила:

– Мама, а как вы познакомились?

– О-о! Это, наверное, произошло по велению судьбы. Я была на работе, писала что-то. Вдруг резко открылась дверь, и к нам в кабинет зашел красавец джигит. Все было в нем: рост, стать, красивые волосы и ис-

¹ Санжар – старший сын Чингиза, первый внук Нагимы, был светлым, поэтому она называла «Сары» – «русоволосый».

крящиеся иссиня-черные глаза. Меня как током ударило! – улынулась мама.

– А что папа? Он тоже влюбился в тебя с первого взгляда?

– Да. Он позже мне говорил, что потерял дар речи, не знал с чего начать, как говорить при мне. Э-э... Наша встреча была predeterminedена богом, это его воля. Может быть, он приехал, и мы с тобой встретим его сейчас в НКВД, – размечталась мама.

Мы прибыли на угол улиц Киевская и Логвиненко, подошли к аккуратному зданию – Народному Комиссариату Внутренних Дел. У входа стоял солдат с автоматом наперевес. Мама показала ему свое приглашение.

– Вы проходите, – указал он на маму, а мне сказал:

– А вы подождите здесь.

Через некоторое время мама вышла обратно. Она была бледная, серая, как зола, глаза потухшие, едва передвигала ноги. Я сразу поняла, что случилось. Усилием воли сдержала слезы: плакать нельзя было, иначе маме станет еще хуже. Я ничего не сказала. Она дала мне листок бумаги – «кара кагаз»¹, которая извещала о том, что Торекул Айтматов погиб, его больше нет. Это была справка Военной коллегии Верховного суда Советского Союза о посмертной реабилитации Т. Айтматова, в ней говорилось, что 15 июля 1957 года Военная Коллегия Верховного суда СССР вынесла (под грифом «секретно») определение, которое констатировало:

«Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 ноября 1938 года в отношении Айтматова Тюрюкула по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нём прекратить за отсутствием состава преступления».

В свидетельстве о смерти в графах:


«Место смерти – неизвестно»

«Причина смерти – неизвестно»

«Время смерти – ...» – дальше я не могла читать.

1 «Черная бумага».

Форма № 30


**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

С П Р А В К А


Дело по обвинению АЙМАТОВА Тюрюкула ,
до ареста - 1 декабря 1937 года - слушатель
Института Красной Профессуры, пересмотрено
Военной коллегией Верховного Суда СССР
15 июня 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 5 ноября
1938 года в отношении АЙМАТОВА Т. по вновь
открывшимся обстоятельствам отменен и дело
прекращено за отсутствием состава преступ-

АЙМАТОВ Т. реабилитирован посмертно.

М. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *М. П. Русаков*
/М. РУСАКОВ/

ИЮЛЯ 1957 г.
№ 4н-024496/56
Москва, ул. Воровского, д. 13.



ак

Когда, где и по какой причине погиб отец, оставалось неизвестным. Мама, которая совсем недавно без устали говорила, сейчас – молчала. Я тоже не произнесла ни слова.

– Когда придем домой, не будем плакать, чтобы не расстраивать Чингиза, а то, не дай бог, сляжет совсем, – мама пыталась сдержаться. – Что ж, придется подчиняться судьбе. Теперь ничего не изменишь, – тяжело вздохнула она.

Через некоторое время, когда Чингизу стало лучше и он пошел на правку, из аила приехала Карагыз-апа, видимо, ее вызвали. Мама сообщила ей грустную новость о смерти ее брата Торекула. Они, обнявшись, долго плакали... вспоминали... и в итоге – смирились.

Мама написала письмо Ильгизу в Москву.

В своем интервью, которое Ильгиз Торекулович дал журналисту Муштафе Омурзакову в 1993 году, он вспоминает:

– Я тогда учился в аспирантуре в Москве. Как раз в этот день должен был выехать в Донбасс для проведения научных изысканий по своей теме. Торопясь на поезд, при выходе из общежития я заглянул в почтовый ящик: там было письмо от мамы. Разместившись в купе, я достал из кармана мамино письмо и начал спокойно читать. В нем мама сообщала о том, что папа погиб еще в ноябре 1938-го, а теперь посмертно реабилитирован. Это известие меня застало врасплох: весь взмок, к горлу подкатил комок, мне стало плохо... Я выскочил в тамбур и там, стоя в одиночестве, плакал... Мама же сама верила, что отец жив, находится где-нибудь в Сибири и в один из дней он приедет, и уверяла в этом нас. Я представил, как, не теряя надежды, с печалью и тоской она ждет его... Сердце мое пронзила острая боль: мамочка, каково было тебе, когда ты получила эту «черную бумагу», в каком состоянии ты сейчас?.. Поезд проезжал как раз подмосковные районы. Мне представился отец, такой молодой и сильный, вспомнились те счастливые дни, когда мы с ним всей семьей часто выезжали на отдых в Подмосковье... Я так и стоял в тамбуре, не мог прийти в себя... Вроде поезд останавливался на каком-то полустанке на короткое время. Я и не заметил, оказывается, что во время остановки в наш вагон села пожилая женщина. Не знаю, сколько времени стояла эта маленькая, сухонькая бабушка, уставившись на меня:

– Что так опечален, сынок? Из тюрьмы, что ль вышел? Ты такой бледный, замученный, – говорит она

Видимо, в тех местах была тюрьма. Мне трудно было говорить, поэтому я сказал односложно:

– Нет.

Но бабушка не отставала от меня:

– Видно, не сладко тебе было в тюрьме. Я же вижу, что тебе пришлось пережить тяжелые, мучительные дни...

Потом Ильгиз написал маме ответное письмо из Донбасса. В нем он пишет: *«...Мне было очень тяжело, когда из письма я узнал сообщение о папе. И хотя прошло уже двадцать лет, я почему-то думал, что он еще жив и должен жить. Я никогда не верил в то, что наш отец мог стать врагом народа, как его называли... Мама, тебе, конечно, было очень трудно, гораздо труднее, чем кому-либо из нас. Но благодаря твоей устойчи-*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: «Время перемен»

востии, большому мужеству мы вышли в люди. И ты можешь быть спокойна и горда, как человек, до конца выполнивший свой материнский и гражданский долг перед семьей и обществом. Я не могу, как и каждый из нас, без благодарности к тебе вспоминать прошедшие годы...»

На запрос о судьбе пропавшего Алымкула уже пришел ответ, что якобы он был отпущен из тюрьмы, но в дороге погиб от рук неких бандитов. А от Озубека-аке вообще давно не было никаких вестей.

Через два года, в 1959 году, в аиле в доме Керимбека аке были проведены поминки по усопшим: Алымкулу, Торекулу, Озубеку и Рыскулбеку. Так мы смирились с тем, что отец и его братья никогда не вернуться, и посвятили их памяти почести, которые не были сделаны своевременно.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

1962 год...

Здоровье нашей мамы резко ухудшилось. Увозя ее на скорой помощи, врачи сказали, что уже можно сообщать кому надо, ей жить осталось совсем недолго. Собрали консилиум, в котором приняли участие самые лучшие специалисты, врачи и профессора того времени. Чингиз сильно переживал и поэтому сам присутствовал на обсуждении маминого состояния. Нужны были новые сильные препараты, которых в Киргизии еще не было. Через Москву эти лекарства были найдены. Мама пошла на поправку... После этого она прожила еще 10 лет.

Как-то раз, после того как мама выписалась из больницы, придя проведать ее, я увидела начатую рукопись «Материнского поля». Она начиналось с посвящения матери и отцу. В моей памяти оно осталось таким:

«Отец, я не знаю, где ты похоронен и не могу поставить тебе памятник...»

Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову.

Мама, ты вырастила нас четверых, поставила на ноги... Живи долго.

Посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой».

Это был черновой вариант текста посвящения. Первоначальный текст посвящения был более объемным, чем в окончательном варианте повести, которая была сдана в печать. А может быть, это уже мои домыслы (тогда я так поняла): ведь прошло уже 42 года с тех пор. Но тогда оно произвело на меня сильное впечатление. Я думаю, что в то время Чингиз не только старался и проявлял заботу, использовал все свои возможности, чтобы улучшилось здоровье мамы, но и желал, просил всевышнего продлить ее годы. И, наверное, это переживание явилось причиной того, что он взялся за написание произведения, в котором, как говорил сам Чингиз, он «выразил все, что хотел сказать о своей матери».

Август 1971 года, время летних отпусков. Горожане в массовом порядке выезжали на Иссык-Куль, благо путевки в пансионаты были доступны всем. Мы тоже с детьми побывали на озере, отдохнули. На следующий день после возвращения всей семьей провели маму. Оказалось, она только-только выписалась из больницы:

– На этот раз приступы были очень тяжелыми. После лечения Чингиз сразу повез меня на дачу¹. Но аромат цветущих клумб так сильно на меня подействовал, что приступы астмы стали тяжелее. И вот теперь мне приходится в такую жару сидеть в городе, дома. Вся семья, кроме меня, на даче. На ночь только Чингиз приходит ночевать.

Мой супруг Эсенбек повел детей, Урмата и Айгуль, в кинотеатр «Ала-Тоо», а затем они побывали в парке. Я осталась с мамой, мы с ней от души поговорили, вместе приготовили обед. Потом я ее искупала, постирала ее вещи.

Эсенбек с ребятами вернулись к обеду. Пообедав, мы стали прощаться:

– Мама, мы завтра хотим поехать в Талас к родителям Эсенбека.

– Отлично. Обязательно съездите, подольше побудьте с ними во время отпуска. Они же скучают, особенно по этим своим внукам, – она обняла и приласкала Урмата и Айгулю. – Передайте привет сватам.

Откуда мне было знать, что это было последнее прощание с ней... Мы уехали в Талас, в Богословку, село, где жили родители Эсенбека.

¹ Чингизу в том году был выделен коттедж в правительственной даче.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: «Время перемен»

Оказывается, буквально на другой день состояние мамы резко ухудшилось, и ее снова положили в больницу. Наверное, Эсенбеку по телефону сообщили об этом. Он мне сказал, что нам необходимо срочно вернуться в город по каким-то его делам. Я была в положении – уже на восьмом месяце, и видимо, чтобы не волновать меня лишний раз, муж не сказал мне правды. Мы приехали поздно, часов в десять вечера. Но я позвонила маме, чтобы поприветствовать ее. Трубку взял Чингиз. По голосу чувствовалось, что он устал:

– Маме было очень плохо. Но сегодня ей стало лучше. Так что ты отдыхай, а завтра утром приезжай прямо в больницу.

В шесть часов утра зазвонил телефон. Звонила Керез-джене, она дежурила ночью около мамы:

– Срочно приезжай, мама спрашивает тебя...

Подойдя к палате, я заметила суматоху и беготню медперсонала. Мне почувствовалось что-то недоброе. Когда зашла в палату, увидела маму, сидевшую на кровати, обложенную со всех сторон подушками (обычно она боялась лечь, у нее сразу начинался приступ астмы). Оказывается, произошло кровоизлияние в мозг, и мама стала плохо говорить.

– Я так боялась, что не увижу тебя, мою самую младшенькую. Теперь я довольна. Вы все со мной. Я всем вам благодарна... – с трудом производила она свои последние слова, постепенно теряя сознание.

Поднималась температура. Маме было тяжело, она мучилась. Я сидела около нее, прикладывала влажные салфетки ко лбу. Протирала ее раствором воды со спиртом, но пользы было мало.

В больничном дворе собрались родственники, друзья, знакомые: пришли справиться, как Нагима-апа себя чувствует. Пришел Тургунбек Суванбердиев с супругой Ажар-джене. Они вместе с Чингизом зашли в палату. Я как раз измеряла маме температуру.

– Сколько?

– За 40.

Чингиз отошел к окну и зарыдал. Суванбердиев стал его успокаивать:

– Не плачь. Твоя мама – счастливый человек. Всех вас вырастила, сделала самостоятельными. Она удовлетворена вами и достойно умирает. А каких замечательных детей Нагима-апа вырастила! А если бы она умерла, когда вы были маленькими? Спасибо богу за это...

– Туке¹, перед моими глазами сейчас та маймакская ночь, та картина, как мама вела нас четверых малых детей среди темной ночи одна... С тех пор она одна вела нас по жизни. Сколько ей пришлось вынести, через что ей пришлось пройти... Почему жизнь так несправедлива? Теперь мы все самостоятельны, каждый из нас устроен, ведь теперь она могла бы спокойно пожить в свое удовольствие, так нет, ее мучат болезни. Она же еще молодая, всего 67 лет, могла бы еще пожить...

– На то воля божья. Ты и так сделал невозможное. Благодаря твоим стараниям и заботам ее жизнь продлилась еще на десять лет. Ты вспомни, что врачи тебе говорили в 1962 году.

Я открыла мамину сумку, чтобы достать салфеточку, и выронила конверт. В конверте были фотографии, на которых молодые мама с папой, где мои родители с мальчиками – Чингизом и Ильгизом, а также последнее письмо отца. Я восприняла это как символ. Мама свою любовь пронесла через всю свою жизнь чистой и безупречной. Когда вспоминаю этот эпизод, думаю: когда Нагима умирала, Торекул был рядом с ней. Как надо было любить и быть преданной единственному мужчине на свете! Какой душевной красотой надо обладать, чтобы так прожить!

Мама умерла 10 августа 1971 года. В последний путь ее провожали из дома, расположенного на улице Киевской. Во дворе были поставлены юрты, самые лучшие акыны, в их числе Эстебес Турсуналиев, талант которого в то время был в полном расцвете, пели плач-причитание по усопшей. Проститься пришло очень много людей. Из Шекера приехали более 20 человек. Московский поезд тогда прибывал в 6 часов утра. Они спустились от железнодорожного вокзала по Дзержинской² до Киевской. Сельчане шли всей толпой. Когда приблизились к дому, то по кыргызскому обычаю стали плакать-причитать:

– Энем ой, энем ой... (Бабушка, наша бабушка...)

Все соседи, особенно русские, с удивлением смотрели, как выражают соболезнование кыргызы.

1 Ласкательное обращение от имени Тургунбек.

2 Сейчас бульвар Эркиндик.



*Нагима с детьми,
с. Покровка, 1953 г.*

В день похорон пришел и молодой поэт по имени Жоробек Султаналиев. Был он талантлив. Но почему-то жизнь у него не ладилась, как личная, так и творческая. Произведения не публиковались, и жить ему было очень трудно...

Жоробек всегда следил за визитами почтовой служащей, которая приносила Нагиме пенсию. Только почтальон уйдет, он тут как тут и звонит в дверь. Мама открывает, а Султаналиев заходит и начинает читать свои стихи, ей посвященные. Стихи из него лились как вода из водопада, причем с таким метким юмором, что невольно улыбнешься. Хозяйке ничего не остается, как пригласить его на кухню и угостить чаем:

– Садись Жоробек, попей чаю, покушай что-нибудь горячего. Вот, держи, – протягивает ему три рубля, иной раз, бывало, даже пятерку. – Из моей пенсии, пригодится тебе на что-нибудь.

Он благодарит, берет деньги и бежит на Дзержинскую, где его ждут друзья. Потом они идут вместе пить пиво или вино.

В день похорон пришел Жоробек с плачем:

– Апам ой, апам ой! Матушка ты наша, матушка! Где я теперь найду такую, как вы? Вы мне верили и уважали меня. Кто теперь так тепло встретит и угостит меня? Кто теперь поделится со мной пенсией своей? Кто мне теперь будет давать три рубля? Кто теперь даст мне пять рублей?..

Все стоящие вокруг не могут понять, о чем его плач-причитание? Тогда Жоробек рассказал окружившим его людям, историю своего знакомства с бабушкой Нагимой...

В день похорон во время траурного шествия все улицы от дома по улице Киевской до Ала-Арчинского мемориального кладбища были перекрыты и оцеплены милицией. Люди, не успевшие выразить соболезнования у нас дома, стояли у обочины дороги и в последний путь провожали Нагиму. Многие подходили к машине с телом, которая двигалась медленно, и на парашют клали свои венки и цветы. Никогда раньше не видела я подобной похоронной процессии. Без официальной части, митинга, когда не надо было никого созывать, организовывать. Просто обычные люди, наши сограждане пришли проводить Нагиму Айтматову в последний путь. Конечно, это был искренний порыв поклонников ее сына, Чингиза. А я думаю, что наша мама, прожив трудную, но достойную жизнь, сама тоже заслужила почет и уважение со стороны нашего общества.

Часть шестая: «Памяти отца»

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ОТЦУ

Это случилось в 1987 году, весной. Вечером я была дома одна, и вдруг раздался громкий и длинный телефонный звонок. В то время междугородние звонки отличались от внутригородских оглушительной пронзительностью и длительностью звучания. Оказалось, что это звонил наш земляк из Шекера Бекен Жеенбеков:

– Эже, поздравляю, суюнчу – радостная весть! Вчера в аиле провели митинг, на котором было решено дать имя Торекула Айтматова нашей школе. Теперь она будет называться «Шекерская школа имени Т. Айтматова».

– Спасибо! Спасибо дорогой!..

Потом Бекен рассказывал, кто из руководителей области и района принял участие в митинге, кто выступал и что они говорили. Я же – одно воспринимаю, другое – нет, не могу толком ему ответить, кроме «спасибо»... Перед глазами проплывали одно за другим события, произошедшие за 50 лет.

Моя мама Нагима, тетушки Карагыз и Гуляим до конца дней своих не переставали произносить это имя – Торекул. Что если бы хотя бы одна из них услышала эту радостную весть...

К сентябрю 1990 года во дворе средней школы села Шекер на высоком гранитном основании был установлен бюст Торекула Айтматова. Скульптура была выполнена известным кыргызским художником академиком, лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР Тургунбаем Садыковым. Предполагалось, что открытие памятника произойдёт в начале учебного года, но Чингиз не смог освободиться и приехать в

сентябре (в то время он был членом Президентского Совета СССР) и попросил перенести торжество на октябрь. Но и в октябре тоже не смог. Открытие памятника проходило без него. Конечно, для нас было очень важно, чтобы при этом присутствовал наш старший брат: все-таки он отца лучше всех из нас помнит, он всю жизнь искал место захоронения его и, не найдя, посвятил одно из своих произведений («Материнское поле») ему. Это была его идея об увековечивании памяти отца на могиле матери. Вопросами установления этого памятника тоже занимался Чингиз: какую фотографию использовать (он выбрал фотографию, на которой Торекул Айтматов – серьезный государственный деятель, и дал ее Садыкову), из какого материала, как изобразить, как установить – всем этим он сам занимался. Какое счастье иметь такого брата!

Мы с моим супругом Эсенбеком отправились в Шекер. Обычно, когда едем в Талас, я смотрю по сторонам, люблю природой, разговариваю с Эсенбеком, чтобы он случайно не заснул за рулем. А когда проезжаем по казахской степи, то во весь голос, что есть мочи – благо никто не слышит! – поем казахские песни. Все, которые знаем, и веселые, и грустные. Когда исполняли печальные песни, глаза Эсенбека наполнялись слезами:

– Наверное, в детстве моя мама здесь бегала, играла, – вздыхал он.

Моя свекровь была казашкой. Ее звали Адими. В годы «Голощекинского мора»¹ Адими вместе с семьей вынуждена была бежать в Кыргызстан, чтобы спастись от голода. Переселенцы остановились в горах близ села Нылды. В то время, когда красавице Адими было 19 лет, произошла ее встреча с моим будущим свекром Алымкулом. Молодые люди полюбили друг друга и поженились. Через несколько лет тяжело больные родители девушки вернулись в Казахстан, и больше от них не было вестей: видимо они умерли. Адими осталась на земле мужа. Она родила двух сыновей – Эсенбека и Асанбека, но вскоре, будучи совсем молодой женщиной, скончалась от болезни. Это было сразу после возвращения Алымкула с войны, на которой он пробыл все четыре года.

1 В 1925-1935 годы.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»



*В фойе школы им. Торекула Айтматова
Село Шекер, 1987 г.*

– Послевоенная жизнь была настолько тяжелой, что мы не смогли общаться даже с мамиными родственниками. Мы были маленькими и не запомнили, да и сама она толком не знала, из какого села (все названия изменились на советские), – переживал Эсенбек.

Чтобы хоть как-то поднять ему настроение, однажды я сказала:

– Напиши объявление о том, что ты ищешь родственников своей мамы и опубликуй его в районной газете.

Он так и сделал. Вскоре мы узнали, что она была родом из казахского села Акыртобе¹... Но это уже другой разговор.

В тот день я не произнесла ни слова, всю дорогу я думала об отце, о судьбе нашей семьи. У кыргызов есть поговорка: «Ак ийилет, бирок

¹ Луговского района. Ныне – Кулан Джамбульской области.



*Памятник Торекулу Айтматову во дворе Шекерской школы.
Село Шекер, 1990 г.
Скульптур Тургунбай Садыков*

сынбайт». «Правда может прогнуться, но никогда не ломается». Так это – тот случай. Справедливость восстановлена, но все равно как тяжело на душе! Когда отпрашивалась с работы, мои коллеги, узнав, что мы едем в аил на открытие памятника отцу, искренне радовались. В пути вспомнила их реакцию, теплые слова:

– Хорошо это или нет? А если бы не было той трагедии и был бы мой отец простым смертным? Жил бы он в аиле, нашем Шекере... Размечталась!

Я очень часто слышу от коллег, что они съездили к своим престарелым родителям – провести или даже на их похороны... И никто не знает, как я им завидую!

– Лучше бы я сейчас ехала помянуть отца и посвятить ему молитву у могилы, чем открывать

памятник. Какое это было бы счастье! Но что поделаешь? Судьба... Так, видимо, написано на роду. Спасибо хотя бы этому: теперь будем приезжать к памятнику, раз не знаем, где покойся его прах.

Хотя мы часто приезжаем в Талас к родителям Эсенбека, в Шекер заезжаем редко, особенно после смерти тети Гуляим. Когда кто-нибудь из нас, детей Торекула, приезжал в Шекер, Гуляим-апа радовалась как ребенок, не могла насмотреться на нас, самые ласковые слова говорила нам. Она вся искрилась, по ее глазам, даже по дыханию чувствовалось, что значили мы для нее. Тетушка тут же передевалась в свое самое на-

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»

рядное платье, на голове появлялся белоснежный элечек – ведь для нее это был праздник! Теперь нет никого, кто бы так ждал и искренне радовался встрече с нами. Закон жизни – старшие поколения уходят, а у молодежи свои ценности, свои взгляды, свое отношение.

Итак, двор школы в Шекере. Памятник накрыт белым полотном. На площади перед ним построились школьники. В первом ряду – октябрюта, пионеры в красных галстуках, на заднем плане – старшекласники. Все нарядные, с цветами. Приехали руководители области, района, авторитетные люди, ветераны нашего села. Открыли скульптуру: бюст отца мне понравился, наши ожидания оправдались. Художнику удалось воплотить образ серьезного, сильного духом государственного деятеля. Его взгляд был направлен в сторону пика Манас¹.

Руководители области и района, ветераны села, которые помнили отца, выступали с речами о его жизни и деятельности. Выступил Ильгиз Торекулович. Он, видимо, как и я, все передумал, вспомнил все былое и поэтому очень сильно волновался, и не смог сдержать слез. Его внутреннее состояние, искренние переживания, конечно же, передавались окружающим. Это выступление взволновало всех от мала до велика.

Мне тоже дали слово:

– Дорогие наши родственники, земляки! Для нас, детей Торекула Айтматова, сегодняшний день двойственный. С одной стороны, это радостный день, но с другой – печальный, скорбный. Говорят, что «правда и справедливость не ломаются, они могут лишь прогнуться, но все равно потом все восстановится». Так и сегодня. Много лет прошло, но ПРАВДА ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА! Наш отец был оправдан. Даже память о нем решили увековечить, и вот сегодня мы открываем памятник ему на его родине. Этот памятник – замечательная работа одного из великих сынов кыргызского народа – скульптора Тургунбая Садыкова. Это тоже

¹ Когда выезжаешь из села Грозного в направлении Шекера, сразу бросается в глаза пик Манас. Первые солнечные лучи падают на него и извещают, что наступил рассвет.

честь для нас. Конечно, все это – радостные события. Мы рады и благодарны вам. Но вместе с тем на память приходят сохранившиеся в глубине сердца страдания и печаль, которые нам пришлось пережить.

Наш отец был в одном ряду с теми, кто искренне поверил советской власти, в то, что с ее помощью можно вывести кыргызский народ из тяжелого положения, добиться благосостояния и процветания. Отец вместе со своими единомышленниками и современниками – Абдрахмановым, Исакеевым, Орозбековым – ставили перед собой благородную задачу возрождения кыргызской государственности. Однако их трагедия заключалась в том, что в 30-е годы все они пострадали от той же советской власти. Их жизнь была прервана в пору расцвета творческих сил и способностей. Самому старшему из них было 37 лет, а Торекулу Айтматову – всего 34 года.

Государство же скрывало этот трагический факт от семей, обманывало нас, мы до сих пор не знаем, где они захоронены. Мы не могли даже оплакать их в свое время. Поэтому мне кажется, что отец наш умер сегодня, потому что теперь мы обретаем место, куда будем приходить поминать его. Сегодня я также хочу помянуть и братьев Торекула Алымкула, Рыскулбека, Озубека, которые также пострадали от репрессий.

Что было, то прошло. Теперь надо думать о живых. Наше общество сейчас находится в кризисе, особенно в сфере нравственности. Поэтому в конце своего выступления я бы хотела обратиться к коллективу учителей и учащихся школы имени Т. Айтматова, чтобы они способствовали сохранению нравственности, чистоты помыслов и совести.

Как бы ни менялась наша жизнь, надо стремиться воспитывать достойное поколение молодых людей, чтобы из вашей среды выросли такие люди, как Торекул Айтматов.

ОБРАЗОВАНИЕ И ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОРЕКУЛА АЙТМАТОВА

Знакомство с биографией партийных и государственных работников советского времени показывает, что они очень часто меняли работу, должности и сферу деятельности. Вот как объясняет это известный ученый, доктор наук, талантливый историк, экс-депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики З. Курманов в своей книге «Политическая борьба в Кыргызстане, 20-е годы»: «...В сугубо аграрной стране, каким был Туркестан, к тому же находившийся вдали от центра, было невозможно обойтись без обмена кадров, их перемещения снизу вверх и наоборот. Так возникло решение VIII съезда РКП(б) о перемещении кадров из одной отрасли в другую, и из одного района в другой. Были и другие причины, например, выразившиеся в недооценке национальных кадров. В одном из циркулярных писем ЦК РКП(б) местным парторганизациям говорилось, что длительное выполнение одной обязанности лишает многих товарищей понимания общих задач, сужает политический кругозор работников, порождает бюрократизм и местническую психологию, бороться с которыми возможно лишь путем организации живого обмена кадрами между центром и провинцией. Частой кадровой сменой боролись и против усиления неугодных работников. Обрести политический вес на новом месте всегда было труднее».

Так было и в биографии Торекула Айтматова: ему приходилось менять должности, «перемещаться из одной отрасли в другую» и «из одного района в другой».

Когда арестовали Торекула Айтматова, ему было всего 34 года. Несмотря на молодость к этому времени он уже имел два московских высших образования: в начале 20-х закончил КУТВ¹ и в 1937 году завершал обучение в Институте Красной профессуры. Кроме того, успел приобре-

¹ КУТВ – Коммунистический Университет Трудящихся Востока.

сти довольно большой опыт трудовой деятельности в различных сферах жизни общества.



Видные деятели Кыргызстана. Торекул Айтматов первый слева в первом ряду, г. Фрунзе, 1926 г.

В своей биографии Айтматов с гордостью пишет: «...до 10 лет я находился на его (отца – авт.) иждивении...» Действительно, в десятилетнем возрасте он начал свою трудовую деятельность, участвуя в прокладке Туркестано-Сибирской железной дороги, в частности, ветки, соединяющей Россию с Кыргызстаном. Они с отцом, Айтматом Кимбильдиевым, вместе с другими рабочими пробивали через горы тоннель в окрестностях станции Маймак. В народе этот тоннель до сих пор называют «Тешкен тоо» то есть «Пробитая гора». Потом учился в Аулие-Ата (ныне Тараз, Казахстан) в русско-туземной школе, в реальном училище. В 1920 году в связи со смертью отца Торекул возвращается в Шекер. Это было сложное время установления Советской власти, которая нуждалась в

образованных специалистах. Поэтому на Торекула сразу обратили внимание: грамотный молодой человек, свободно владевший кыргызским и русским языками, знавший кириллицу, латиницу, арабскую вязь. Его общительность и обаятельность притягивали людей. И в 1920 году его привлекают к работе в качестве секретаря Куркуревского волостного исполнительного комитета. В 1921 году он был избран делегатом от Таласского региона на областной съезд Сырдарьинского Областного комитета, который проходил в Ташкенте¹. По каким-то причинам съезд не состоялся. Однако Торекул остался учиться в Ташкенте на трехмесячных курсах в советской партийной школе. По окончании он был направлен на обучение в Коммунистический Университет трудящихся Востока (КУТВ) в Москву. Так начинается его партийная карьера.

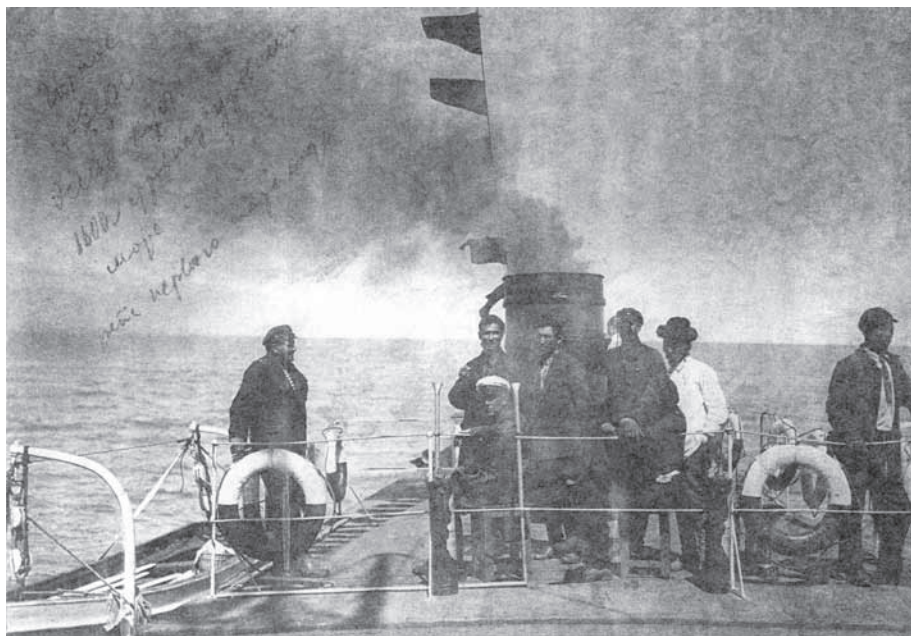
В КУТВ Торекул учился в течение четырех лет: с 1921-го по 1924-ый год включительно. После окончания КУТВ Т. Айтматов работал в отделе агитации и пропаганды (АПО) Киргизского областного комитета ВКП(б), сначала пропагандистом, затем заместителем заведующего этим отделом, и позже – заведующим. Способности вести агитационно-пропагандистскую работу у него проявились еще в период учебы в Москве. Например, в своей автобиографии, написанной им в 1924 году, Торекул подробно описывает ту работу, которую он выполнял во время каникул и параллельно с учебой. Так в 1922 году он работал *«в г. Аулие-Ата районным инструктором отдела управления»*, в 1923 году – *«в Ан-*

¹ Для поездки в Ташкент у Торекула не было средств. Его родственник Султанбек Монолбаев работал в то время на одной из руководящих должностей в областном масштабе. Он, как старший, присматривался к Торекулу и ценил его человеческие качества и интеллектуальный потенциал, поэтому поддаривал и опекал его. Чтобы отправить Торекула в Ташкент, он уговаривает свою жену Ак-Тоту сдать ее швейную машинку марки «Зингер» в ломбард в г. Олуя-Ата. На вырученные денги отправить Торекула.

– Скоро я получу зарплату и обратно выкуплю твою машинку, – уговаривал он Ак-Тоту.

Так и сделали. Эта швейная машинка по сей день хранится у дочери Султанбека Букен... Букен рассказывает, что Торекул часто писал письма Монолбаевым из Ташкента и Москвы. Ак-Тоту эне их долго хранила на дне сундука, но потом во время обыска, когда арестовывли Султанбека, их изъяли. Султанбек Монолбаев как и другие видные люди того времени погиб в жерновах сталинских репрессий.

дижанском уезде Ферганской области в качестве политработника среди населения и красноармейцев». В эти же годы «во время учебы работал по связи на Московском заводе ВЕХ». В 1924 году «после окончания КУТВ работал «в национальной командной школе в качестве преподавателя по обществоведению», руководил работой «кружков по политграмоте» для молодежи и т. д. Даже эти отдельные эпизоды из жизни юного Айтматова, зафиксированные в архивных документах, показывают, что Торекул очень интенсивно работал не только над повышением уровня своих знаний, но и удачно сочетал учебу с практической работой. Чтобы вести такую работу среди населения, юноше необходимо было повторять пройденный на занятиях материал, ходить в библиотеку, искать нужную литературу, много читать, работать над собой, самосовершенствоваться.



Торекул Айтматов выступает во время открытия первого рейса парохода на оз. Иссык-Куль, 1926 г. (?)

25 февраля 1926 года была образована Комиссия по преобразованию Киргизской Автономной Области (АО) в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (АССР). В состав комиссии вошли И. А. Фатьянов (председатель), Ю. Абдрахманов, Л. А. Авербург, К. Абрамов, Т. Айтматов, И. Гойчинов, Дж. Садаев и др. Комиссия должна была подготовить проекты Декларации об образовании Киргизской АССР и Конституции Киргизской АССР.

В мае 1926 года Обком направил Айтматова работать в Каракол на должность ответственного секретаря Караколо-Нарынского Окружного комитета. Работал там он до февраля 1927 года. Несмотря на то, что длительность работы здесь составила очень короткий период – менее года, Айтматов сумел изучить общее состояние дел и сделать конкретные предложения по улучшению кадровой политики, советского строительства, по борьбе с контрабандой и т. д. Параллельно с этим Айтматов продолжил свою активную работу в составе Комиссии по разработке документов для обоснования необходимости преобразования Киргизии из области в республику, а также Конституции будущей республики.

В архивах сохранился интересный документ (это был донос), который, видимо, повлиял на перевод Айтматова из Каракола в Джалал-Абад. Ниже он приводится в сокращенном виде:

«Из докладной записки

зам. Уполномоченного ОГПУ Каракольского кантона начальнику Кириблотдела ОГПУ тов. Кекину о наличии групповой-родовой борьбы среди киргизских ответработников в кантоне¹.

...1. По прибытии в Окружной Комитет ВКП(б) на должность секретаря т. Айтматов месяца два-три не был замечен в принадлежности к той или иной группе, как это оказалось впоследствии. Приблизительно с сентября, вернее, с октября месяца 1926 года Айтматов объединил вокруг себя лиц... как-то: Джилкибаева, Садабаева, Мусина, а также Исакеева и Темирбекова, с которыми повел работу против Мукамбаева² и его сторонников...

1 ЦГАПД, ф. 10, оп. 1. Д. 147, л. 73-74. Подлинник.

2 Председатель Каракол-Нарынского окружного исполкома в 1926 году.

Первоначально работа Айтматова сводилась к восстановлению всех своих сторонников против Мукамбаева под соусом, что он является сторонником европейцев и как отошедший от киргизских работников плетется в хвосте у русских...

3. ...Линия Айтматова на протяжении всей склоки и до настоящего времени резко национальная, а Мукамбаева – соглашательская, главным образом с европейскими работниками во всех отношениях, так как он среди коренного населения сам лично большого авторитета не имеет...

4. Среди европейских работников имеются личности, которые, если так можно выразиться, «подкиргизывающие» той и другой группе – это Гузий (начуголрозыска), Клепилин (учстатукома, и Доронин (б/нач. УРО), в отношении которых необходимо принять соответствующие меры по партлинии.

А в общем, по моему мнению, чтобы изжить выше отмеченные явления, необходимо сделать следующее:

Из каракольского канткома отозвать Айтматова – секретаря окружкома, Исакеева (зав. АПО канткома) и Мукамбаева (пред. канткома), как личностей, благодаря политике которых имеют среди киргизских работников место склоки и групповая борьба...

Зам. Уполномоченного Каракольского канткома ОГПУ – Благов»

Во многих выступлениях на партийных мероприятиях различного масштаба Т. Айтматов касается вопросов кадровой политики. Часто он критикует приехавших из центра специалистов, которые не знают местной специфики, языка и применяют общие шаблонные требования к местным кадрам, не учитывая особенностей местного населения.

Поэтому он ставит вопрос о подготовке местных кадров. Для того чтобы подготовить специалистов из коренного населения, применяется метод «выдвижения», но он «в киргизских условиях имеет некоторые особенности в том отношении, что нам нужно предварительно подготовить коренных работников для более ответственных работ...»¹.

¹ Из выступления Т. Айтматова в прениях на III партконференции Киробкома ВКП(б), 2 марта 1927 г.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»

Он очень часто недоволен работой специалистов, которых присылают в командировку, чтобы оказать помощь местным властям. «У всех приезжающих есть справки, удостоверения о том, что их нельзя мобилизовать»¹. «Нам пора уже поставить вопрос о выращивании кадров...»². Такая позиция в отношении подготовки национальных кадров и стремление обучить представителей коренной национальности, видимо, вызвало отрицательную реакцию у местных работников ОГПУ.

Следующий важный этап трудовой деятельности Айтматова начался в Джалал-Абаде. Здесь он работал с февраля 1927-го по апрель 1929 года ответственным секретарем Джалал-Абадского канткома ВКП (б).

Видимо, обком все-таки увидел в Т. Айтматове надежного, компетентного работника, иначе не посылал бы его в столь сложный (даже по тем временам) регион. Да, действительно, в Джалал-Абаде по сравнению с Караколом обстановка была тяжелой: басмачество снова стало поднимать голову и усилило свои действия против советской власти, против тех, кто ее поддерживал. Вот как описывает обстановку тех лет Т. Айтматов в своем докладе на партийной конференции Джалал-Абадского канткома:³

«Джалал-Абадский кантон является одним из бывших гнезд басмаческого движения. Басмачество разрушило хозяйство, обессилило дехкан, и оставило неизгладимые впечатления в сознании трудящихся масс. До настоящего времени эти отпечатки не изжиты из сознания дехкан и крестьян...

...В количестве 5-6 человек, плохо вооруженные, устраивали налеты на торговцев, на приезжих, а также на Аимский кишлак... местная власть с помощью населения выгоняет их из кишлака. Шайка скрывается за перевалом, гоники возвращаются обрат-

-
- 1 Из выступления Т. Айтматова на III объединенном пленуме Киробкома, 21 июня 1931 г.
 - 2 Из речи Т. Айтматова на VI областной партконференции, 10 июля 1930 г.
 - 3 Из доклада Т. Айтматова на II кантонной партконференции, Джалал-Абад, 2 ноября 1927 г.

но, но один из них – коммунист Кашапов, в целях предупреждения возможного налета шайки остается проследить их... Шайка вернулась и убила Кашапова. Сейчас прекратились налеты, но население испугано и остается в тревожном состоянии...

Есть кишлаки, население которых поддерживает басмачей, есть кишлаки, которые хотят перейти к Узбекистану, поэтому ненавидят Киргизстан и киргизских работников, они помогают басмачам...

При передаче Аимской волости Узбекистану киргизская часть населения посылала ходоков в Среднюю Азию (в Ташкент – Р. Т.) и область, старались остаться в составе нашего кантона, но просьба их была отклонена на основании постановления СНК СССР...

В этом году в начале осенней посевной компании в пограничных с Узбекистаном кишлаках происходила национальная вражда... Арестовывали учителей, обучающихся в Батрак-Абаде киргизских детей, предлагали не обучать их на киргизском языке... Все это усугубляло взаимоотношения Джалал-Абада с Андижаном...

...Опять возобновилась вражда из-за воды. Киргизское население, пользуясь тем, что находится во главе арыков, не пускало воду узбекам, отчего узбекские поселки страдали...

Параллельно с этой столь ответственной работой Айтматов по совместительству был назначен еще и Председателем Комиссии по проведению земельно-водной реформы в Джалал-Абадском кантоне.¹

В апреле 1929 года на Втором съезде Киргизского ЦИКа Т. Айтматов был избран народным комиссаром «Наркомпромторга». Здесь он рабо-

¹ 6 июля 1927 года была создана Центральная комиссия по подготовке и проведению земельной реформы в южных районах республики, которая впоследствии называлась Центральной земельной комиссией при ЦИК Киргизской АССР (ЦЗК ЦИК Киргизской АССР). Айтматов был утвержден как член Президиума ЦЗК. По завершении земельной реформы постановлением ЦИК Киргизской АССР от 2 апреля 1928 года ЦЗК была ликвидирована.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»

тал всего полгода, после чего в сентябре 1929 года на Третьем съезде Киргизского ЦИКа его избирают председателем Центрального Совета Народного Хозяйства (ЦСНХ) Киргизии.

Теперь он занимается энергетическими, топливными вопросами, проблемами создания перерабатывающей промышленности, строительства промышленных комбинатов, сахарного завода, железнодорожной ветки Фрунзе – Токмок, разработкой проекта аэродрома, вопросами развития изыскательских работ на месторождениях цветных металлов и др.

Но опять Торекула перебрасывают на юг республики: в апреле 1931 года его командировывают в Араван–Буринский район секретарем райкома.

В то время Ж.Абдрахманов возглавлял работу СНК Киргизии. Судя по записям в его «Дневнике», он считал Торекула одним из лучших руководителей республики и хотел укрепить кадровый состав СНК такими, как он, работниками.

21.01.31.

«...Как наладить работу СНК? Не выдвинуть ли Айтматова Зам. ПредСНК? ...Он пожалуй наиболее подходящий». Далее Абдрахманов перечисляет и другие кандидатуры на это место, дает им характеристику. «...Один – «напористый и способный, но груб и слишком самовлюблен, не сможет объединить вокруг себя людей, сорвется». Другой – «слишком молод». Третий – «красив и хитер, а на большие дела не способен... Лучшие Айтматова, пожалуй, не найти.»

12.04.31.

«Бюро Ок назначило Айтматова секретарем Араван-Буринского РК при моем протесте. Ослабляя состав СНК, они ослабляют качество руководства хозяйственно-советским строительством...»

Из «Дневника» Ж. Абдрахманова

Благодаря своему опыту, авторитету и умению работать с людьми Торекул сумел наладить работу в отстающем районе и в короткий срок Араван-Буринский район стал одним из передовых. Вскоре на пленуме

Араван-Буринского РК ВКП(б) на V районной партийной конференции его избирают секретарем Ошского райкома.

Торекул – солдат партии, его направили опять в самый отсталый и сложный район. Достаточно прочесть, как описывает Ж. Абдрахманов в «Дневнике» свои впечатления от командировки в один из районов юга, чтобы представить себе обстоятельства, в которых пришлось работать первому секретарю райкома: *«01.05.31. ...руки опускаются. 40 000 населения и ни одного врача, 22 000 га зерновых культур и ни одного агронома. 10 школ и 12 учителей и только один из них со средним образованием... От людей требуем работы, но не создали для них минимум условий...»*¹.

*А Москва и Ташкент требуют выполнения навязанного свыше плана. Там, наверху, никто не учитывает, да и не знает местных условий. «Югом руководит больше Ташкент, чем Фрунзе... Фрунзе дословно списывает (руководящие указания, разработанные в Средазбюро ЦК ВКП(б) – Авт.) то, что пишет Ташкент... (руководители Киргизии – Авт.) дословно повторяют директивы Ташкента, т. е. показывают незнание конкретных условий.... Мне осточертело возвращаться среди тех, которые очень здорово похожи на хамелеонов...»*².

Здесь Айтматов работает до мая 1934 года. Сколько усилий и труда требовалось приложить, чтобы наладить работу района! Торекул Айтматов и здесь показал себя отличным организатором, положение в районе изменилось в лучшую сторону. Ниже я приведу отрывок из воспоминаний Чингиза Торекуловича об этом периоде деятельности отца: *«...А еще я помню, как мы с отцом ездили в Андижан. Для меня эта поездка стала незабываемым путешествием. Андижан уже в то время был одним из крупнейших городов Ферганской долины. Дорога была долгой, поскольку мы часто останавливались в населенных пунктах. Отец беседовал с людьми, отвечал на многочисленные их вопросы. Время было тяжелое, многие тогда тогда еще не понимали сути проводимых реформ и потому находились на перепутье. Я видел, как после разговора с моим отцом*

1 Ю. Абдрахманов, 1916. «Дневники. Письма Сталину», с. 171, Фрунзе, «Кыргызстан», 1991.

2 Там же.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»

люди светлели лицами, и, казалось, распрямлялись. С гордостью я думал, что все тяготы жизни могут быть преодолены только с помощью моего отца, умного и не ведающего, что такое усталость».

С мая 1934 года по июнь 1935 года Торекул Айтматов работал вторым секретарем Киробкома ВКП (б).

В 1935 году он был командирован на учебу в Москву на высшие курсы Марксизма-Ленинизма. По окончании этих курсов в 1936 году он был принят в Московский историко-партийный Институт Красной профессуры.

10 ноября 1937 года Т. Айтматов решением бюро Дзержинского райкома партии был исключен из партии. В этот день обрывается политическая карьера и трудовая деятельность Торекула Айтматова.

Через год он будет расстрелян и похоронен в братской могиле на Чонташе.

Видимо, судьба нашего отца была predetermined таким образом, что суждено ему было прожить очень короткую, но весьма насыщенную яркую жизнь. Она была настолько интересной, настолько бурной, настолько разносторонней и сложной, что, возможно, отец едва успевал переключиться с одной проблемы, над решением которой он бился, на другую. Ведь кроме хозяйственных дел и партийных забот Торекул занимался еще многими другими вопросами¹. И все это во благо родины и своего народа.

¹ Для проработки законопроектов на I Учредительном съезде Советов Киргизской АССР (7-12 марта 1927 г.) было создано 5 секций, в том числе 5-я по проработке законопроекта по новому киргизскому алфавиту. В нее были включены К. Тыныстанов, Ю. Абдрахманов, О. Алиев, Т. Айтматов и М. Воробьев. Кроме того, Т. Айтматов входит в состав разных комиссий и комитетов и участвует в осуществлении вопросов по передаче промышленному комитету бездействующих промышленных предприятий, химизации народного хозяйства, контролю над капитальным строительством и т. д.

ТОРЕКУЛ АЙТМАТОВ
И ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНАЯ РЕФОРМА

Итак, трудовая деятельность Торекула Айтматова была весьма разносторонней. Он занимался организацией и устройством различных сфер народного хозяйства, участвовал в становлении многих социальных институтов Кыргызстана. Но особое место в его биографии занимает осуществление земельно-водной реформы на юге республики.

К моменту установления Советской власти в Киргизии развитие сельского хозяйства находилось на очень низком уровне. В качестве почвообрабатывающих орудий применялись кетмень, деревянная борона, серп, коса. Усовершенствованных орудий и сельхозмашин того времени, как плугов, железных борон, сеялок, жнеек, веялок имелось очень мало. В результате, труд земледельцев был неразвитым, примитивным, малопродуктивным. Сказывался низкий общий уровень земледельческой культуры. Не хватало знаний в области агротехники, отсутствовали необходимые средства борьбы с болезнями и вредителями в сельском хозяйстве, все это приводило к крайне низким показателям урожайности.

Обосновывая необходимость проведения земельно-водной реформы (ЗВР), Т. Айтматов в своем докладе на II кантонной партконференции в Жалал-Абаде (2 ноября 1927 года) говорил, что значительная часть плодородных земель находилась в руках баев, манაпов, переселенцев. Они сами на земле не работали, а нанимали батраков, бедняков и чайрикеро¹. Бедняки не были заинтересованы в улучшении качества земледелия, так как они получали мизерную оплату за свой труд. Все это тормозило развитие сельского хозяйства. В этой связи одной из задач, которые ставила перед собой Советская власть, было проведение земельно-водной реформы (ЗВР).

В 1921 году ЗВР была проведена на севере республики, в результате *«безземельные дехкане наделялись земельными участками, конфискованными у баев и кулаков. Полукочевые и кочевые хозяйства переходили*

1 Издольщик, работающий на чужой земле (участке), чужими орудиями и получавший часть урожая. Из словаря Юдахина К. К.

Земельный документ

№

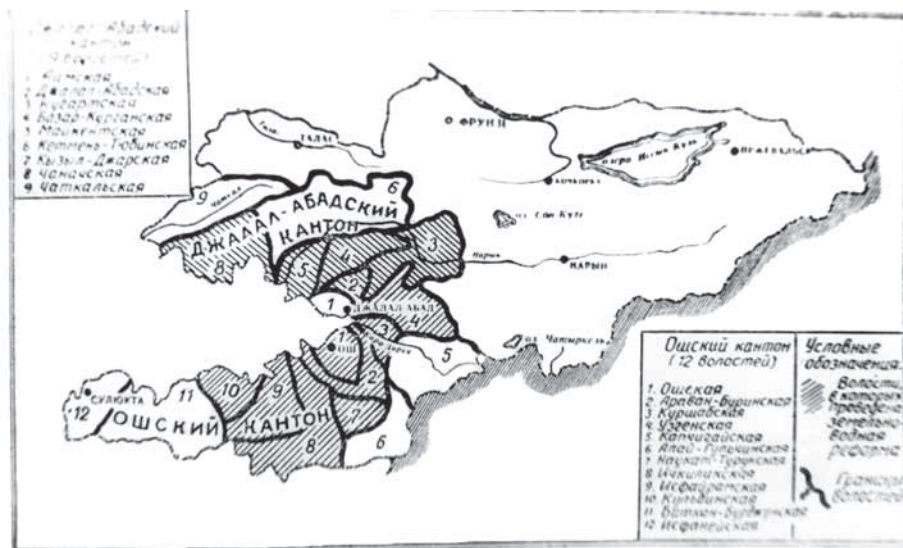
На основании декрета ЦИК-а и Совнаркома Кар. АССР
от 10-го ноября 1927 г. и согласно постановления
Вольземкомиссии по проведению зем-
реформы в _____ кantonе от
1927 года, Кантонная Земельная Комиссия передает: зе-
мельный участ. бывш. в распоряжении гра-
ждан _____
в кнндике, оуле _____ Сельсовета волости
в бессрочное пользование гражданину
_____ жителю кнндика, оула
Сельсовета _____
волости _____
Эт. участ. земли ороша _____ из арык
На данн. участ. построены:
Орошаемой удобной земли _____
Неорошаемой (боярной) _____
Неудобной _____
Кои граничатся:

Всем же вместе с имеющейся у него земель сегодн
земля: удобной _____
неудобной _____

**Председатель Кантонной
Земельной Комиссии
Предволземкомиссии
Секретарь**

на оседлый образ жизни. Государство выделяло им инвентарь, льготные кредиты¹...»

Однако на юге Киргизии земельно-водная реформа не была реализована из-за сложной обстановки. И только в 1925 году на Первом Учредительном съезде Советов Кара-Киргизской Автономной Области (ККАО) было принято решение провести земельно-водную реформу на юге страны. Чайрикеры и безземельные дехкане с каждым годом усиливали свои требования к советской власти о немедленном проведении обещанной реформы. Поэтому в середине 1927 года на Учредительном съезде Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР) было вынесено окончательное решение о проведении этой реформы на юге. Цель ЗВР – сделать хозяевами земли тех, кто на ней работает, и тем самым сплотить их вокруг Советов.



Торекул Айтматов в это время уже работал секретарем Джалал-Абадского канткома (кантонного комитета), поэтому решили возложить на

1 Кыргызская энциклопедия, т. VI.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»

него и обязанности председателя Комиссии по проведению земельно-водной реформы в Джалал-Абадском кантоне.

Ответственный секретарь Киргизского Обкома Шубриков в 1927 году пишет в Средазбюро ЦК ВКП(б) в Ташкент:

«Для проведения земельно-водной реформы (на юге Киргизии – Р. Т.) мы послали очень видных, сильных, подготовленных людей... Выехали Айтматов и Эсенаманов. С их приездом прямо незамедлительно их привлекли к осуществлению земельно-водной реформы...»

Теперь Торекул возложил на себя обязанности не только секретаря канткама, но и председателя комиссии по реализации земельно-водной реформы. Нелегко было... Вот как он описывает ситуацию, отчитываясь на одном из партийных собраний:¹

«Крестьяне не умеют управлять сельскохозяйственными машинами, агрономы не могут им помочь. В Джалал-Абадском кантоне в 1927 году от общей площади самых удобных земель 79,6 % – в руках баев и кулаков, бедное население, которое составляет 76 % хозяйств, занимают всего 20,4 % поливных земель. Баи, переселенцы эксплуатировали бедных крестьян и чайрикеров. В вопросах технического оснащения байские хозяйства не отличаются от бедняцких. Чайрикеры должны были половину урожая отдать хозяину, поэтому не в их интересах думать о повышении урожайности. К тому же простое население не понимает значения реализации этого мероприятия, так как агенты бай-манапства и переселенческого крестьянства и реакционных слоев мусульманского духовенства распространили в среде дехкан клеветнические слухи о том, что земельно-водная реформа – это обман народа. Будто бы лишат всех кыргызов земли, скота, инвентаря, а в кишлаках, где компактно проживали узбеки, был распространен слух, что в результате реформы отберут земли у узбеков и передадут

¹ ЦГА ПД. Ф. 278, д. 1, л. 4-25. Заверенная копия.

кыргызам. Поэтому узбекам надо бороться за присоединение к Узбекистану».

Торекулу пришлось работать в таких сложных, щепетильных условиях. Он даже получил партийное порицание. На него написали донос, что он якобы неправильно проводит земельно-водную реформу. Но проверка показала, что это были незначительные ошибки, допущенные в будничной жизни.

Чтобы убедить население поверить в необходимость проведения земельно-водной реформы, применялись различные формы агитационно-пропагандистской работы: митинги, встречи и собрания. Выступая на одном из таких митингов, один бедняк сказал:

– Мы все время работали на баев и мулл. У них есть все: и земля, и инвентарь, и скот. Чтобы обеспечить своих детей молоком, я арендовал у бая одну дойную корову. За это я круглый год работаю на его земле. Урожай также принадлежит баю. Сколько ни работаю, у меня ничего нет.

Другой дехканин поддержал его доводы:

– Я всю жизнь на кого-то работал. Однако кроме рваной рубашки у меня ничего нет. Сейчас мне дают землю. Не жалея сил, я буду ее обрабатывать. Всю оставшуюся жизнь я посвящу своей земле.

Эти выступления лишний раз доказывали необходимость проведения реформы, ее актуальность.

Успешное проведение земельно-водной реформы укрепило советскую власть на юге республики. Создавались коммуны, товарищества, артели по совместной обработке земли, возникали совхозы.

Улучшилась работа по землеустройству. Значительно увеличились размеры пригодных к пахоте земель, росли посевные площади, улучшилась обработка почв. Организовывались пункты по прокату инвентаря, ввозилось сырье, семена для посевов. Улучшилась оросительная система, увеличились площади орошаемых земель.

Поистине Торекул Айтматов мог гордиться результатами земельно-водной реформы, проведенной им на юге Кыргызстана.

ШКОЛА ИМЕНИ ТОРЕКУЛА АЙТМАТОВА В АРАВАНСКОМ РАЙОНЕ

В 2001 году у меня была возможность несколько раз съездить в Ош. Во время одной из этих поездок мне удалось побывать в селе Ачы Араванского района. В этом аиле есть небольшая школа, которой присвоено имя нашего отца. Я заранее подготовилась к поездке: привезла литературу для школьной библиотеки и небольшую сумму денег. Вместе с Шайымкуль мы приехали в назначенный час в школу. На встречу с нами собрались учителя, сельчане и, конечно, школьники. Во время встречи от учителя Тургунбая Шамасирова я узнала об одной истории, связанной с именем Торекула Айтматова. Тургунбай, в свою очередь, слышал этот рассказ от своего отца Шамасира Ходжаева...

Из материалов тех лет

Сказ учителя из Ачы будет описан чуть ниже. Сначала мне необходимо сделать небольшой экскурс в историю. В те далёкие годы на территории ныне существующих Карасуйского и Араванского районов располагался Араван-Буринский район, один из самых крупных хлопкосеющих районов Киргизии. Хлопок был одним из наиболее важных сырьевых ресурсов, за выращивание и урожайность которого республика несла на себе определённые обязательства (судя по докладам Т. Айтматова, и описаниям Ж.Абдрахманова, которые он сделал в дневнике, обязательства по хлопку были слишком завышенными, невозможно было выполнить план, навязанный сверху – Ташкентом и Москвой) перед Центральными органами в масштабе Средней Азии и Москвы. Состояние сельского хозяйства было очень отсталым и в техническом оснащении, и в организационном плане.

1931 год. Во всей хозяйственной деятельности Араван-Буринского района сложилась очень тяжелая обстановка. Киргизский Обком партии принимает решение назначить опытного и ответственного работника Торекула Айтматова руководителем этого крупного района. В короткий срок Араван-Буринский район из отстающих вышел в передовые. В достижении этого успеха большую роль сыграли не только умение

молодого руководителя организовывать и убеждать людей, но и непрекаемый авторитет Т. Айтматова, который сложился в годы проведения земельно-водной реформы в регионе в период с 1927 по 1928 год.

Авторитет первого секретаря в районе ещё больше укрепился. К нему шли дехкане и всегда получали полезные советы. Их подкупали в нем искренность и простота, стремление помочь людям. Его отличали воля, ум и энергия. В этот период в республике шел непростой процесс коллективизации сельского хозяйства. К концу 1931 года в Араван-Буринский район поступило 2305 заявлений о принятии в колхозы. Основными формами работы были собрания, митинги трудящихся, устная лекционная пропаганда, беседы. К тому времени в Араван-Буринском районе имелось 80 тракторов, работали 7 машинно-тракторных станций (МТС). Как вспоминал ветеран партии Евгений Васильевич Чернецов, *«в те годы работавший на юге Киргизии Торекул Айтматов особое внимание уделял вопросам ирригации, благоустройства сел и строительства дорог»*.

Кстати, в этом районе первый секретарь всегда обращал особое внимание на столь щепетильное дело, как проведение справедливых расчётов за труд с колхозниками. В районе были учреждены следующие премии для ударников:

- *Три центнера риса*
- *Три пары сапог*
- *Одна голова крупного рогатого скота*

Араван-Буринский район в 1932 и 1933 годах был постоянно отмечен на Республиканской Доске Почёта.

Колхозы Араван-Буринского района в 1933 году с каждого гектара сдали государству по девять центнеров хлопка, вместо запланированных семи. Колхозники также выполнили план хлебосдачи, засеяли четырнадцать тысяч гектаров, вместо плановых восьми с половиной тысяч гектаров. Это всё стало возможным благодаря использованию техники, передовых методов ирригации и агрономии того времени, а также землеустроительным мероприятиям, которые способствовали увеличению

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»

площади обрабатываемой и орошаемой земли, повышению урожайности культур.

Как раз в эти годы в селе Ачы и появились три всадника, как вспоминал отец Тургунбая Шамасирова. Впереди ехал молодой с красивой осанкой мужчина, держа в руках красный флаг, символ советской власти. Вторым ехал Торекул Айтматов, он уже был известен на юге страны как один из руководителей, реализовавших земельно-водную реформу.

Было собрание жителей села, на котором Торекул Айтматов говорил о выгоде и преимуществах коллективного хозяйства. Известный и очень популярный в те времена местный акын Барпы пел:

*Ак ат минген батырак,
Айтматов атаң чакырат:
Элиңе болгун чеге,
Жериңе болгун эге.*

*Боз ат минген батырак,
Ботбаев атаң чакырат.
Элиңе болгун чеге,
Жериңе болгун эге...*

В русском переводе это звучит так:

*Батрак на белом коне,
Айтматов заботится как народа отец и призывает тебя
Взять в руки судьбу своего народа,
Стать хозяином своей земли...*

*Батрак на сером коне,
Ботбаев заботится как народа отец и призывает тебя
Взять в руки судьбу своего народа,
Стать хозяином своей земли...*

Махмуд Ботбаев работал в то время председателем КИКа, т. е. исполкома. Авторитет обоих руководителей среди населения был высок, им верили.

Местные дехкане организовали колхоз. Через некоторое время на одном из собраний жители села, учитывая заслуги в создании и развитии новых условий жизни, которые действительно изменили жизнь местных бедняков в лучшую сторону и приобрели их к новым формам и прогрессивным методам ведения хозяйства, решили колхозу присвоить имя Торекула Айтматова.

Тургунбай Шамасиров родился 9 августа 1937 года. В графе «место работы родителей» в свидетельстве о рождении латинскими буквами написано: «Колхоз имени Т. Айтматова». Тургунбай в доказательство этого с гордостью протянул мне свой документ, а позже передал копию.

16 декабря 1937 года всем отделам ЦК, всем РК под грифом «секретно» была выслана выписка из протокола заседания ЦК КП(б) от 15 сентября 1937 года, на котором рассматривался вопрос о переименовании всех колхозов и сельсоветов, носящих «имена контрреволюционных националистов – Исакеева, Уразбекова, Джеенбаева, Алиева, Айтматова, Эсенаманова и других». После этого указания имя Т. Айтматова было изъято из разных публичных документов и наименований.

После распада СССР в 1991 году Тургунбай Шамасиров был одним из инициаторов строительства школы в Ачы и присвоения новой школе имени Торекула Айтматова. Сейчас она является одной из достопримечательностей айла. Вот с какой любовью описывает это сам Тургунбай:

«...Если вы находитесь в пути и поедете в западном направлении от Оша, то это будет дорога на Араванский район. На правой стороне дороги вы увидите гору «Чиль-Устун», на левой - гору «Кыз коргон». Какое-то время вы будете ехать, любуясь этими горами, как вдруг перед Вами появится красивое село, раскинувшееся между ними. Это наш маленький айыл Ачы, посредине которого возвышается двухэтажное здание школы. Раньше в нашем селе не было школы, и дети ходили в соседний айыл, расположенный в пяти-шести километрах.

Итак, школа – это украшение и гордость нашего села, и я в душе всегда надеюсь на то, что дух Торекула будет нас поддерживать и в нашей школе вырастут такие таланты, как его сын Чингиз Айтматов».

Да сбудутся его мечты!

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ:

«Счастливым дом»

Так получилось, что у нашей семьи долгое время не было своего, родительского дома – дома, который должен иметь каждый человек, куда он приходит, в любое время, по любому вопросу и просто так... дом, где собирается семья, где родные могут делиться своими насущными проблемами и радостными событиями... дом, где принимаются важные решения... где все себя чувствуют дома...

Я не вспомню точно, но дом, в котором жила бабушка Аимкан, был то ли отобран, то ли разрушен. Их приусадебный участок кому-то передан. К тому же, бабушка Аимкан любила и часто жила в своей юрте – шикарной, белоснежной. Она сама вышивала туш-кийиз и собственными руками изготовила шырдак, чий и другие детали убранства для этой юрты...

Нашего отца переводили работать из одного района в другой, он проработал во всех областях Киргизии, и квартиры, в которых жила наша семья, были временными и с каждым новым назначением сдавались обратно государству... Так и получилось, что в 1937 году у Айтматовых не было собственного жилья. Только в 1958 году наш старший брат, Чингиз Торекулович, получил квартиру в «писательском доме». Но об этом позже... А сейчас я хочу сообщить о том, что найден дом, в котором жила семья Айтматовых в 1931-34 гг. в городе Ош. В нем в течение многих лет размещается управление кинофикации. Спасибо директору этого учреждения Адылбеку Сарыбаеву! В одной из комнат этого дома он создал дом-музей семьи Айтматовых. Я побывала в этом музее. Как много видений проплыло перед моими глазами!... Но это случилось сейчас, а тогда в 1958 году...



Дом-музей семьи Айтматовых в г. Ош

В 1958 году на Московской улице был построен трехэтажный многоквартирный дом под номером 141. Это тот самый, что расположен напротив сквера имени Тоголока Молдо и был известен в народе как «писательский дом». В нем проживали популярные прозаики, поэты, сказители и деятели искусства того времени: Саякбай Каралаев, Суюнбай Эралиев, Райкан Шукурбеков, Шукурбек Бейшеналиев, Сооронбай Жусуев, Сергей Фиксин, Узакбай Абдыкаимов, Насирдин Байтемиров, Абдрасул Токтомушев, народный артист Казаков, сыгравший Ленина, переводчик Олжобай Орозбаев и другие.

Позже Абдымомуновы¹ переехали в этот дом.

Это были поистине талантливые и одаренные люди. Имена многих были уже известны, и, самое главное, как показало время, каждый из них

¹ Т. Абдымомунов – известный кыргызский драматург, в первое время Токтоболот и Чингиз дружили семьями.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ: «Счастливый дом»

представлял собой личность, которой мог гордиться кыргызский народ. Можно сказать, что цвет писательского сообщества того времени был собран в этом доме.

Я вспоминаю те дни и думаю, как мы могли встречаться каждый день с такими людьми и воспринимать это как обычное явление. Многих из них сейчас нет в живых, и только теперь я оцениваю, какое поколение ушло и уходит от нас.

Чингиз Айтматов и Сооронбай Джусуев получили в этом доме общую четырехкомнатную квартиру. Семья Сооронбая Жусуева состояла из двух человек – самого поэта и его супруги. Наша семья была большая: мама, сам Чингиз, его супруга – Керез-джене, Санжар – его старший сын, Люция и я. И ещё на зиму к нам приезжала Гуляим-апа из Шекера, а также на летние каникулы из Москвы – аспирант Ильгиз. Для каждой семьи было выделено по две комнаты, кухня и санузел – общие. Получение квартиры в городе было очень радостным событием для нас, и не только, я думаю, для всех, кто вселился.

Вскоре у Жусуевых родился первенец. Это была общая радость для обеих семей. Шааркуль-эже, супруга Сооронбая, ещё совсем молодая, не знала, как ухаживать за младенцем. Наша мама была её добровольным помощником, консультантом. Она учила её, как и из чего готовить каши, какой сок приготовить на завтрак или что делать, если у ребенка заболел животик и т. д. Это для неё доставляло истинное удовольствие.

Позже, Шааркуль-эже очень часто с благодарностью вспоминала нашу маму.

– Нагима-апа для меня была как мама. Я никогда не видела таких добрых и бескорыстных людей, – каждый раз говорила она при встрече.

В 1957 году был реабилитирован наш отец, и вскоре маме дали двухкомнатную квартиру. Имея теперь две квартиры, мы смогли обменять их на одну общую, четырехкомнатную, в соседнем подъезде, которая, как говорила мама, стала «счастливой квартирой». В ней произошло много хороших событий для нашей семьи.

Первое. В январе 1959 года у бабушки Нагимы родился второй внук, Аскар Айтматов. О, какая это была радость! Несмотря на плохое здоровье, бабушка Нагима внукам уделяла очень много внимания, растила и

кормила их по режиму. Без устали читала и рассказывала им сказки, пела песни и придумывала игры...



Слева направо: Люция, Санжар и Нагима

Совершенно незабываемым событием был приход к нам в гости Мухтара Ауэзова, широко известного в то время, талантливого казахского писателя. Было это ближе к весне, когда на рынке уже мало было фруктов и овощей (тогда не было таких обильных базаров, как сейчас). Чингиз и Керез специально съездили на базар, купили продуктов. Керез-джене сетовала, что с трудом нашли хорошие яблоки, в одном месте только продавали. Началась подготовка к встрече дорогого гостя...

Квартиру мы с Люсей вымыли, вычистили, все выстирали и выгладили. Был у нас по тем временам модный овальный стол, во главе которого на почетное место поставили кресло для Мухтара Ауэзова. Расстелили белоснежную накрахмаленную скатерть, начали сервировать стол. Под конец Керез-джене ещё раз окинула взглядом гостиную и осталась довольна.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ: «Счастливым дом»

В тот день было какое-то очень важное собрание писателей и все, в том числе Чингиз, опаздывали. Наконец, пришел наш почетный гость, а остальные еще немного задерживались. Случилось, что Чингиз вышел кого-то встретить, а Мухтар-ага остался с Санжаром. Ему было тогда пять лет. Он играл во дворе с друзьями, и его с трудом оторвали от них, позвали домой, чтобы мальчик поздоровался с гостем. И тут Мухтар-ага замечает, что Санжар смотрит на вазу с яблоками:

– Ты хочешь яблоко? Бери, – и сам достал ему яблоко из вазы.

– А можно и моим друзьям? Они во дворе меня ждут.

– Ну, конечно, можно...

Друзья с удовольствием съели яблоки и послали Санжара за следующей порцией...

Заходит в гостиную бабушка Нагима и ахает, увидев, что в вазе с фруктами пусто. Мухтар-ага хохочет:

– Какой отличный внук у вас! Ведь как хорошо, что у него есть друзья! Пусть дети кушают...

А бабушка подумала, как хорошо, что часть яблок оставила, и стала дополнять вазу...

У нас собрались известные в то время очень интересные творческие люди. Во время перерыва все пошли в кабинет Чингиза, всё ещё продолжая обсуждать вопросы, о которых говорили на собрании. В это время Гуляим-апа и бабушка Нагима заходят в гостиную, кладут Аскара на кресло, где сидел Мухтар-ага, и начинают его катать на нем¹... Заходит Ауэзов и не может понять:

– Дорогие байбиче, что вы делаете? - удивлённо спрашивает он.

– Мы желание загадали, чтобы наш Аскар вырос хорошим, достойным человеком, как вы, – объясняли женщины наперебой.

– Ну, хорошо, дай бог, чтобы ваш внук вырос хорошим человеком, – добродушно смеялся Мухтар-ага.

Аскар вырос хорошим человеком. Интеллектуал, высокообразованный и принципиальный, компетентный работник, не умеющий подха-

¹ Чтобы младенец вырос и стал успешным человеком, его по обычаю перекачивают с бока на бок на месте, где только что сидел почетный гость дома. Считается, что его аура будет способствовать духовному росту ребенка.



*Чингиз с сыном Аскарком
г. Фрунзе, 1963 г.*

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ: «Счастливым дом»

лимничать и заискивать. Я думаю, что каждого государственного деятеля, бизнесмена, да и любого человека должно характеризовать сочетание таких качеств.

Говорят, пожелание, произнесенное вслух, слово, мысль материализуются. Поэтому у кыргызов есть поговорка: хорошее пожелание – есть уже наполовину реализованное счастье, благополучие. И, быть может, то искреннее пожелание двух бабушек, то направление и качества, которые они ему прививали в процессе воспитания, имело своё влияние на будущее Аскара. Дай бог, чтобы дух этих двух прекрасных женщин всегда поддерживал его! Здоровья я желаю ему...

Следующим очень важным событием, произошедшим в доме нашей семьи, было присуждение в 1963 году Ленинской премии Чингизу. Безусловно, эта премия имела своё значение для подъема престижа национальной кыргызской литературы, а для Чингиза стала мощным импульсом для дальнейшего развития его творчества. Теперь свою судьбу он бесповоротно связал с писательским трудом. Но была ещё одна причина, по которой присуждение Ленинской премии нашему старшему брату явилось определяющим событием для всей нашей семьи.

Судьба каждого из нас четверых складывалась по-своему. Мы все успешно закончили школу, получили высшее образование и начали работать каждый в своей профессиональной сфере. Но в дальнейшем все чаще сталкивались с негласным препятствием власть имущих в отношении детей «врага народа». «Хрущёвская оттепель» уже была на излете, да она толком и не доходила до Кыргызстана. Присуждение же Ленинской премии автоматически отбросило нападки со стороны идеологов партии и облегчало не только положение Чингиза, но и всех Айтматовых. Иным стало наше положение в обществе продвижение по карьере. Кыргызстан - небольшая страна, в маленьком столичном городе почти все друг друга знают, и очень часто отношение со стороны общества строилось в соответствии с официальным отношением к фамилии.

В период проживания в этой квартире Чингизом были написаны такие произведения, как «Тополёк мой в красной косынке», «Материнское поле», «Прощай, Гульсары», имевшие большой читательский успех. Соседи наши – люди в основном творческие - по-разному относились к успехам Чингиза. Кто-то искренне радовался и каждый раз эмоциональ-

но выражал свою поддержку. Одним из наших соседей был поэт-сатирик Райкан Шукурбеков¹. Он часто заходил к нашей маме, и они вместе радовались успехам Чингиза.

Однажды Райкан пришел обиженный на Чингиза. Оказалось, что в «Топольке...» отрицательную героиню звали Райхан:

– Как мог Чингиз дать мое имя женщине, причем не очень хорошего поведения? – говорил он маме. Чингизу пришлось просить у старшего брата² прощение:

– Извините, Ырааке (Райкан-аке), я не подумал об этом... В следующем издании я заменю ее имя.

И действительно, потом назвал ее Кадичей.

Очень тщательно следили и давали объективную оценку С. Эралиев, О. Орозбаев и другие. Были такие писатели, которые соперничали, необоснованно критиковали. Но как бы то ни было, это всё способствовало развитию литературного процесса в республике. Это было время мощного поколения наших старших братьев, именами которых сейчас гордится наш народ.

В 1968 году к Чингизу лично в гости приехал знаменитый даргинский поэт Расул Гамзатов. Сопровождали его супруга Патимат и два сотрудника КГБ. Расул был «эрке бала», то есть баловнем: что думал, что хотел – все говорил. Очень остроумно, с сарказмом высмеивал и партию, и партийных работников, и власть советскую. Поэтому, чтобы приструнить его, чтобы он держал себя в надлежащих рамках, к нему прикрепили не только жену, но и КГБ-шников. Но эта мера его не сдерживала: он не боясь, не оглядываясь, свободно выражал свои мысли. Первое, что произнес Расул, заходя в дверь:

– Где твоя мама? Я хочу ее поприветствовать.

Мама и раньше читала произведения Расула, но теперь, зная, что он придет в гости, перечитала его стихи заново.

1 Шукурбекова знал и ценил Торекул. По воспоминаниям Нагимы, Торекул возлагал большие надежды на молодого Райкана и предсказывал ему славное будущее, что он будет хорошим писателем.

2 Райкан Шукурбеков происходит из рода Кытай, поэтому Чингиз его уважительно называл старшим братом.



– Здравствуйте, родная! Я очень рад увидеть вас и давно мечтал об этом. Я хотел вам выразить свою благодарность за такого сына, как Чингиз! – преклонив колени, он поцеловал ей руки.

Сейчас в доме № 141 на Московской улице мало осталось тех первых жильцов: многие уже ушли из жизни, и там живут их дети, внуки. Некоторые переехали жить в другие дома. Почти пятьдесят лет прошло, но каждый раз, когда прохожу мимо, во мне появляется щемящая тоска по тем временам, когда мы были молоды и тайно гордились нашими старшими тридцати-сорокалетними братьями, считая их своей опорой, веря в них, да и в лучшее будущее.

Я всегда с теплотой вспоминаю 1958-60 годы, когда мы жили в этом доме. Это было время нашей юности, молодости, мы чувствовали себя счастливыми, о Чингизе уже говорила вся республика. Помню, как пришел один журналист, чтобы написать очерк о нем. Он со всеми беседовал и особенно со мной, может быть, ему было интересно, а может быть, я понравилась ему.

– Какая красивая, одухотворенная семья. Я никогда не видел такой семьи, каждый из вас представляет собой интересную личность – говорил он мне.

Мама смотрела на нас, уже выросших детей, и радовалась. Она гордилась тем, что сыновья похожи на Торекула не только внешне, но и характером: такие же сильные духом, умные, серьезные и благородные. В них так же, как у отца, сильна любовь к своей земле, народу (не просто на словах, а на деле), они так же, как отец, ценят справедливость и честность.

Теперь нам казалось, что мы пережили все тяжелые испытания, выпавшие на долю нашей семьи. Будущее казалось прекрасным, все выдилось в розовом свете, наверное, мы были опьянены своей молодостью.

Что делать, жизнь течет своим чередом. Из этого счастливого «родительского дома» мы разлетелись: Ильгиз женился, мы с Люсей вышли замуж, чтобы далее продолжить свою жизнь самостоятельно.

Мама до конца дней своих была на попечении Чингиза. И мы всегда приходили в тот дом проведать их, поздравить с праздниками или другими событиями. Поэтому тот дом, в котором жил старший брат, всегда оставался главным нашим центром, «родительским домом».

Мне уже более 70 лет, но до последних дней, когда я посещала «родительский дом», мною овладевало чувство «младшенькой» в семье... И Чингиз тоже всегда воспринимал меня так. Теперь его нет... Но все равно, когда прихожу, я слышу его приятный голос и приветливые слова:

– А, Роза, это ты? Как твои дела, как себя чувствуешь, как твои дети?..

По обычаю кыргызов с родителями на старости лет живет младший сын, он ответственен за них. Я помню, как Ильгиз заявлял свои права на маму, хотел, чтобы она жила с ним. Но Чингиз сказал, что маму можешь брать к себе временно, на период моего отъезда куда-нибудь. Так и было. Чингиз перед возвращением из командировки звонил Ильгизу и Керез-джене и просил, чтобы мама была дома к его приезду.

Такая привязанность между ними, наверное, объясняется не только тем, что он был старшим из детей, но и какой-то особой духовной близо-

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ: «Счастливым дом»

стью матери и сына: ведь они вместе перенесли все тяготы и невзгоды, обрушившиеся на нашу семью.

Мама вдумчиво и с пристрастием читала каждую строку его творений, даже статьи и интервью. Она была осведомлена и о тогдашней советской, и мировой литературе. Все анализировала, сравнивала и радовалась за сына.

День присуждения Чингизу Ленинской премии стал поворотным в судьбе семьи Айтматовых, днем высочайшего взлета и возврата авторитета, которым она обладала до 1937 года. Республиканские газеты посвятили Чингизу целые полосы. Со всех концов не только Кыргызстана, но и СССР шли потоком письма и телеграммы. Я помню содержание одной телеграммы, которую направил Иса Коноевич Ахунбаев. Он писал: *«Если народ не может стать великим, то его сыновья должны быть великими»*. Известный и уважаемый всем народом профессор медицины, человек, который первым в Центральной Азии сделал операцию на сердце, он сам уже был одним из великих сыновей Кыргызстана.

В тот день, когда должен был вернуться домой новоиспеченный лауреат Ленинской премии, мама слегла в больницу с тяжелыми приступами. Все поехали встречать Чингиза в аэропорт, а я осталась с мамой в палате. Ее обычно клали в отдельную палату, потому что тяжелое состояние нарушало покой соседей.

Чингиз, не заезжая домой, прямо с аэропорта приехал в больницу. Едва поднявшись с койки, мама припала к груди сына и долго плакала. Но то были слезы радости, чистые и светлые, словно бриллиантовые ручейки горных родников. Впервые за долгие годы она вздохнула свободно, полной грудью, как будто не осталось и следа от нескончаемых страшных дней и бессонных ночей. Словом, Нагима восприняла день торжества и славы сына как духовную победу Торекула.

Все это происходило в нашем родительском «счастливым доме».

Важнейшие даты жизни и деятельности
Торекула Айтматова (1903-1938 гг.)

№	Дата	Событие	Примечание
1	1903 г.	Родился в аиле № 5 Куркуревской волости Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области (ныне с. Шекер Карабуринского района Таласской области, Кыргызстан).	
2	1911-1913 гг.	Учился в Мусульманской школе в селе Шекер	Его первым учителем был Айбаш молдо (родственник, он из рода Шекер)
3	1913-1914 гг.	Работал на строительстве железной дороги близ нынешней станции Маймак	В автобиографии он пишет, что только «до 10 лет я находился на его (отца – Р.Т.) иждивении.»
4	1914-1917 гг.	Учился в Русско-туземной горной школе в г. Аулие-Ата.	
5	1918-1919 гг.	Учился в трудовой школе, затем в реальном училище в г. Аулие-Ата.	

№	Дата	Событие	Примечание
6	1920 г.	Работал секретарём Айльного совета, затем секретарём волостного ревкома (ВРК), секретарём батраческой организации с. Грозное (ныне с. Аманбаево).	Прервал учёбу и вернулся в свой аил в связи со смертью отца.
7	1921 г.	Был избран делегатом на съезд комсомола Сыр-Дарьинской области в г. Ташкент. Остался учиться в Ташкенте в Совпартшколе. Здесь же вступил в РКСМ (член комсомола до 1925 г.).	После окончания партшколы его рекомендовали на учёбу в Москву
8	1921-1924 гг.	Поступил и учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), г. Москва.	
9	1924 – март 1925 гг.	Работал пропагандистом в агитационно-пропагандистском отделе (АПО) Киробкома ВКП (б)	
10	Март 1925 г.	Вступил в члены ВКП(б)	
11	4 ноября 1925 г.	На II-ой партконференции был избран заместителем заведующего АПО Киробкома ВКП(б)	
12	Март 1926 г. – февраль 1927 г.	Работал ответственным секретарём Караколо-Нарынского окружкома ВКП(б)	

№	Дата	Событие	Примечание
13	Февраль 1927 – апрель 1929 гг.	Работал ответственным секретарём Джалал-Абадского кантонного комитета ВКП(б) и председателем Комиссии по проведению земельно-водной реформы в Джалал-Абадском кантоне.	Тогда было принято такое административное деление – кантон – это типа области в нынешнем понимании
14	Апрель 1929 г. – сентябрь 1929 г.	Работал Наркомом промышленности и торговли республики	
15	Сентябрь 1929 г. – апрель 1931 г.	Работал председателем Центрального Совета Народного хозяйства (ЦСНХ) республики	
16	Апрель 1931 – 1934 г.	Работал ответственным секретарём Араван-Буринского, затем Ошского райкома партии	
17	Январь 1934 г. – 1935 г.	Работал вторым секретарём и был членом бюро Киробкома ВКП(б)	
18	Январь 1935 г.	Был слушателем курсов Марксизма-Ленинизма при ЦК ВКП (б)	
19	1936- 1937 гг.	Был слушателем Московского историко-партийного института Красной профессуры	

№	Дата	Событие	Примечание
20	15 сентября 1937 г.	Бюро ЦК КП(б) Киргизии (Протокол № 35 пункт 8 от 15 сент. 1937 г.) попросило ЦК ВКП(б) откомандировать Т. Айтматова с учёбы в распоряжение ЦК КП(б) Киргизии для разрешения вопроса об его партийной принадлежности.	
21	1 декабря 1937 г.	Был арестован главным управлением Госбезопасности НКВД СССР в г. Москве	
22	10 декабря 1937 г.	Решением бюро Дзержинского райкома ВКП(б) г. Москвы был исключен из партии.	
23	14 января 1938 г.	Постановлением УГБ НКВД Кирг. ССР предъявлено предварительное обвинение и содержится во фрунзенской тюрьме.	
24	3 ноября 1938 г.	Объявляется об окончании следствия по делу и следственное дело направляется прокурору республики для предания суду.	
25	4 ноября 1938 г.	Т. Айтматову объявляется обвинительное заключение, которое было утверждено наркомом внутренних дел Кирг ССР полковником Лоцмановым.	

№	Дата	Событие	Примечание
26	4 ноября 1938 г.	Т. Айтматову вручена копия обвинительного заключения	В архиве КГБ КР сохранилась расписка Т. Айтматова о получении им копии обвинительного заключения.
27	5 ноября 1938 г.	Состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного Суда Союза ССР по обвинению Т. Айтматова. Суд приговорил Т. Айтматова к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение немедленно.	
28	15 июня 1957 г.	Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР приговор от 5 ноября 1938 г. в отношении Т. Айтматова отменен за отсутствием в его действиях состава преступления и он был реабилитирован посмертно.	
29	29 ноября 1957 г.	Решением бюро ЦК КП Киргизии Т. Айтматов был реабилитирован и в партийном отношении.	
30	1987 г.	Школе села Шекер присвоено имя Т. Айтматова.	

№	Дата	Событие	Примечание
31	1990 г.	Во дворе школы имени Т. Айтматова в селе Шекер установлен его бюст.	(скульптор - Народный художник Т. Садыков)
32	30 августа 1991 г.	Состоялся траурный митинг в Бишкеке и церемония перезахоронения останков жертв репрессий и казней 1938 г., в том числе Т. Айтматова, возле села Чон-Таш. Мемориальному комплексу дано имя «Ата-Бейит».	
33	1993 г.	Отмечалось 90-летие Т. Айтматова. Изданы две книги: «Торекул Айтмат уулу» и «Торекул Айтматов», его имя присвоено одной из улиц г. Бишкек.	Дата официально не отмечалась
34	2003 г.	Т. Айтматову исполнилось 100 лет.	
35	2013 г.	Т. Айтматову исполнилось 110 лет.	

Участие Т. Айтматова в деятельности органов
государственной власти и управления Кыргызстана
(1925-1937 гг.)

№	Дата	Событие
1	27-30 марта 1925 г.	Участвовал как делегат с решающим голосом и член редакционной комиссии I Учредительного съезда Кара-Киргизской автономной области (ККАО), г. Пишпек (ныне Бишкек).
2	30 марта 1925 г.	На I Учредительном съезде Советов ККАО Т. Айтматов был избран кандидатом в члены облисполкома.
3	20 мая 1925 г.	В состав Совета общества друзей воздушного флота были избраны А. Орозбеков, М. Янгулатов, Т. А. Русин, Т. Айтматов и др.
4	8 ноября 1925 г.	Образована Комиссия по проведению празднования дня милиции. В ее состав вошли Кузнецов (председатель), Т. Айтматов и представитель ОСПС.
5	25 февраля 1926 г.	Образована Комиссия по преобразованию Киргизской АО в Киргизскую АССР. В состав Комиссии вошли И. А. Фатьянов (председатель), Ю. Абдрахманов, Л. А. Авербург, К. Абрамов, Т. Айтматов, И. Тойчинов, Дж. Саадаев и др. Целью Комиссии являлись подготовка проектов Декларации об образовании Киргизской АССР и Конституции Киргизской АССР.
6	6-8 июня 1926 г.	Состоялся IV Пленум Облисполкома Кирг. АССР. Т. Айтматов на организационном заседании был избран членом облисполкома.

№	Дата	Событие
7	7-12 марта 1927 г.	<p>На I Учредительном съезде Советов Кирг. АССР для проработки законопроектов было создано 5 секций. В частности, 5-я секция должна была проработать законопроект по новому киргизскому алфавиту. В секцию были включены К. Тыныстанов, Ю. Абдрахманов, О. Алиев, Т. Айтматов и М. Воробьев. Были намечены пути дальнейшего подъема грамотности населения, что рассматривалось как одно из основных условий быстрого экономического и культурного развития Кыргызстана.</p> <p>Съезд избрал высший орган власти в республике – Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Т. Айтматов был избран членом ЦИК Кирг. АССР. На этом же съезде было избрано 15 делегатов на Всероссийский и Всесоюзный съезды Советов. Одним из делегатов с решающим голосом был Т. Айтматов.</p>
8	6 июля 1927 г.	<p>Создана Центральная Комиссия по подготовке и проведению земельной реформы в южных районах республики, которая впоследствии называлась Центральная Земельная Комиссия при ЦИК Кирг. АССР (ЦЗК ЦИК Кирг. АССР или ЦЦЗК). Т. Айтматов был членом ЦЗК ЦИК Кирг. АССР.</p>
9	12 ноября 1927 г.	<p>На заседании II сессии Киргизского ЦИК был утвержден состав Центральной Земельной Комиссии. Т. Айтматов был утвержден как член Президиума ЦЦЗК. В это время он работал ответственным секретарем Джалал-Абадского канткома ВКП(б). По завершению земельной реформы постановлением ЦИК Кирг. АССР от 2 апреля 1928 года Центральная земельная Комиссия была ликвидирована.</p>

№	Дата	Событие
10	10-13 ноября 1928 г.	Создана Комиссия по объединению Ошского и Джалал-Абадского кантонов. В состав комиссии был включен Т. Айтматов.
11	25-30 апреля 1929 г.	II съезд Советов Кирг. АССР. Для проработки Конституции Кирг. АССР была создана комиссия из 47 человек, в нее вошел и Т. Айтматов. На съезде была утверждена Конституция Кирг. АССР. Т. Айтматов был избран членом вновь избранного ЦИК, а также на первой сессии второго созыва он стал членом Президиума ЦИК Кирг. АССР и оставался в его составе постоянно до октября 1937 года.
12	20 июня 1929 г.	Создана комиссия по передаче промышленному комитету бездействующих промышленных предприятий. Т. Айтматов как нарком промышленности и торговли принимал активное участие в работе комиссии.
13	18 августа 1929 г.	Создан комитет содействия химизации народного хозяйства Кирг. АССР. В задачи комитета входило: содействие проведению в жизнь мероприятий по химизации народного хозяйства, руководство пропагандой химизации народного хозяйства. Активным членом комитета был Т. Айтматов.
14	Январь 1930 г.	Созданы Комиссия по контролю над капитальным строительством и Комиссия по проведению кампании самооблажения. В работе этих Комиссий активное участие принимал Т. Айтматов.

№	Дата	Событие
15	1-6 января 1935 г.	На IV съезде Советов Кирг. АССР Т.Айтматов принял участие в качестве делегата. Съезд избрал делегатов на Всероссийский и Всесоюзный съезды Советов. В числе избранных был и Т. Айтматов.
16	1-4 октября 1937 г.	На VI сессии ЦИК Кирг.АССР четвертого созыва Т. Айтматов был исключен из состава ЦИК Кирг. ССР

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «Могила отцов»	
Чон-Ташская трагедия.....	7
Отдай мать за убийцу твоего отца.....	24
Последняя весточка.....	28
Из моего дневника.....	36
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «Ветвь Айтмата»	
Фамильная санжира.....	43
Бабушка Айимкан.....	56
Айимкуль-апа.....	72
Карагыз-апа и Досалы-жезде.....	75
Досалы-мерген.....	87
Гуляим-апа.....	94
Белое платье с вышивкой.....	107
Алымкул-ата и Керимбек-аке.....	113
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: «Ветвь Хамзы»	
Родословная Нагимы Айтматовой.....	118
Аллея имени Нагимы Айтматовой.....	138
Прощание.....	157
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: «Без отца»	
По страницам следственного дело № 4418.....	173
Время тяжелых испытаний.....	186
Мне приснился отец.....	199

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: «Время перемен»

Реабилитация.....	204
В последний путь.....	213

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «Памяти отца»

Открытие памятника отцу.....	219
Образование и трудовая деятельность Торекула Айтматова	225
Торекул Айтматов и земельно-водная реформа	236
Школа имени Торекула Айтматова в Араванском районе.....	241

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ: «Счастливый дом»

245

Важнейшие даты жизни и деятельности

Торекула Айтматова (1903-1938 гг.).....	256
--	------------

Участие Торекула Айтматова в деятельности органов государственной власти и управления Кыргызстана

(1925-1937 гг.)	262
------------------------------	------------

Роза Айтматова

БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

(МОИ ВОСПОМИНАНИЯ)

Формат 60x84 1/16. Объем 16,75 печ. л.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ОсОО «V.R.S. Company»

г. Бишкек, Кыргызская Республика

e-mail: vrs-co@mail.ru